Годъ 12-й. Кн. XLIV.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ
ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ университетѣ.

1900, № 1.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. А. Янчука.

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева и К°, Петровка, д. Обидиной.
1900.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, при Московскомъ университетѣ.

СОДЕРЖАНІЕ.

чатаніе вышеупомянутаго сочиненія затянулось, а для пользованія предлагаемымъ здѣсь матеріаломъ необходимо хотя поверхностное знакомство съ тѣмъ, что извѣстно о гагаузахъ, то въ настоящей главѣ мнѣ придется, по необходимости, повторить очень многое изъ того, что было уже сказано въ предисловіи къ филологическому матеріалу гагаузовъ, еще не вышедшему изъ печати.

Исторія застаетъ гагаузовъ на западномъ берегу Чернаго моря. Самымъ южнымъ поселеніемъ ихъ считается большая деревня Акдере, лежащая на морскомъ берегу между устьемъ рѣки Камчіи и мысомъ Капъ-Эмонъ, но здѣсь гагаузы выдаютъ себя за грековъ.

Вполнѣ гагаузской областью можно считать лѣсистую терассу къ сѣверу отъ города Варны. Центромъ этого народца являются здѣсь: портовый городокъ Бальчикъ, гдѣ до 1830 года не было ни одного болгарскаго дома, и Каварна съ округомъ Капъ-Каліакра. Далѣе сильно оболгаренные гагаузы живутъ въ сѣверной части Провадійскаго округа. Здѣсь молодое поколѣніе уже совершенно оболгарилось, но старое еще сильно ломаетъ болгарскій языкъ на турецкій ладъ. На востокъ отсюда, въ деревнѣ Воивода-кіой, по дорогѣ изъ Шумлы въ Силистрію, есть христіанскія семейства, говорящія только по-турецки. Кромѣ того, гагаузы живутъ въ Силистріи и ея окрестностяхъ и въ румынской Добруджѣ. Опредѣлить сколько-нибудь вѣрно цифру гагаузовъ, живущихъ въ этихъ мѣстностяхъ, нѣтъ никакой возможности, потому что часть изъ нихъ выдаетъ себя за болгаръ, а другая—за грековъ.

Г. Иречекъ [1]), отъ котораго мы беремъ свѣдѣнія о задунайскихъ гагаузахъ, говоритъ, что это народъ почти исключительно земледѣльческій, по большей части виноградари и хлѣбопашцы, въ городахъ они ремесленники, а на морѣ—рыбаки и береговые мореплаватели. При маломъ ростѣ гагаузы имѣютъ мускулистое сложеніе, широкую, угловатую голову, сильныя руки и ноги. По цвѣту волосъ—это чаще всего глубокіе брюнеты, съ темнымъ цвѣтомъ кожи. Характеръ гагаузовъ страстный. Есть много разсказовъ о грубости, упрямой дерзости и склонности этого народа къ пьянству и буйству. Разсказываютъ также о чувственности ихъ, вслѣдствіе которой Варна и Провадія имѣютъ свою богатую скандалезную хронику.

При всемъ томъ гагаузы твердые, почти фанатическіе христіане, а

---

[1]) *J. Jireček.* Das Fürstentum Bulgarien. Wien. 1891.

Гагаузское семейство села Бешалма, Камратской вол., Бендерскаго уѣзда.

(Два старшіе брата съ ихъ женами, одинъ изъ нихъ — музыкантъ на „кавáлѣ“, съ инструментомъ въ рукахъ; впереди младшій братъ холостой и дѣвочка-подростокъ).

потому нѣкоторые изъ нихъ не разъ терпѣли преслѣдованія со стороны турокъ. Такъ во время послѣдней русско-турецкой войны все населеніе около Капъ-Каліакры должно было бѣжать въ горы, спасаясь отъ грабившихъ ихъ черкесовъ и турокъ, а большая часть городка Каварны, населеннаго гагаузами, погибла въ пламени.

Разговорный языкъ гагаузовъ близокъ къ обыкновенному турецкому, но турецкая письменность имъ неизвѣстна; собственнаго богослужебнаго языка они также не имѣютъ, а потому въ ихъ церквахъ служатъ либо по-болгарски, либо по-гречески, и только проповѣди произносятся на турецкомъ языкѣ. Языкомъ школьнымъ являются также языки болгарскій или греческій.

Такая зависимость гагаузовъ отъ ихъ сосѣдей въ столь важномъ дѣлѣ, какъ религія и образоваиіе, повела за собою внутреннія неурядицы въ средѣ ихъ, такъ какъ раздробила этотъ и безъ того маленькій народъ на двѣ враждебныя партіи: болгарофильскую и грекофильскую. Въ Варнѣ и Бальчикѣ съ ихъ окрестностями водворилось греческое вліяніе, а въ округахъ Провадіи и Силистріи—болгарское. Постоянная вражда между этими двумя партіями по временамъ такъ обостряется, что доходитъ до кровавыхъ стычекъ. Что касается главныхъ виновниковъ этой вражды, грековъ и болгаръ, то и они, разумѣется, тоже не остаются пассивными зрителями. Соперничая изъза гагаузовъ, они враждуютъ между собою и тѣмъ еще болѣе разжигаютъ страсти въ средѣ этого маленькаго народца.

Хотя г. Иречекъ, говоря о неурядицахъ въ средѣ гагаузскаго народа въ настоящее время, ничего не прибавляетъ о томъ, когда онѣ начались впервые, но можно думать, что это случилось уже очень давно и во всякомъ случаѣ ранѣе того времени, когда народъ этотъ сталъ переселяться въ Бессарабію. Это видно между прочимъ изъ тѣхъ враждебныхъ отношеній, которыя наблюдаются по настоящее время въ Бессарабіи между тамошними гагаузами и болгарами, а также изъ того, что въ предѣлы Россіи гагаузы, по крайней мѣрѣ бендерскіе, прибыли въ сопровожденіи греческаго духовенства. Есть поэтому основаніе предполагать, что наши бендерскіе гагаузы на своей родинѣ принадлежали къ грекофильской партіи.

Итакъ, если мы возьмемъ теперь во вниманіе внутреннія неурядицы, раздиравшія гагаузскій народъ на Балканскомъ полуостровѣ, если вспомнимъ преслѣдованія ихъ за вѣру со стороны мусульманъ и прибавимъ ко всему этому знаменитыя разбойничьи шайки Пас-

1*

вана-Оглу и Кара-Феджи, доходившія численностью до 5 тысячъ и свирѣпствовавшія въ Турціи около начала текущаго столѣтія, то для насъ будутъ понятны причины, вызвавшія массовое переселеніе гагаузовъ въ предѣлы нашего отечества.

Послѣ побѣдоносныхъ русско-турецкихъ войнъ, въ царствованіе Императрицы Екатерины, Бессарабія, прежняя турецкая провинція, была включена въ границы Русскаго государства. Населенная гуще только въ сѣверной части, на югѣ эта страна была пустынной степью, прокармливавшей при турецкомъ владычествѣ лишь небольшія орды кочевниковъ-ногайцевъ. Съ присоединеніемъ Бессарабіи къ Россіи, ногайцы сразу куда-то исчезаютъ, и страна эта, обладающая мягкимъ южнымъ климатомъ и черноземной почвой, начинаетъ привлекать къ себѣ взоры ближайшихъ и болѣе отдаленныхъ сосѣдей, которымъ стало почему-либо неудобно или тѣсно оставаться на ихъ родинѣ. Кромѣ переселенцевъ изъ-за Дуная, сюда потянулись въ то время и австрійскіе русины, и румыны, и подольскіе малороссы, и старообрядцы-великороссы, и нѣмцы, и даже евреи. Массовая эмиграція всего этого люда, начавшись около 1750 года, закончилась только въ 1846 году.

Изъ интересующихъ насъ задунайскихъ переселенцевъ въ Бессарабію, гагаузы, какъ оказывается, пришли раньше болгаръ и заняли южную часть Бендерскаго уѣзда и сѣверную Измаильскаго, преимущественно въ бассейнѣ рѣки Ялпухъ.

Первые, одиночные переселенцы изъ Турціи, приходили въ Россію безъ вѣдома русскаго правительства, и потому свѣдѣній объ ихъ дальнѣйшей судьбѣ не имѣется, но когда эмиграція стала усиливаться и приняла наконецъ широкіе размѣры, то правительство наше приняло въ ней живѣйшее участіе. Было учреждено особое Попечительство о колоніяхъ, которое не только щедро награждало эмигрантовъ землей, но и выхлопотало имъ освобожденіе на 50 лѣтъ отъ всякихъ податей и повинностей.

Въ настоящее время никакого Попечительства о колоніяхъ уже не существуетъ, привилегіи колонистовъ окончились, и они сравнены по своимъ правамъ и повинностямъ со всѣми остальными подданными имперіи. Однако слѣды прежнихъ порядковъ въ бывшихъ бессарабскихъ колоніяхъ уцѣлѣли и до нашего времени въ видѣ нѣкоторыхъ особенностей мѣстнаго управленія, не существующихъ въ центральной Россіи.

Краткія историческія свѣдѣнія о заселеніи Бессарабіи мы находимъ у г. Скальковскаго [2]), болѣе же полную картину тѣхъ временъ дастъ намъ разработка архива бывшаго Попечительства о бессарабскихъ колоніяхъ, который еще пока ждетъ своего историка.

Изъ числа русскихъ дѣятелей того времени, работавшихъ по устройству бессарабскихъ колоній, г. Скальковскій упоминаетъ генерала Ивана Никитича Инзова, перваго попечителя колоній, и его преемниковъ: маіора Малявинскаго и нѣкоего Буткова. Имя перваго изъ нихъ еще недавно фигурировало въ нашихъ газетахъ, такъ какъ оно связывается съ воспоминаніями объ Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ. Что же касается Буткова, то имя этого человѣка вовсе неизвѣстно въ нашей литературѣ, но зато оно сохранилось въ памяти того народа, который долгое время находился на его попеченіи. Дѣйствительно, въ одной изъ пѣсенъ, которую мы записали отъ гагаузовъ, упоминается имя Вуткова и говорится, что это былъ человѣкъ съ желѣзной волей.

Изъ числа другихъ преданій гагаузскаго народа, относящихся къ тому же времени, мы записали еще разсказъ о «Капитанѣ Димитри» (ротмистрѣ Димитріи Ватикіоти, умершемъ въ 1820 году, бывшемъ командирѣ ополченія изъ бессарабскихъ колонистовъ, служившаго подъ начальствомъ Суворова и Румянцова). Этого «капитана» гагаузы считаютъ своимъ и, путая хронологію, разсказываютъ, что онъ спасъ жизнь Императора Николая I-го отъ покушенія со стороны какого-то араба, въ благодарность за что будто бы императоръ вызвалъ гагаузовъ изъ-за Дуная и надѣлилъ ихъ землей. Кромѣ того, у гагаузовъ сохранился разсказъ о томъ, какъ турки препятствовали ихъ дѣдамъ выселяться въ предѣлы Россіи и возвращали ихъ съ половины пути, если узнавали, что они направляются за Дунай, и о томъ, какъ они принуждены были подвигаться къ русской границѣ со своими обозами только по ночамъ и прибѣгали при этомъ къ хитрости. Останавливаясь на день, переселенцы всякій разъ поворачивали дышла своихъ повозокъ въ сторону, противоположную Россіи, и на вопросъ турокъ, откуда ѣдутъ, неизмѣнно отвѣчали: «Ивандаи», т.-е. отъ Ивана (Иваномъ въ тѣ времена называли въ Турціи русскихъ). Наконецъ, въ числѣ гагаузскихъ пѣсенъ мы записали одну историческую

---

[2]) *А. Скальковскій.* Болгарскія колоніи въ Бессарабіи и Новороссійскомъ краѣ. Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. Ч. LVIII, VI, стр. 354.

пѣсню о знаменитомъ разбойникѣ Пасванѣ-Оглу (по-гагаузски Позвонд-Оолу), грабившемъ, какъ мы уже говорили, въ началѣ текущаго столѣтія въ предѣлахъ нынѣшняго Княжества Болгарскаго.

Часть южной Бессарабіи, занятая въ настоящее время гагаузскими и болгарскими колоніями, представляетъ изъ себя безлѣсную степь ровную и низменную въ Измаильскомъ уѣздѣ близъ устьевъ Дуная, но постепенно возвышающуюся по направленію къ сѣверу, а въ Бендерскомъ уѣздѣ изрѣзанную грядами высокихъ глиняныхъ холмовъ, тянущихся въ направленіи съ сѣвера на югъ. Между этими грядами, въ ихъ складкахъ, протекаетъ нѣсколько чрезвычайно извилистыхъ рѣчекъ, притоковъ Дуная, общее направленіе которыхъ съ сѣвера на югъ. При своемъ впаденіи въ Дунай эти рѣчки, встрѣчая очень ровную мѣстность, разливаются въ озера или лиманы, никогда не пересыхающіе, тогда какъ самыя рѣчки принадлежатъ къ числу такъ называемыхъ степныхъ, т.-е. онѣ наполняются водою только весной и при сильныхъ дождяхъ, лѣтомъ же совершенно пересыхаютъ, оставляя послѣ себя только кое-гдѣ пруды и лужи стоячей воды.

Почва въ этой мѣстности повсюду черноземная съ глиной, изрѣдка пересѣкаемая такъ называемыми у гагаузовъ екинниками, т.-е. мѣстами съ совершенно неудобной для земледѣлія землей, покрытой бѣлымъ, порошкообразнымъ налетомъ. Интересуясь составомъ этого налета, я собралъ его и подвергъ химическому анализу: онъ оказался чистѣйшей Глауберовой солью (Na_2SO_4).

Гагаузы живутъ, какъ мы уже говорили, преимущественно въ бассейнѣ рѣки Ялпуха огромными селами, отъ 2-хъ до 5-ти тысячъ жителей въ каждомъ. Мелкихъ поселковъ здѣсь вовсе не встрѣчается. Любопытно, что въ Бендерскомъ и Измаильскомъ уѣздахъ всякій прекрасно знаетъ гагаузовъ и ни за что не смѣшаетъ ихъ съ болгарами, но оффиціально гагаузы не существуютъ, такъ какъ со дня ихъ переселенія изъ-за Дуная они зачислены болгарами, говорящими по-турецки, и числятся таковыми по настоящую минуту (впрочемъ, надо надѣяться, что послѣдняя народная перепись возвратитъ, наконецъ, этому народу его утраченное имя). А такъ какъ для нашей власти вопросъ о томъ, кто изъ болгаръ говоритъ по-турецки, а кто по-болгарски, не представляетъ никакого интереса, то поэтому не существуетъ никакихъ оффиціальныхъ данныхъ о томъ, какія именно Бессарабскія колоніи населены гагаузами. Вотъ почему мы, заинтересовавшись этимъ вопросомъ съ этнографической точки зрѣ-

нія, должны были руководствоваться не какими-либо оффиціальными источниками, а просто показаніями самихъ гагаузовъ и тѣхъ изъ мѣстныхъ священниковъ и учителей, которымъ приходилось на своемъ вѣку много поѣздить по Бессарабіи, или же нѣсколько разъ перемѣнять свое мѣсто жительства.

По этимъ даннымъ, гагаузскія села расположены въ Бендерскомъ уѣздѣ только въ двухъ волостяхъ, въ Камратской и въ Чадырлунгской. Къ первой относятся села: Камра́тъ, Бешалма́, Дизинджя, Чокмейда́нъ, Кыпча́къ, Авдарма́, Джялта́й, Тома́й, Карлыкъ, Вашкюю, и Ва́ле-Пѐрже. Въ послѣднихъ двухъ селахъ живутъ наполовину гагаузы, наполовину болгары. Къ Чадырлунгской волости принадлежатъ: Чадырлунга, Киріетлунга, Копкуй, Баурчи́, Хайда́ръ, Казаяклы́, Александровка и Дмитріевка. Къ сѣверу и къ западу отъ этихъ колоній живетъ сплошное молдаванское населеніе, къ востоку тянется цѣлый рядъ нѣмецкихъ колоній, а къ югу—гагаузскія же колоніи, но только Измаильскаго уѣзда. Въ двухъ упомянутыхъ нами волостяхъ Бендерскаго уѣзда гагаузы живутъ сплошной массой; къ нимъ здѣсь не принадлежатъ только двѣ колоніи: Фѐрапонтьевка Камратской волости, населенная малороссами, и Кирютня или Кѐртинъ—чисто болгарская.

Въ Измаильскомъ уѣздѣ, который здѣсь называется «Новой Бессарабіей», потому что отошелъ къ намъ отъ Румыніи только въ 1878 году, гагаузы уже не живутъ такой сплошной массой, какъ въ Бендерскомъ уѣздѣ; ихъ села перемѣшаны тамъ съ болгарскими и молдаванскими. Чисто гагаузскими колоніями здѣсь считаются слѣдующія: Конга́зъ, Таба́къ,Еникюю, Каракуртъ, Фрекацэй, Балбо́ка, Чишмекюю, Курчи, Волкане́шты, и Ютюлюкюю, или Этулія. Въ Булгаріи, Болгра́дѣ, Карага́чѣ, Ташбуна́рѣ и Троянѣ гагаузы смѣшаны съ болгарами, а въ Ларжа́нкѣ—съ молдаванами и русскими. Вотъ и всѣ колоніи Бессарабіи, въ которыхъ живутъ гагаузы и внѣ которыхъ попадаются только одиночными семействами.

Центромъ всѣхъ гагаузскихъ колоній нужно считать Камра́тъ—большое торговое село съ 10 тысячами жителей, которое здѣшніе русскіе въ шутку называютъ «столицей Гагаузіи», точно такъ же какъ центромъ болгарскихъ колоній является заштатный городъ Болградъ,

Измаильскаго уѣзда, не уступающій Камрату въ отношеніи многолюдства, торговли и зажиточности жителей.

Камратъ хотя и лежитъ въ сторонѣ отъ желѣзной дороги, но представляетъ изъ себя очень бойкое, богатое и даже довольно цивилизованное, по сравненію со многими другими, мѣстечко, въ которомъ есть большой соборъ, кладбищенская церковь, реальное училище, два-три сельскихъ училища, камера земскаго начальника, контора нотаріуса, квартира станового пристава и множество лавокъ. Здѣсь въ хорошихъ, хотя и одноэтажныхъ, каменныхъ домахъ проживаютъ гагаузскіе богачи, преимущественно крупные землевладѣльцы и купцы. Интересно, что въ варшавскихъ польскихъ газетахъ очень часто можно прочесть объявленія о времени, когда начинаются занятія въ Камратскомъ реальномъ училищѣ, такъ какъ многіе варшавяне, по неимѣнію свободныхъ вакансій въ Варшавѣ, отдаютъ сюда въ науку своихъ сыновей. Отсюда выходитъ въ нашу русскую интеллигенцію немало состоятельныхъ гагаузовъ, которыхъ можно встрѣтить въ настоящее время не только среди мѣстнаго духовенства и народныхъ учителей, но даже и среди офицеровъ нашей арміи.

Гагаузы, живущіе въ Россіи,—земледѣльцы по преимуществу и долго еще останутся таковыми, потому что въ качествѣ первыхъ колонистовъ Южной Бессарабіи были богаче надѣлены землею, чѣмъ всѣ другіе. Вообще это очень способный, энергичный и трудолюбивый народъ, который легко самъ найдетъ себѣ новый заработокъ даже и въ томъ случаѣ, если, вслѣдствіе естественнаго прироста населенія, обѣднѣетъ въ земельномъ отношеніи.

Точное число гагаузовъ въ Россіи пока еще не извѣстно, но, вѣроятно, скоро будетъ обнародовано, когда сведутся окончательно результаты послѣдней народной переписи; приблизительное же число ихъ можно опредѣлить тысячъ въ 70, т.-е. почти столько же, сколько насчитывается въ Россіи и болгаръ.

Опредѣливши территорію, занимаемую гагаузами въ настоящее время, перейдемъ теперь къ гипотезамъ объ ихъ происхожденіи.

Такихъ гипотезъ мы знаемъ въ настоящее время двѣ: 1) что гагаузы—это потурченные болгары, 2) что они потомки куманъ или половцевъ, исчезнувшихъ, какъ извѣстно, изъ южной Россіи послѣ нашествія монголовъ.

Первая изъ этихъ гипотезъ неизвѣстно кому принадлежитъ. Она образовалась еще на Балканскомъ полуостровѣ, по всей вѣроятности,

въ пылу полемики между болгарами и греками изъ-за вопроса о правахъ на ассимиляцію гагаузовъ. Вмѣстѣ съ переселенцами, гагаузами, она пришла въ Бессарабію изъ-за Дуная и сохраняется тамъ среди болгарскаго простонародья, а съ его голоса и среди всѣхъ русскихъ бессарабцевъ, начиная съ простонародья и кончая духовенствомъ и мѣстными властями. Вѣроятно, отсюда же произошло и то обстоятельство, что нашему правительству гагаузы извѣстны не подъ собственнымъ именемъ, а подъ именемъ болгаръ, говорящихъ по-турецки. Между тѣмъ въ настоящее время болгарское происхожденіе гагаузовъ оказывается только гипотезой, притомъ же ни на чемъ не основанной. Гипотеза эта имѣетъ за собой такъ мало историческихъ данныхъ, что ни болгарская интеллигенція, ни г. Иречекъ, единственный изслѣдователь вопроса о происхожденіи гагаузовъ, не находятъ возможнымъ ее принять, такъ какъ настоящіе потурченные болгары, также какъ и потурченные сербы, всѣмъ извѣстны. Извѣстно также, что отурченіе этихъ народовъ состояло главнымъ образомъ въ томъ, что они приняли отъ турокъ исламъ; что же касается языка и другихъ національныхъ особенностей, то все это у нихъ сохранилось прежнее. И дѣйствительно, насильно навязать свой языкъ болгарамъ турки могли бы только въ двухъ случаяхъ: 1) если бы численность ихъ во много разъ превосходила численность болгаръ, 2) если бы къ услугамъ турокъ было всеобщее обязательное обученіе всѣхъ болгаръ на турецкомъ языкѣ. Но извѣстно, что ни тѣмъ, ни другимъ средствомъ турки не располагали: численность ихъ, по сравненію съ численностью покоренныхъ ими народовъ, была совершенно ничтожная, а ихъ умственный уровень былъ настолько низокъ, что о всеобщемъ обязательномъ обученіи они и подумать не могли. Итакъ, гипотеза о болгарскомъ происхожденіи гагаузовъ должна быть оставлена, какъ не выдерживающая серьезной критики.

Гораздо болѣе вѣроятія за собою имѣетъ другая гипотеза, принадлежащая г. Иречку, такъ какъ извѣстно, что наши бывшіе сосѣди куманы или половцы, спасаясь отъ нашествія монголовъ, разбѣжались во всѣ стороны, а между прочимъ и на Балканскій полуостровъ.

Ближайшимъ поводомъ къ образованію этой гипотезы было несомнѣнное сходство народнаго имени гагаузовъ съ именемъ узовъ или огузовъ, которымъ, по словамъ г. Иречка, назывались куманы или половцы. Первый, кто обратилъ свое вниманіе на такое сходство, былъ г. Славейковъ.

Свое предположеніе о куманскомъ происхожденіи гагаузовъ г. Иречекъ старается подкрѣпить данными изъ исторіи древняго „Болгарскаго царства“, въ которой тюркскій элементъ принималъ несомнѣнное участіе задолго до появленія на Балканскомъ полуостровѣ Турокъ - Османъ и до завоеванія ими Византіи. Участіе это было настолько значительно, что даже одна изъ династій, царствовавшихъ на болгарскомъ престолѣ, была тюркскаго происхожденія. Далѣе г. Иречекъ находитъ въ Болгаріи названія мѣстностей и фамиліи, происходящія отъ народнаго имени куманъ, и, наконецъ, подыскиваетъ слова гагаузскаго нарѣчія, сходныя со словами куманскаго языка, элементы котораго, какъ мы увидимъ ниже, уже установлены новѣйшими изслѣдованіями оріенталистовъ. Словомъ, гипотеза г. Иречка имѣетъ за себя много историческихъ и географическихъ данныхъ, при одномъ только непремѣнномъ условіи, что половцы или куманы—ничто иное, какъ средневѣковые узы или огузы. А для того, чтобы ближе познакомиться съ этимъ вопросомъ, мы и обратимся теперь къ послѣднему слову исторической науки объ историческихъ судьбахъ различныхъ народовъ тюркской расы, которые въ періодъ времени съ 9-го по 13-ое столѣтіе кочевали въ южно-русскихъ степяхъ.

Тюркскіе народы, какъ извѣстно, впервые появляются въ Европѣ уже въ историческія времена, тогда какъ прародиной ихъ была Средняя Азія. Въ послѣднее время, благодаря изслѣдованіямъ оріенталистовъ, удалось даже опредѣлить совершенно точно ту мѣстность, въ которой жили эти народы передъ тѣмъ, какъ они, вслѣдствіе какихъ-то причинъ, передвинулись въ Европу. Мѣстность эта—Монголія.

Въ нашей географической литературѣ уже давно были извѣстны на берегу рѣки Орхона (притокъ р. Енисея) какія-то таинственныя надписи на скалахъ, которыя получили названіе Орхонскихъ. Долгое время всякія попытки прочесть эти надписи, или хотя бы опредѣлить, какому народу онѣ принадлежали, оставались безуспѣшными. Но, наконецъ, лѣтъ 5—6 тому назадъ, благодаря остроумію датскаго оріенталиста Вильгельма Томсена, ключъ къ этимъ Монгольскимъ рунамъ былъ найденъ, и онѣ оказались принадлежащими тюркскому народу, который самъ себя называлъ Тюрк-Огуз.

Точное время, къ которому относятся эти надписи, если мы не ошибаемся, еще неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ оно предшествовало появленію въ Восточной Европѣ цѣлаго ряда тюркскихъ народовъ и народцевъ, потянувшихся приблизительно черезъ нынѣшнія

Акмолинскую, Тургайскую и Уральскую области въ наши южнорусскія степи, гдѣ они вошли въ столкновеніе съ русскимъ народомъ.

Наиболѣе крупнымъ изъ этихъ племенъ были, по Голубовскому [3]): Печенѣги, Узо-Торки и Половцы. Такъ какъ изъ нихъ насъ наиболѣе интересуетъ второе, т. е. Узо-Торки, то мы и позволимъ себѣ выписать изъ монографіи г. Голубовскаго все главное, касающееся исторіи этого народа отъ времени появленія его изъ-за р. Урала и до исчезновенія со страницъ русской лѣтописи. Вотъ что мы находимъ объ этомъ у г. Голубовскаго:

„Печенеги въ 9 вѣкѣ занимали уже область между Волгой и Яикомъ. Къ югу отъ нихъ простиралась Хазарія, къ востоку жили Узы, за р. Ураломъ, а къ западу, вѣроятно, между Волгой и Дономъ, кочевали Венгры. Во второй половинѣ этого столѣтія на восточныхъ окраинахъ степи начинается движеніе... Печенеги были вытѣснены изъ своей области (союзомъ Хазаръ съ Узами) и при своемъ движеніи столкнулись на западъ отъ Волги съ кочевьями Венгровъ. Послѣдніе... подвинулись къ Днѣпру...

Около 1036 г. на востокѣ степей начинается новое движеніе. Изъ-за Яика подвигаются... Половцы. Они начинаютъ тѣснить Торковъ, которые подъ ихъ давленіемъ стремятся съ береговъ Волги и Дона на западъ. Это племя, судя по имѣющимся фактамъ, не отличалось особенной дикостью и воинственностью. Прогнавъ въ союзѣ съ Хазарами Печенеговъ съ береговъ Дона, они, по своему миролюбію, позволяютъ части послѣднихъ остаться на старыхъ кочевьяхъ въ собственной области. Не слышно и о набѣгахъ ихъ на сосѣдей. Единственное извѣстіе, говорящее объ этомъ, принадлежитъ Массуди; онъ разсказываетъ, что... Хазары построили крѣпость, въ которой постоянно находится гарнизонъ для удержанія кочевыхъ народцевъ, особенно Узовъ... Нѣтъ также ни одного указанія на борьбу Торковъ съ Печенегами въ 10 вѣкѣ. Это доказываетъ, что они не думали прорываться далѣе на западъ и спокойно кочевали въ области Волги и Дона. И послѣдующая ихъ судьба показываетъ, насколько это племя не подходило къ Печенегамъ и Половцамъ по воинственности и страсти къ грабежамъ и опустошеніямъ... Только съ 11 в. мы видимъ ихъ въ

---

[3]) *Голубовскій.* „Печенѣги, Торки и Половцы до нашествія татаръ". Кіевъ, 1884 года.

рый можетъ выводить свою родословную отъ древнихъ узовъ, торковъ или черныхъ клобуковъ. На Балканскомъ же полуостровѣ г. Иречекъ, по поводу гагаузовъ, указываетъ еще на другой маленькій народецъ, историческія судьбы котораго и положеніе въ турецкомъ государствѣ чрезвычайно сходны съ судьбой и положеніемъ гагаузовъ. Имя этого народца Сургучи можетъ быть производимо отъ Сур-Огуз [1]). Этотъ маленькій народецъ, по словамъ г. Иречка, также какъ гагаузы, съ незапамятныхъ временъ исповѣдуетъ православную вѣру и живетъ въ 5—6-ти деревняхъ Адріанопольской «Казы» и въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ около Гафсы и Баба-Эскизи, по дорогѣ изъ Адріанополя въ Константинополь. Къ сожалѣнію, г. Иречекъ ничего болѣе не сообщаетъ объ этомъ народцѣ, кромѣ того, что мы здѣсь приводимъ.

Итакъ, изъ всего приведеннаго можно заключить, что народъ, которому принадлежали орхонскія надписи, «торки» или «узы» русскихъ лѣтописей и гагаузы—все это одинъ и тотъ же народъ. Его имя Огузы очевидно—только имя одного изъ племенъ болѣе обширнаго народа тюрки или торки. Имя этого послѣдняго мы читаемъ въ орхонскихъ надписяхъ съ произношеніемъ «тюрк», въ русскихъ лѣтописяхъ, вѣроятно въ духѣ русскаго языка, оно измѣнилось въ торк; что же касается гагаузовъ, то они хотя не называютъ себя тюрками, но воспоминаніе объ этомъ имени сохранилось въ ихъ языкѣ. Такъ, напримѣръ, говоря о своемъ собственномъ языкѣ, они называютъ его то турецкимъ («тюрк»), то гагаузскимъ, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ—исключительно турецкимъ. Такъ, если два гагауза разговариваютъ другъ съ другомъ и одинъ изъ нихъ почему-либо не понимаетъ мысль другого, то другой въ нетерпѣніи упрекаетъ его «тю̂ркча анн́емысын?» т.-е. «по-турецки-то ты понимаешь ли?» Но никогда не скажетъ: «гагаўзча анн́емысын?» т.-е. «по-гагаузски-то ты понимаешь ли?» Точно также, если заговорить съ гагаузами о туркахъ-османахъ, то они, смутно сознавая, что тюрк—это ихъ собственное народное имя, и продолжая питать къ османамъ ненависть, никогда не назовутъ ихъ именемъ тюрки,

[1]) Народное имя Сургучей можетъ быть также произведено и отъ имени печенѣжскаго колѣна Тзуръ, но тогда пришлось бы предположить, что Печенѣги называли себя Гуч или Гуц, на что мы не имѣемъ пока никакихъ данныхъ. Было бы въ высшей степени интересно изслѣдовать этотъ загадочный народецъ и опредѣлить его историческое прошлое.

не скажутъ, что они говорятъ по-турецки, а назовутъ османами, говорящими «по-османски».

Вѣроятность приводимой нами исторіи происхожденія гагаузскаго народа и его имени увеличивается еще болѣе, если мы вспомнимъ всемірный законъ образованія народныхъ именъ. А именно: народъ, имѣющій какое-либо имя, до тѣхъ поръ носитъ только одно это имя и до тѣхъ поръ составляетъ нѣчто однородное цѣлое, пока численность его не превзойдетъ нѣкотораго предѣла. Но какъ только это случилось, такъ народъ, взятый нами, начинаетъ распадаться на мелкія группы, изъ которыхъ каждая къ своему прежнему народному имени прибавляетъ еще другое имя, имя группы. Съ дальнѣйшимъ теченіемъ времени каждая изъ группъ, все продолжая размножаться, сначала пріобрѣтаетъ величину и значеніе отдѣльнаго самостоятельнаго народа, а потомъ и сама въ свою очередь снова распадается на группы, изъ которыхъ каждая получаетъ своесобственное имя, и такъ далѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ имя народа-родоначальника понемногу забывается и замѣняется позднѣйшими именами тѣхъ группъ, на которыя онъ раздробился. Такимъ образомъ Арійцы раздробились на Грековъ, Романцевъ, Литовцевъ, Славянъ и проч. Каждая изъ этихъ народныхъ группъ въ свою очередь раздробилась на новыя группы; напримѣръ, отъ Славянъ произошли: Русскіе, Поляки, Чехи, Болгары, Сербы и т. д. Русскіе въ свою очередь раздробились на племена: великороссійское, бѣлорусское и малорусское и т. д. При этомъ имена народовъ: Арійцы и Славяне, какъ самыя древнія, уже совершенно утратились изъ памяти русскаго народа. Точно такимъ же порядкомъ и по тому же закону древній народъ Тюрк выдѣлилъ изъ себя племя Тюрк-Огузовъ, а это послѣднее племя дало начало народу Гаг-Огузовъ или Гагаузовъ.

Что касается половцевъ или куманъ, то они, повидимому, тоже произошли отъ народа Тюрк или какого-либо другого, ему родственнаго, но во время пребыванія въ южной Россіи называли себя уже не «тюрками», а только куманами, подъ каковымъ именемъ они и стали извѣстны во всей западной Европѣ. Что имя это не было, подобно имени половцевъ, кличкой, подъ которой этотъ народъ былъ извѣстенъ его сосѣдямъ, а настоящимъ народнымъ именемъ, которымъ они сами себя называли, видно между прочимъ изъ того, что оно удержалось во многихъ географическихъ названіяхъ въ очень отдаленныхъ одна отъ другой мѣстностяхъ. Такъ, въ Венгріи,

куда куманы выселились послѣ монгольскаго нашествія, существуютъ до настоящаго времени двѣ области съ названіями: Куманія большая и Куманія малая. Языкъ куманскій еще долго сохранялся въ этихъ двухъ провинціяхъ Венгріи и исчезъ, замѣнившись венгерскимъ, только въ 18 столѣтіи. Далѣе воспоминаніе о куманахъ сохраняется еще кое-гдѣ въ Болгаріи, но только не тамъ, гдѣ жили гагаузы. Г. Иречекъ указываетъ, между прочимъ, деревню Команите въ Балканахъ и дер. Куманицу около Софіи. Кромѣ того, по словамъ того же г. Иречка, въ Болгаріи встрѣчаются фамиліи: Куманъ и Кумановъ. Наконецъ, нѣкоторые изслѣдователи сближаютъ съ именемъ куманъ имя кавказкаго народца кумыковъ.

Противъ тожества куманъ съ гагаузами говорятъ болѣе всего недавнія филологическія открытія. А именно: въ алтарѣ собора св. Марка въ Венеціи долгое время сохранялась рукопись, написанная латинскими и нѣмецкими буквами на никому неизвѣстномъ языкѣ. Рукопись эту разобралъ впервые и издалъ оріенталистъ, графъ Геза Куунъ. Онъ нашелъ, что языкъ, на которомъ она была написана, была языкомъ куманскимъ. Позже нашъ академикъ, докторъ В. В. Радловъ, проанализировалъ эту рукопись, перевелъ ее и составилъ по ней словарь куманскаго языка. Оказалось, что она была составлена въ 1303 году по Р. Х. и состояла изъ отрывковъ Новаго Завѣта и молитвъ. Авторами рукописи, какъ полагаютъ, были генуэзскіе купцы и нѣмецкіе миссіонеры, собиравшіеся поѣхать съ проповѣдью Евангелія къ куманамъ или къ какому-либо другому изъ тюркскихъ народовъ. Извѣстно, что въ 14 вѣкѣ, такъ называемый «lingua cumanesca» (куманскій языкъ) былъ такъ же необходимъ для купцовъ и миссіонеровъ, отправлявшихся на востокъ, какъ въ наше время французскій для путешествующаго по Европѣ.

Издавши свои труды подъ заглавіемъ Codex comanicus (Запис. Имп. Акад. Наукъ, т. 35 № 6), докторъ В. В. Радловъ пришелъ къ заключенію, что куманскій языкъ есть древнѣйшій представитель кипчакскаго діалекта, находящійся въ ближайшемъ родствѣ съ діалектами волжскихъ татаръ, и что въ настоящее время на этомъ языкѣ съ самыми незначительными въ немъ измѣненіями говорятъ литовскіе караимы (луцкіе и трокскіе). Откуда слѣдуетъ, что за 5 вѣковъ, протекшихъ со времени написанія названнаго Codex'а, т. е. съ 14 вѣка по настоящее время, куманскій языкъ, сохраняясь въ устахъ народа, не потерпѣлъ значительныхъ измѣненій. Значитъ, гагаузскій

языкъ, сильно отличающійся отъ языка куманскаго, не могъ быть результатомъ его пятивѣкового развитія, а слѣдовательно мы имѣемъ здѣсь еще новое доказательство того, что Куманы не могли быть предками гагаузовъ.

Если принять на основаніи предыдущихъ соображеній, что предками гагаузовъ нужно считать черныхъ клобуковъ, то можно думать, что гагаузы приняли свое православіе отъ русскаго народа еще въ 11 или 12 вѣкѣ. Кромѣ того, зная о близкомъ сосѣдствѣ, въ которомъ когда-то жили предки гагаузовъ съ русскимъ народомъ, можно ожидать сходства ихъ этнографическаго матеріала съ таковымъ же матеріаломъ нашего народа. И дѣйствительно, какъ читатель увидитъ ниже, сходство это поразительное, доходящее до мельчайшихъ деталей, хотя рядомъ съ этимъ въ гагаузскомъ матеріалѣ есть элементы сходные съ болгарскими, молдаванскими, татарскими и даже вотяцкими этнографическими особенностями, не говоря уже о такихъ элементахъ, которые можно считать международными.

Въ настоящей статьѣ мы очертили вѣрованья, обряды и обычаи, соединенные у гагаузовъ съ рожденіемъ ребенка, а также игры и развлеченія дѣтства, отрочества и юности, въ дальнѣйшихъ же намѣреваемся изложить слѣдующіе отдѣлы: 1) свадьба, семейныя и общественныя отношенія и отношеніе гагаузовъ къ другимъ національностямъ, 2) міросозерцаніе гагаузовъ, ихъ вѣрованья и народный календарь, 3) жилище, одежда, пища и занятія и 4) смерть, похороны и представленіе о загробной жизни.

II.

Родины и крестины.

По виду беременной женщины и формѣ ея живота гагаузы стараются угадать полъ будущаго ребенка. Если животъ острый (сиври), то ожидаютъ мальчика, если же плоскій, то—дѣвочку (1).

За недѣлю до предполагаемаго дня рожденія беременная женщина исповѣдуется и причащается. Дня за три до родовъ и спустя три дня послѣ родовъ гагаузы считаютъ почему-то крайне опаснымъ давать роженицѣ воду, а потому замѣняютъ ее водкой. «Если роженица выпьетъ хоть каплю воды, говорятъ гагаузы, то она можетъ тотчасъ же умереть» (2).

На случай родовъ нѣкоторые гагаузы держатъ у себя за иконами засушенное растеніе Панайіін елі (т. е. Богородицына рука), привозимое паломниками изъ Іерусалима. По преданію, за это растеніе держалась рукою Богородица, когда рождала Спасителя. Вѣтки его въ сухомъ видѣ, расходясь изъ одного корешка, загибаютъ свои концы внутрь, а потому получаютъ весьма отдаленное сходство съ рукой, зажатой въ кулакъ. При началѣ родовъ растеніе это погружаютъ въ воду и смотрятъ, что станется съ его вѣтками. Если онѣ расправятся и вытянутся, то ожидаютъ родовъ легкихъ, если же останутся въ сжатомъ видѣ, то это предвѣщаетъ роды тяжелые.

Родильницу не отдѣляютъ отъ прочихъ членовъ семьи, какъ это дѣлается въ иныхъ мѣстахъ; роды происходятъ обыкновенно въ томъ же помѣщеніи, гдѣ всѣ живутъ, но только на это время удаляютъ изъ него всѣхъ дѣтей и мужчинъ, кромѣ мужа, который, по словамъ однихъ, не обязанъ присутствовать при родахъ своей жены, но можетъ, если пожелаетъ, а по словамъ другихъ, не только обязанъ присутствовать при родахъ, но долженъ держать у себя на колѣняхъ голову жены (3), потому что «вмѣстѣ грѣшили, вмѣстѣ должны и родить».

Выкидышъ (дюшюрмя), по мнѣнію гагаузовъ, непремѣнно долженъ быть, хотя бы одинъ разъ въ жизни, у каждой родящей женщины, а потому при первомъ выкидишѣ никто особенно не безпокоится. Если же онъ повторяется, то его объясняютъ себѣ или тѣмъ, что женщина поднимала во время беременности или работала что-нибудь тяжелое, или тѣмъ, что она сильно чего-нибудь пожелала, но желаніе ея не было своевременно исполнено. Вообще, по мнѣнію гагаузовъ, неисполненіе чьего-либо сильнаго желанія всегда ведетъ за собою для пожелавшаго всевозможныя заболѣванія (4).

Если случаются трудные роды, то для облегченія ихъ у гагаузовъ практикуется множество различныхъ средствъ:

1) водятъ роженицу по комнатѣ,

2) кладутъ ей въ ротъ ея собственные волосы,

3) зажигаютъ лампаду передъ иконами,

4) служатъ молебенъ,

5) приглашаютъ діакона, или хорошо грамотнаго человѣка, читать «Сонъ Пресвятой Богородицы» (5),

6) заставляютъ мужа родильницы развязать свой поясъ или умыть свои руки и даютъ эту воду пить женѣ (6). Послѣдній обрядъ служитъ

доказательствомъ глубочайшей покорности жены своему мужу. «Можетъ быть, говорятъ гагаузы, жена когда-нибудь противилась въ чемъ-нибудь мужу, и за это Богъ покаралъ ее». Чтобы смыть съ себя этотъ «великій грѣхъ», необходимо принести въ немъ публичное покаяніе, необходимо доказать свое раскаяніе глубочайшей покорностью.

Акушерствомъ у гагаузовъ занимаются сельскія доморощенныя бабы повитухи, которыя называются б а̀ б а.

Когда ребенокъ родится, то по его пупку проводятъ кускомъ хлѣба для того, чтобы онъ «любилъ хлѣбъ», т. е., другими словами, былъ трудолюбивъ [1]). Кромѣ того, отрѣзаютъ кусокъ пуповины и отъ мальчика кладутъ на плугъ, а отъ дѣвочки—на прялку, чтобы они любили, когда выростутъ, первый—пахать, а вторая—прясть (7).

Вымывши ребенка, повитуха кладетъ его рядомъ съ роженицей, при чемъ надѣваетъ на него рубашку. Потомъ его завертываютъ въ к у н д а̀ к ъ, т. е. въ четыреугольный кусокъ бѣлаго полотна, и перевязываютъ шерстянымъ разноцвѣтнымъ шнуркомъ (п о ю') наконецъ поверхъ всего завертываютъ ребенка въ шерстяное домотканное одѣяльце (й о р г а̀ н). Всѣ эти вещи даритъ роженицѣ ея крестная мать.

Когда все описанное уже сдѣлано, повитуха подметаетъ полъ хаты и идетъ къ родственницамъ и сосѣдкамъ роженицы, чтобы позвать ихъ на к а д е н і ю. Откладывать это дѣло нельзя ни на одну минуту, хотя бы роды совершились среди глубокой ночи. Не явиться по первому же зову повитухи на к а д е н і ю считается между женщинами дѣломъ въ высшей степени предосудительнымъ, а потому всѣ приглашенныя родственницы и пріятельницы роженицы спѣшатъ къ ней собираться и несутъ ей въ подарокъ каждая, что можетъ, кто—кушанья, кто—хлѣбъ, кто—вино, кто—муку, кто—просто деньги (отъ 50 копѣекъ до 2 рублей) (8). Придя въ домъ роженицы, онѣ привѣтствуютъ ее словами: А л л а̀ х с а а л ы н ы́ в е р с и́ н ь (т. е. дай Боже здоровья) или: А л л а́ х т ю к е н м я с з э н г и н н и к в е р с и н ь (дай Боже несмѣтное богатство). На это имъ отвѣчаютъ: А л л а̀ в е р с и н ь (дай Боже).

Въ это же время въ домѣ роженицы пекутъ хлѣбъ, который назы-

---

[1]) Здѣсь кстати замѣтимъ, что у бендерскихъ молдаванъ соблюдается тотъ же обрядъ, но, вмѣсто хлѣба, съ мамалыгой.

вается Панайія пітасы (Богородицынъ хлѣбъ). Когда онъ готовъ, то его крестятъ ладонью руки, держа ее ребромъ, разламываютъ на куски по числу присутствующихъ и раздаютъ имъ. Послѣ того ихъ угощаютъ кушаньями, подающимися обыкновенно на обѣдъ, подносятъ по стакану вина или водки—и каденія закончена.

На третій день послѣ рожденія ребенка роженица должна уже встать съ постели. Въ этотъ день къ ней на домъ приходитъ священникъ, чтобы совершить такъ называемую ая́зму. «Аязмой» гагаузы называютъ собственно освященную, крещенскую воду, а такъ какъ обрядъ, о которомъ мы говоримъ, заключается въ окропленіи дома святой водой, то ея названіе переносится и на самый обрядъ.

Еще наканунѣ обряда «аязмы» наливаютъ на тарелку богоявленской воды и кладутъ въ нее на цѣлую ночь серебряныя или золотыя монеты, икону, соль и метелку изъ фѐсалин'а [1]). Затѣмъ приготовляется блюдо кȯлевы (родъ кутьи) и ставится на столъ въ почетномъ углу хаты. Въ кȯлеву втыкается восковая свѣчка, а три такія же восковыя свѣчи размѣщаются на столѣ вокругъ блюда по тремъ вершинамъ правильнаго треугольника. Къ приходу священника всѣ упомянутыя свѣчи зажигаются. Священникъ читаетъ надъ «кȯлевой» молитву, а затѣмъ, взявши въ руки тарелку со святой водой, окропляетъ ею всѣ уголки дома. Въ этомъ и заключается весь обрядъ «аязмы». Не мѣшаетъ здѣсь добавить, что передъ его совершеніемъ считается обязательнымъ смазывать земляной полъ хаты свѣжей глиной.

Дѣтское мѣсто (сон или ушȧн ятаȧ) рубятъ ножемъ на мельчайшіе кусочки, даютъ его поѣсть немного роженицѣ, чтобы у нея молоко было хорошо, а остальное закапываютъ подъ порогомъ сарая или гдѣ-либо на дворѣ въ такомъ мѣстѣ, чтобы его не съѣли собаки, такъ какъ это могло бы страшно повредить и роженицѣ и новорожденному. Нѣкоторыя злонамѣренныя бабы-повитухи, по разсказамъ гагаузовъ, пользуются иногда неопытностью хозяевъ, чтобы запастись самымъ лучшимъ средствомъ отъ безплодія. Онѣ стараются выслѣдить, гдѣ зарывается дѣтское мѣсто, и закопать вмѣстѣ съ нимъ зерна ячменя, а затѣмъ, дождавшись, когда ячмень дастъ всходы, срѣзаютъ эти послѣдніе, настаиваютъ ихъ на водкѣ или водѣ и даютъ

[1]) Растеніе изъ рода мяты, считающееся у гагаузовъ священнымъ и потому сопровождающее большинство обрядовъ. Легенда объ этомъ растеніи будетъ сообщена ниже.

пить безплоднымъ (9). Но такъ какъ подобныя операціи, по мнѣнію гагаузовъ, очень вредно дѣйствуютъ на роженицу и новорожденнаго, то мужъ роженицы обыкновенно тщательно слѣдитъ за каждымъ шагомъ повитухи, и въ случаѣ ея злонамѣренности никто уже на селѣ звать ее къ себѣ на родины не будетъ.

Если ребенокъ родится въ такъ называемой сорочкѣ (д у в а̀ к), то говорятъ, что онъ будетъ счастливъ и на все способенъ (10). Самую сорочку сохраняютъ для счастія въ сундукѣ. Тотъ, кто не имѣетъ сорочки, старается выпросить кусочекъ ея у своихъ знакомыхъ и носитъ для счастья въ своемъ кошелькѣ.

На третій или четвертый день послѣ родовъ б а̀ б а, принимавшая ребенка, ходитъ по роднымъ и знакомымъ (женщинамъ) роженицы, къ кому ее пошлютъ, и зоветъ ихъ на п у н у́ д у (11). Приглашенныя женщины, собираясь къ роженицѣ, приносятъ съ собой хлѣбъ (п л а ч і̀ н т а), а к ы т м а̀ (мѣстное блюдо, приготовляемое изъ пшеничной муки, замѣшанной съ яйцами и поджаренной на маслѣ), графинъ вина, соленый перецъ (б и б ѐ р) и другія кушанья. Одна изъ собравшихся на «пануду» женщинъ, такая, которая въ данную минуту кормитъ грудью своего ребенка (й і м з і к л і к а р ы́), беретъ каждое блюдо и даетъ прежде всего попробовать роженицѣ, а затѣмъ уже всѣ ѣдятъ его. Садясь за ѣду, привѣтствуютъ роженицу словами: П а н а й і̀ я к а л д ы р с ы́ н д о л у к у д ж я́ к л а н (пусть Богородица подыметъ тебя полными объятіями). Поѣвши и выпивши вина, всѣ расходятся по домамъ. По уходѣ гостей родильницѣ обязательно обмываютъ грудь въ видѣ предосторожности, чтобы молоко ея не испортилось.

Есть обычай, чтобы новорожденнаго ребенка прежде матери покормила грудью какая-нибудь посторонняя женщина, которая пожелаетъ, сама же мать начинаетъ кормить только на третій день послѣ родовъ (12). Когда ребенка въ первый разъ припускаютъ къ груди его матери, то послѣдней даютъ держать во рту яблоко, а на грудь кладутъ бѣлую шерсть. Яблоко, какъ объясняютъ гагаузы, употребляется для того, чтобы ребенокъ не сдѣлался впослѣдствіи пьяницей, а бѣлая шерсть—чтобы онъ дожилъ до сѣдыхъ волосъ. Кромѣ материнскаго молока, ребенка начинаютъ постепенно прикармливать и другой пищей, не разбирая, что ему полезно, что вредно: даютъ и хлѣбъ, и овощи, и даже перецъ. Если у матери не оказывается

молока, то такую пищу начинають давать ребенку даже черезъ недѣлю послѣ его рожденія.

Когда приходить пора отлучать ребенка отъ груди, то мажуть грудь матери сажей, солью или золой. Въ этотъ день пекуть прѣсный хлѣбъ т у р т а̀, и яйцо (непремѣнно въ золѣ) и, катая ихъ по полу, заставляють ребенка поднять, при чемъ говорять, что онъ идетъ «на свой хлѣбъ».

Если у матери молока совсѣмъ нѣтъ, то размачивають бублики съ сахаромъ въ водѣ и этимъ кормять ребенка изъ соски, свернутой изъ платка; молока въ нее никогда не наливають. Пустую соску дають иногда ребенку, чтобы его успокоить.

Первую ванночку ребенку дѣлають соленую, а на третій день по рожденіи повитуха дѣлаетъ ему ванночку съ разными душистыми и лѣкарственными травами (13).

Если ребенокъ очень слабъ, то его крестять въ день его рожденія, а если здоровъ, то ожидають перваго воскреснаго дня. Тотчасъ же по рожденіи священникъ или повивальная бабка дають ему такъ называемое водяное имя (с у а д ы), по имени того святого, въ день котораго ребенокъ родился. Настоящее же имя назначаетъ новорожденному его крестный отецъ, выбирая для этого или свое имя, или имя одного изъ наиболѣе уважаемыхъ святыхъ, праздникъ котораго скоро послѣдуетъ (14).

Чтобы предохранить родильницу отъ «сглазу», берутъ «зубокъ» (д і ш) чесноку (т. е. одну изъ частей, на которыя луковица раздѣляется), продѣвають сквозь него красную нитку и пришивають ей къ платку. Этотъ талисманъ родильница носитъ, не снимая, до 20—25 дней (15).

Кумовство у гагаузовъ такъ же, какъ и у болгаръ, бываетъ наслѣдственное (К а р а в е л о в ъ. Памятн., стр. 179), т.-е. кумъ (с а а д ы ч) выбирается разъ навсегда и крестить въ семействѣ всѣхъ дѣтей отъ перваго до послѣдняго, а умирая, передаетъ свое право одному изъ своихъ сыновей, за неимѣніемъ же таковыхъ—дочери. Но передать свое право крестнаго женѣ онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ: это было бы, по мнѣнію гагаузовъ, даже грѣшно. То же самое относится и къ кумѣ: она также не можетъ передать свое право крестить своему мужу, а только своимъ дѣтямъ. Гагаузы чрезвычайно высоко цѣнять свое право кумовства, и потому, въ случаѣ его нарушенія кѣмъ-либо, не останавливаются даже передъ судомъ, чтобы

его возстановить. Къ перемѣнѣ своего кума гагаузъ прибѣгаетъ чрезвычайно рѣдко и то только въ крайнемъ случаѣ. Единственнымъ уважительнымъ предлогомъ для этого считается смерть двухъ или трехъ крестниковъ подъ-рядъ. Если дѣти въ какомъ-либо семействѣ очень часто умираютъ, то тогда, по мнѣнію гагаузовъ, нѣтъ иного средства помочь горю, какъ перемѣнить кума, или взять на воспитаніе чужого ребенка (16).

Крестнаго отца, какъ уже было говорено, называютъ саадыч, а крестную мать — крѐсница, крестника зовутъ кӯмі, а крестницу—куміца.

Саадычъ пользуется въ семействѣ гагаузовъ большимъ почетомъ; при всякой встрѣчѣ съ ними и съ крѐсницей, гдѣ бы она ни случилась, крестники должны подойти имъ къ ручкѣ. Извѣстная легенда о происхожденіи млечнаго пути, сама̀н йол (соломенная дорога), передается такъ, что будто бы Богъ сохранилъ на небѣ на вѣчныя времена въ назиданіе человѣку «соломенную дорогу», по которой одинъ крестникъ тащилъ солому, украденную имъ у его крестнаго отца (17). «Это страшный грѣхъ,—говорятъ гагаузы:—даже собаку саадыча нельзя палкой ударить, не то чтобы красть у него что-нибудь». Въ гагаузской свадьбѣ, какъ мы увидимъ ниже, саадычъ играетъ тоже весьма важное, первенствующее значеніе (18).

Крещеніе ребенка (ваатіз) совершается обыкновенно въ церкви въ воскресный день послѣ обѣдни. Нести ребенка въ церковь можетъ только кума. Передъ началомъ обряда кумъ и кума бросаютъ въ купель серебряныя деньги, чтобы ребенокъ былъ чистъ, какъ серебро. Если крестятъ дѣвочку, то волосы, которые у нея подстригаютъ, собираются въ тряпочку и вѣшаются на вѣтки акаціи, для того, чтобы у новорожденной волосы росли такъ же скоро, какъ растетъ акація (19). Плата священнику за совершеніе обряда крещенія вносится кумовьями и родителями пополамъ.

Когда кума принесетъ окрещеннаго ребенка изъ церкви, то на полу хаты разстилаютъ шкуру или полушубокъ для того, чтобы у новорожденнаго впослѣдствіи было много овецъ (20). Затѣмъ родильница кладетъ три земныхъ поклона (21) и, взявъ ребенка на руки, цѣлуетъ у него ручку. Кума въ это время говоритъ: чіфут алдым, хрістіан гіттірдім. Саа̀ олсӯн яшласы̀н (т.-е. жида я взяла, а христіанина принесла. Пусть онъ (ребенокъ) будетъ живъ и здоровъ) (22).

Ваатіз называется у гагаузовъ собственно церковный обрядъ крещенія, торжество же домашнее по поводу крещенія носитъ названіе кумотріи. На это торжество, кромѣ саадыча и крѣсницы, зовутъ всѣхъ почетныхъ родныхъ и знакомыхъ. Случилось и мнѣ присутствовать на «кумотріи» въ селѣ Бешалма, Бендерскаго уѣзда.

Передъ глиняной лавкой, покрытой ковромъ, у передней стѣны хаты становится большой столъ (маса), накрытый скатертью. Кумъ садится на самомъ почетномъ мѣстѣ, т.-е. противъ середины стола, vis-à-vis съ нимъ — кума; остальные приглашенные мужчины садятся рядомъ съ кумомъ, по обѣимъ отъ него сторонамъ, тѣмъ ближе къ нему, чѣмъ они почетнѣе, а женщины, также по старшинству, рядомъ съ кумой.

Гости, приходящіе на кумотрію, привѣтствуютъ всѣхъ собравшихся словами: хош гельдініз джюмленіз (добро пожаловать всѣмъ). Имъ отвѣчаютъ: хош булуштук или сефаà гельдін (т.-е. нѣчто въ родѣ: счастливаго прибытія). Когда усядутся за столъ, то кумъ первый наливаетъ стаканъ водки и выпиваетъ самъ, а потомъ передаетъ по старшинству сначала мужчинамъ, потомъ женщинамъ. Изъ женщинъ первою выпиваетъ кума. Затѣмъ родильница даритъ всѣмъ гостямъ по полотенцу или по платку, а они, въ свою очередь, кладутъ деньги въ тарелку, обносимую бабкой, двумя кучками, болѣе крупныя жертвуются въ пользу родильницы, а мелкія — въ пользу повитухи (23). Кромѣ этихъ послѣднихъ денегъ, бабка получаетъ отъ родителей новорожденнаго за свои труды миску муки, кусокъ мыла и платокъ (24). Саадычъ долженъ положить на тарелку больше всѣхъ гостей: отъ 1 рубля до 20, смотря по его состоянію. Затѣмъ наступаетъ угощеніе гостей обѣдомъ, состоящимъ изъ двухъ перемѣнъ, а во время обѣда водка еще два раза обходитъ всѣхъ ихъ по очереди.

На другой день послѣ крещенія бываетъ обрядовое купанье ребенка, которое называется: мірудàн чыкармàа (т.-е. смываніе мира) (25).

Съ перваго дня по рожденіи ребенка и вплоть до сорокового, ежедневно, тотчасъ по закатѣ солнца, въ домѣ, гдѣ есть новорожденный, зажигаютъ свѣчу или лампу и не тушатъ ее до восхода солнца изъ боязни, чтобы не пришла одна изъ Лу́шницъ и не задушила ребенка (26).

Лушницы или Луфу́сницы — это миѳическія женщины,

которыя, по вѣрованію гагаузовъ, являются къ родильницѣ чаще всего на третій день послѣ родовъ и пишутъ въ книгу судебъ судьбу или счастье (кысмѐт) ребенка, т.-е. предсказаніе на всю его жизнь. Чтобы подѣйствовать на это предсказаніе, обманувши Лушницъ, гагаузы кладутъ новорожденному въ первые три дня его жизни въ головахъ хлѣбъ, соль и серебряную монету. «Увидя эти вещи, говорятъ они, Лушницы скорѣе запишутъ ему въ книгу судебъ богатую жизнь, чѣмъ тогда, когда въ головахъ его ничего не найдутъ» (27). Лучше всего характеризуется это вѣрованіе гагаузовъ слѣдующимъ разсказомъ, записаннымъ мною въ селѣ Бешалма, Бендерскаго уѣзда:

Въ селѣ Баурчи (Бендерскаго уѣзда) недавно умеръ одинъ старикъ, который разсказывалъ, что когда онъ родился, то на третью ночь его существованія, когда всѣ спали, кромѣ его матери, пришли три Лушницы, одѣтыя въ черномъ, съ книгами въ рукахъ. Войдя въ хату, онѣ принялись разсуждать о судьбѣ ребенка. Первая Лушница предложила унести ребенка, а мать оставить, вторая наоборотъ— унести мать, а оставить ребенка, и, наконецъ, третья, самая старшая, слова которой всегда сбываются, положила, чтобы ребенокъ во всю жизнь остался бѣднымъ, чтобы, если онъ достанетъ муки, у него не было бы соли, достанетъ соли, чтобы не было муки, и т. д. Всѣ Лушницы согласились на этомъ и рѣшеніе свое записали въ книгу. «Дѣйствительно, разсказывалъ старикъ, предсказаніе Лушницъ надо мною сбылось, потому что я на всю жизнь остался бѣднымъ». Да бѣднымъ же и умеръ, добавляли отъ себя разсказчики.

Въ сороковой день послѣ родовъ родильница ходитъ по христіанскому обычаю въ церковь брать молитву (окунмàа) (28); мужу спать съ ней въ эту ночь не дозволяется.

Люлька для ребятъ называется тѣмъ же словомъ, что и качель (сàллангач); она устраивается изъ деревянной четыреугольной рамы, внутри которой сдѣланъ веревочный переплетъ. Раму эту подвѣшиваютъ за четыре угла веревками къ двумъ желѣзнымъ кольцамъ, ввинченнымъ въ балку потолка. Такимъ образомъ эта люлька можетъ двигаться только въ горизонтальномъ направленіи (29).

Когда въ первый разъ укладываютъ ребенка въ люльку, то вмѣстѣ съ нимъ кладутъ туда кусокъ хлѣба и метлу изъ степныхъ травъ, для того, чтобы ребенокъ ни одной минуты не оставался одинокимъ, если бы случайно всѣ домашніе одновременно отлучились изъ хаты.

Качать пустую люльку у гагаузовъ считается весьма вреднымъ, потому что въ ней тогда качается дьяволъ, и ребенокъ послѣ того спать спокойно не будетъ (30).

Головѣ ребенка гагаузы подвязываніемъ платка и устройствомъ чепчика (тàке) стараются придать круглую форму, по ихъ мнѣнію, наиболѣе красивую. Въ тѣхъ же видахъ они наблюдаютъ, чтобы маленькій ребенокъ не спалъ долго на одномъ боку, а какъ можно чаще перемѣнялъ свое положеніе, потому что, по ихъ мнѣнію, при лежаніи ребенка на одномъ боку голова его вытягивается.

При шитьѣ чепчика для ребенка гагаузскія женщины хлопочутъ очень много объ его украшеніи. Онъ дѣлается изъ зеленой или вишневой шелковой матеріи и обшивается по краямъ чернымъ бархатомъ, а также черными и бѣлыми кружевами. Вся наружная поверхность тàке украшается пришитыми къ нему въ разныхъ мѣстахъ, синими, зелеными и красными ленточками и розеточками изъ тѣхъ же лентъ (гюль). Здѣсь же можно увидѣть рисунки (харапча), вышитые изъ разноцвѣтнаго бисера (бонджюк). Кромѣ того, къ чепчику пришиваютъ кораллы (мерджàн), мелкія украшенія изъ разноцвѣтныхъ стеколъ въ формѣ листочковъ съ ушками, которые извѣстны здѣсь подъ именемъ діль-гöз, что значитъ языкъ-глазъ, жемчужинки (седѐф), маленькіе мѣдные крестики и такія же миніатюрныя мѣдныя иконки съ ушками, раковинки (сюлю́к) и даже финиковыя косточки (урма-чекердекъ), почему-то тоже причисляемыя къ числу украшеній.

Шестимѣсячному ребенку даютъ въ первый разъ выпить вина и передъ тѣмъ проводятъ стаканомъ надъ огнемъ для того, чтобы ребенокъ «красиѣлъ отъ вина, а не блѣднѣлъ».

Когда мать моетъ ребенка, то по окончаніи этой операціи всякій разъ должна расправлять его члены различными пріемами, какъ-то: кладетъ руки ребенка крестъ-накрестъ на грудь, разводитъ ихъ въ стороны и снова складываетъ вмѣстѣ, притягиваетъ правую руку къ лѣвой ногѣ и наоборотъ, пригибаетъ плечи ребенка впередъ и назадъ, вытягиваетъ ему голову и т. д. Каждая изъ такихъ операцій для чего-то сопровождается громкимъ чмоканьемъ губами.

До наступленія года считается нехорошимъ показывать ребенку зеркало (31).

Когда маленькимъ ребятамъ надѣваютъ въ первый разъ новое платье, то передъ тѣмъ дѣлаютъ видъ, что плюютъ на него для

того, чтобы отогнать отъ него злого духа, и при этомъ говорятъ: Боже поможи саaладжàйлян ташия́сын (помоги, Боже, благополучно носить).

Кто замѣтитъ у ребенка первый зубъ, тому дарятъ за это иголку, чтобы зубы у ребенка были такъ же остры, какъ иголка, и чтобы такъ же скоро вышли изъ десенъ, какъ нитка выходитъ изъ иголки. Первый зубъ трутъ серебряной монетой, чтобы остальные были бѣлые крѣпкіе, какъ серебро. Молочные зубы, выпавшіе у ребятъ, закатываютъ въ хлѣбный мякишъ и, выбрасывая на дворъ, приговариваютъ: гàрга, гàрга, на санà кемìк дìшь, верь банà демìр дишь (т.-е. ворона, ворона, возьми себѣ костяной зубъ, а мнѣ дай желѣзный) (32).

Маленькіе ребята только до 3—4 лѣтъ бѣгаютъ босикомъ и въ одной рубашкѣ, послѣ чего ихъ начинаютъ одѣвать какъ большихъ. Но въ старину, какъ говорятъ, они бѣгали такъ до 5—7 лѣтъ.

До 7 лѣтъ, по мнѣнію гагаузовъ, ребенокъ грѣшить не можетъ и, если умираетъ до этого возраста, то становится ангеломъ.

Чтобы помочь ребенку выучиться ходить, ему дѣлаютъ трехколесный станочекъ, поддерживающій его подъ мышками, который называется кòтìка. Это приспособленіе, рѣдко встрѣчающееся у народа, вызвано у гагаузовъ, можетъ быть, тѣмъ обстоятельствомъ, что между ними очень нерѣдко можно встрѣтить болѣзнь въ родѣ англійской, сопровождаемую искривленіемъ ногъ внаружу. У однихъ такое искривленіе бываетъ только въ раннемъ дѣтствѣ, тогда какъ у другихъ остается на всю жизнь.

Мать кормитъ своего ребенка грудью до года и болѣе.

Чтобы узнать, будетъ ли ребенокъ-мальчикъ счастливъ въ своей жизни, гагаузы гадаютъ слѣдующимъ образомъ: берутъ его шапку и держатъ въ ней нѣсколько времени яйца, а потомъ кладутъ эти яйца подъ курицу и смотрятъ, всѣ ли яйца высидѣлись или не всѣ. Если высидѣлись всѣ, то ребенокъ будетъ счастливъ (33).

Изъ числа дѣтскихъ болѣзней различаютъ:

1) Кöпèк хасталы́к (собачья болѣзнь). Ее лѣчатъ такимъ образомъ: измѣряютъ ростъ ребенка ниткой, затѣмъ собираютъ разныя кости, какія попало, кладутъ ребенка на одну чашку вѣсовъ, а кости на другую. Потомъ читаютъ надъ костями какой-то наговоръ и, положивши ихъ въ ванночку, три субботы до восхода солнца

купаютъ въ ней ребенка. По окончаніи лѣченія нитку и кости закапываютъ въ землю.

2) Сàмка. Бабы не лѣчатъ этой болѣзни, но нѣкоторые священники лѣчатъ ее молитвой св. Василію, написанной на бумажкѣ. Надъ молитвой рисуется крестъ, а въ концѣ ея чортъ въ самомъ безобразномъ видѣ. За такую молитву платятъ по рублю и постоянно держатъ при ребенкѣ, наблюдая, чтобы она, сохрани Боже, не пропала.

3) Саарлы́к. Кладутъ больного на землю, знахарка беретъ камышинку, измѣряетъ ею ростъ ребенка, а потомъ камышъ относятъ въ курятникъ, приговаривая: саарлык гітсін фышкыларнà, да саалык гітсін адама (пусть саарлыкъ идетъ въ мусоръ, а здоровье пусть придетъ къ человѣку).

Въ заключеніе приведемъ два образчика гагаузскихъ колыбельныхъ пѣсенъ:

Мальчику:

Ую́, ую́, чоджюм,	Баю, баю, сынокъ,
Да бююя́сын, бююк олàсын,	Вырастешь, будешь большимъ,
Да тарлая гідеясын—	На пашню пойдешь—
Тя́тюня ярдым едя́сын.	Будешь отцу помогать.

Дѣвочкѣ:

Ую, ую, кызым,	Баю, баю, дочка,
Да бююк олàсын,	Вырастешь большая,
Да мàмуя ярдым едясын,	Матери будешь помогать,
Мàмуя безь докуя́сын,	Матери холсты ткать,
Да гöльмек докуя́сын,	Рубашки будешь ткать,
Мамуя дсйымсын.	Матери будешь помогать.

Примѣчанія ко 2-й главѣ.

1) То же у крестьянъ Вологодской губерніи, великороссовъ. „Извѣст. Имп. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этн.“, т. LXIX, в. 1, 1890 г. Стр. 108. То же и въ Пошехонскомъ уѣздѣ „Этн. Обозр.“ кн. VI, стр. 91.

2) У Турокъ-Османъ „родильницѣ нѣсколько дней не даютъ ни капли воды ни для умыванья, ни для питья, даютъ лишь шербетъ изъ жженаго сахара и пряностей“. „Народы Турціи“. Перев. и изд. Пантелѣева Спб. 1879, ч. III, стр. 3.

У Киргизъ тоже ни подъ какимъ видомъ не даютъ роженицамъ воды и даже уносятъ ее изъ юрты, потому что Албоста (злой духъ, особенно вредный для рожеиицъ) нуждается въ водѣ, чтобы мочить свои легкія. „Этногр. Обозр.“ 1891, № 4, стр. 42.

У великороссовъ Пошехонскаго уѣзда „родильницѣ даютъ пить толокно, пиво, а чаще всего водку“. „Этногр. Обозр.“ кн. VI стр. 94.

3) У великороссовъ Вологодской губерніи мужъ при родахъ своей жены также „держитъ ее на колѣняхъ“. „Извѣст. Имп. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этн.“, т. LXIX, в. I, 1890, стр. 108. Этотъ странный обычай представляетъ собою только одинъ изъ варіантовъ весьма распространеннаго международнаго обычая, извѣстнаго подъ именемъ кувады, состоящаго въ томъ, что во время родовъ мужъ родильницы долженъ продѣлать надъ собою комедію рожденія: онъ ложится въ постель, стонетъ и пр. Обычай этотъ извѣстенъ во всѣхъ частяхъ свѣта:

Въ Европѣ: у басковъ сѣверной Испаніи, на югѣ Франціи и на островѣ Корсикѣ. Кромѣ того, преданіе о существованіи этого обычая сохранилось у великороссовъ Смоленской губерніи (см. Юбилейный Сборникъ въ честь Вс. Ѳ. Миллера, Москва, 1900, стр. 280 и сл.); а профессоръ И. Н. Смирновъ говоритъ, что идея этого обычая не чужда была и лопарямъ.

Въ Азіи: у индусовъ Мадраса, Серингапатима и на Малабарскомъ берегу, у китайцевъ въ западномъ Юннанѣ, у даяковъ на Борнео и въ Камчаткѣ.

Въ Африкѣ: на западномъ берегу, у кафровъ и на островѣ Мадагаскарѣ.

Въ Австраліи: въ Меланезіи и на о. Фиджи.

Въ Америкѣ: въ Гренландіи, въ Калифорніи, у шошонесовъ Сѣверной Америки, въ Новой Мексикѣ, въ Бразиліи и въ Гвіанѣ.

„Revue des traditions populaires“ т. VI, № 1, стр. 42. Zeitschrift des Vereins für Volkskunde. Im Auftrage des Vereins heraszugeben von Karl Weinhold, Berlin. 1894 Heft I, стр. 104. „Начало Цивилизаціи“, Сэра Джона Лёббока. Второе изд. подъ редакц. Д. А. Коропчевскаго. С.-Пб., стр. 15. „Этногр.

Обозр.“ 1890 № 2, стр. 12, и 1891 № 2, стр. 69 и кн. XL—XLI. Добровольск. „Смолен. сбор.“ II стр. 369.

4) Это вѣрованіе есть и у русскихъ, у поляковъ: я записалъ его въ Петроковской губерніи, есть оно и у евреевъ. „Этногр. Обозр.“ 1895 № 4 стр. 77. Чубинскій, „Труды этн.-стат. эксп.“, т. VII, стр. 43.

5) У русскаго народа нѣкоторыя изъ средствъ, употребляемыхъ при трудныхъ родахъ, сходятся съ гагаузскими, а именно: у малороссовъ водятъ роженицу вокругъ стола 3 раза, запихиваютъ въ ротъ ей волосы и заказываютъ молебенъ, а у великороссовъ зажигаютъ свѣчи.

Чубинск. т. IV, стр. 3—4. Аѳанасьевъ „Поэтич. воззр.“ т. 2, стр. 12.

6) У малороссовъ и великороссовъ (Вологодской губерніи) при трудныхъ родахъ мужъ даетъ женѣ выпить воды изъ своего рта. „Сборникъ свѣдѣн. для изучен. быта крестьянск. насел. Россіи“. Вып. 2. (Извѣстія Имп. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этн. т. LXIX, в. I), Москва 1890, стр. 108. Чубинскій, т. IV, стр. 3.

7) У малороссовъ рѣжутъ пуповину мальчику на топорѣ, чтобы онъ былъ „майстровый“, а дѣвочкѣ на гребнѣ, чтобы была пряхой. Чубинскій, т. IV, стр. 5.

8) У галицiйскихъ малороссовъ женщины-сосѣдки, а у нашихъ—мужчины и женщины собираются къ родильницѣ со своей пищей, приносимой въ видѣ подарка. Тотъ же обычай существуетъ у бѣлоруссовъ, у великороссовъ, у вотяковъ и у македонскихъ болгаръ.

Zbiór wiad. do Antr., т. XIII, стр. 118. Чубинск. т. IV, стр. 10. Шейнъ, Бѣлор. пѣсн. 1874, стр. 432. „Этногр. Обозр.“ кн. VI, стр. 95. Г. Верещагинъ, Вотяки Соснов. края, стр. 28. Шапкаревъ, Сборн. 3, стр. 18.

9) Малороссы также думаютъ, что если „тотъ пупъ, который баба при рожденіи дитяти отрѣжетъ, намочить въ водѣ и давать пить неродящей женщинѣ, то она станетъ родить“, а дѣтское мѣсто у нихъ зарывается бабой подъ „поломъ“, на которомъ спятъ, и посыпается житомъ. Чубинск. т. IV, стр. 5. „Кіевск. Стар.“ т. 36, январь, стр. 127.

10) Вѣрованье это настолько хорошо знакомо русскому народу, что вошло въ пословицу. Чубинск. т. IV, стр. 5.

11) Тоже у македонскихъ болгаръ (Шапкаревъ, Сборникъ, ч. 3, стр. 34).

12) У малороссовъ мать также не можетъ кормить своего ребенка, пока его не „охрестять“, а если это случится на 2-ой, на 3-й день послѣ родинъ, то до того времени кормитъ ребенка какая-нибудь посторонняя женщина. Чубинск. т. IV, стр. 8.

13) У малороссовъ въ ванночку, въ которой купаютъ ребенка, кладутъ: овесъ, чебрецъ и васильки. По пѣснямъ, купаютъ также въ „любысткѣ“. Чубинск. т. IV, стр. 6.

14) Такой же обычай существуетъ у вотяковъ Сарапульскаго уѣзда, но тамъ водяное имя дается ребенку непремѣнно языческое. У бывшихъ уніатовъ въ селѣ Пищацѣ Бѣльскаго уѣзда, Сѣдлецкой губ., когда родится ребенокъ, бабушка обливаетъ его водой и говоритъ: „во имя Отца и Сына освящается рабъ Божій такой-то“, и даетъ ему имя того „патрона“ (святого), въ день котораго ребенокъ родился. (Изъ записей автора).

15) Тотъ же обычай есть у малороссовъ („Zbiór wiadom. do Antr." XIII стр. 118) и у турецкихъ сербовъ (Ястребовъ, стр. 456).

16) У великороссовъ существуетъ твердое убѣжденіе, что одни воспріемники обладаютъ твердою рукою, и воспринятыя ими дѣти живутъ долго, а другіе тяжелою,—у нихъ дѣти скоро умираютъ („Этногр. Обозр." кн. VI).

17) Та же легенда извѣстна болгарамъ (Каравеловъ, Памятники, стр. 241) и у сербовъ (Караджичъ, Обычаи, стр. 223).

18) Крестный отецъ и мать имѣютъ также большое значеніе на свадьбахъ у великороссовъ Пошехонскаго уѣзда („Этногр. Обозр." кн. VI, стр. 97) и у малороссовъ Ровенскаго уѣзда въ селѣ Коростъ. (Изъ записей автора.)

19) У малороссовъ волосы дѣвочки, когда ее стригутъ въ первый разъ, кладутъ подъ вербу. Чубинск. т. IV, стр. 18.

20) У малороссовъ на „похрестынахъ" разстилаютъ полушубки на лавкахъ и садятся на нихъ. Чубинск. т. IV, стр. 16.

21) У малороссовъ родильница „бьетъ три земныхъ поклона" на „злывкахъ", на другой день послѣ крестинъ. Чубинск. т. IV, стр. 13.

22) У малороссовъ, когда мать отдаетъ ребенка кумовьямъ для того, чтобы нести его въ церковь крестить, говоритъ: „нате вамъ нарожене, намъ прынесіть хрещене". А когда кумовья принесутъ его обратно изъ церкви, то, отдавая, говорятъ, что брали „нарожденнаго, а принесли охрещеннаго". Чубинск. т. IV, стр. 9—10.

23) Въ селѣ Пищацъ Бѣльскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи, на крестинахъ у бывшихъ уніатовъ на тарелку кладутъ кашу, на нее „обажанокъ" (баранокъ) и обносятъ всѣхъ присутствующихъ. Всѣ кладутъ на тарелку деньги, которыя идутъ пополамъ бабкѣ и родильницѣ. (Изъ моихъ записей.)

24) У малороссовъ родильница даритъ бабкѣ: намитку (полотенце), или рушныкъ, двѣ булки и хлѣбъ и денегъ на мыло. Чубинскій, т. IV, стр. 13 и 16.

25) У малороссовъ на другой день послѣ крещенія бываютъ „злывки", на которыхъ „баба" поливаетъ роженицѣ руки „непочатой водой" съ травами и купаетъ въ этой водѣ ребенка, если онъ боленъ желтухой. Чубинск. т. IV, стр. 13.

26) Боязнь за новорожденнаго ребенка и роженицу въ первое время послѣ родовъ принадлежитъ къ числу международныхъ вѣрованій, широко распространенныхъ въ Европѣ и въ Азіи. Боятся, что ребенку могутъ повредить: злой духъ, дьяволъ, нечистая сила, миѳическіе великаны и великанши, летучіе змѣи, людоѣды, вѣдьмы, чаровницы, колдуны и колдуньи, летучія мыши, сосущія изъ человѣка кровь, или наконецъ просто злые люди съ дурнымъ глазомъ. Въ разныхъ мѣстностяхъ злые духи, грозящіе опасностью новорожденному и роженицѣ, носятъ различныя наименованія, иногда они считаются вредными для человѣка вообще, а иногда порча дѣтей — ихъ главная или исключительная функція. Кромѣ физической порчи дѣтей и роженицы, чаще всего въ такихъ случаяхъ боятся подмѣны дѣтей, замѣны ихъ или идіотами или разными чудовищами во образѣ человѣческомъ. Средства для предохраненія новорожденнаго отъ всякаго рода порчи принимаются весьма многоразличныя: 1) назначаютъ

стражу, которая охраняла бы въ теченіе извѣстнаго срока домъ, въ которомъ совершились роды. 2) такъ же, какъ у гагаузовъ, жгутъ всю ночь, начиная съ заката солнца, огонь. 3) окружаютъ кровать роженицы освященной сѣтью. 4) обводятъ вокругъ нея ножомъ или углемъ заколдованные круги, 5) обвѣшиваютъ роженицу, ребенка или комнату, въ которой они помѣщаются, различными талисманами. 6) кладутъ подъ подушку обнаженное оружіе или такіе предметы, которые считаются страшными или непріятными для нечистой силы, 7) стрѣляютъ изъ ружей и изгоняютъ изъ дому бѣсовъ различными манипуляціями, [illegible] свойства, въ родѣ игры на музыкальныхъ инструментахъ, чтенія извѣстныхъ молитвъ или наговоровъ, произнесенія извѣстныхъ словъ и знаковъ, окуриванія душистыми травами, окропленія святой водой и проч. и 8) скрываютъ новорожденнаго и роженицу отъ всякаго посторонняго глаза.

Срокъ, въ теченіе котораго для новорожденнаго предполагается опасность, измѣняется въ различныхъ мѣстностяхъ и у разныхъ народовъ. Начиная съ одной, первой ночи, онъ увеличивается до 3-хъ дней, 10, 12, 15, 40 дней и доходитъ до 6-ти недѣль.

Вотъ перечень народовъ, у которыхъ существуетъ суевѣрный страхъ за новорожденнаго ребенка и его мать въ первое время послѣ родовъ: евреи, венгры, турки-османы, новогреки, арияне, грузины, имеретинцы, мингрельцы, гурійцы, татары кавказскіе, закавказскіе и адербейджанскіе, жители Туркестана, киргизы, буряты, олонецкіе корелы, вотяки, поляки Стрыйскаго уѣзда, краковскіе, познанскіе и ломжинскіе, баварскіе нѣмцы, болгары, турецкіе сербы, галицкіе русины, великороссы и малороссы.

„Revue des traditions populaires“ № 8, 1891, стр. 469 и № 1, 1894, стр. 40. La tradition, année 5, стр. 190; Melusine, Paris, 3, стр. 375 и 4, стр. 122; Zeitschrift des Vereins für Volkskunde. Berlin 1894 Heft 2, стр. 139—140; Ethnologische Mitteilungen aus Ungarn. Budapest, 3, Heft 9—10, стр. 246; Zbiór wiadomości do Antropologii, т. 13, 1889, стр. 118; ibid. т. 8, стр. 291; O. Kolberg, Lud, Ser. 7 Krakowskie, стр. 41, Ser. 15 Poznan. ч. 7, стр. 122—123; его же Pokucie т. 3 стр. 100; Этногр. Обозр. 1889 стр. 175; 1891 № 3 стр. 10, и № 4 стр. 38 и 41; 1890 № 3, стр. 95; 1894 № 4, стр. 168; 1896 № 1 стр. 129; Живая Старина годъ 4, вып. I, стр. 27 и вып. III, стр. 382; Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа. Тифлисъ, вып. 10, 1890, стр. 54; вып. 9, 1890, стр. 110; вып. 17, 1893, стр. 190 и 198; вып. 18, 1894, стр. 306; вып. 19, 1894, стр. 81; вып. 20, 1894, стр. 95; Народы Россіи. Этногр. очерки. Изд. ред. журн. „Природа и люди“ Спб. т. I, стр. 411; т. II, стр. 284—285 и 315; Чубинск., VII, стр. 44; Аѳанасьевъ. Поэт. воззр. Спб. 1861, стр. 571; А. С. Дембовецкій. Опытъ опис. Могил. губ., стр. 759; Сборн. за народ. умотв. 6; Шапкаревъ, Сборн., 3, стр. 27 и 34; Ястребовъ, Турецк. серб. стр. 436; „Вѣстн. Европы“ 1868, т. 2, стр. 35. Чубинск. т. 4, стр. 6.

27) Лушницы гагаузовъ,—какъ три миѳическія женщины, приходящія къ ребенку въ первые дни появленія его на свѣтъ, чтобы предначертать всю его будущую жизнь,—это только варіантъ широко распространеннаго международнаго вѣрованія. У древнихъ римлянъ эти существа назывались парками, у грековъ—мойрами, у романскихъ народовъ—феями, у

германцевъ—нормами, у латышей и по сіе время онѣ извѣстны подъ именемъ лаймъ; но особенно много названій для „лўшницъ" мы находимъ у южныхъ славянъ, гдѣ вѣра въ ихъ существованіе, повидимому, особенно живуча. У сербовъ и хорутанъ „лўшницы" называются: родженицами, живицами, судженицами и судицами, у болгаръ—орйсницами, урйсницами и нарѣчницами.

Собственно по названію къ гагаўзскимъ „лўшницамъ" или иначе луфўсамъ ближе всего стоятъ лухўзы измаильскихъ молдаванъ. Названіе это и миѳъ, съ нимъ соединенный, совершенно тождественный съ гагаузскимъ, намъ удалось записать въ селѣ Малые Кôсели Измаильскаго уѣзда.

У всѣхъ вышеперечисленныхъ народовъ миѳы о „лўшницахъ" въ главныхъ чертахъ сходятся, что указываетъ, конечно, на общность ихъ происхожденія, но у литовцевъ и у армянъ мы находимъ въ томъ же миѳѣ нѣкоторыя интересныя особенности.

У Сувалкскихъ литовцевъ число dives, соотвѣтствующихъ во всемъ остальномъ „лўшницамъ", не три, какъ въ иныхъ мѣстахъ, а неопредѣленное. Что же касается армянъ, то у нихъ хотя число дѣвъ, предсказывающихъ судьбу новорожденному, три, но имена у каждой изъ нихъ особыя: онѣ называются именами трехъ дней недѣли: Середа, Пятница и Воскресенье.

Revue des tradit. populaires, 1895 № 1, стр. 2; Zeitschr. des Vereins für Volkskunde 1892, Heft 1, стр. 123; Этногр. Обозр. № 2—3, 1896, стр. 255; Жив. Стар., вып. 1, 1894, стр. 137; Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній о Россіи, изд. Калачова, кн. 11, стр. 97—122, статья И. И. Срезневскаго; Сборн. матеріал. по этногр., издав. при Дашк. музеѣ, вып. II, стр. 9; Н. Сумцовъ, Культурн. пережив. стр. 235; III стр. 343; Э. А. Вольтеръ, Латыши Витеб. губ., стр. 371; Ястребовъ, Турецк. сербы, стр., 456; Викентій Макушевъ, Задунайскіе славяне, Спб. 1867, стр. 30.

28) Очистительная молитва, даваемая роженицѣ, — обычай, принятый всей православной церковью, но срокъ, назначаемый для такой молитвы, измѣняется по мѣстностямъ; такъ, въ Пошехонскомъ уѣздѣ она дается одновременно съ крещеніемъ на 2, на 3-й день („Этногр. Обозр." кн. 6, стр. 95), а у малороссовъ черезъ 6 недѣль послѣ родинъ (Чубинск. т. IV, стр. 16).

29) Висячую колыбель, подобную гагаузской, мнѣ приходилось наблюдать въ селѣ Пищацъ, Бѣльскаго уѣзда, Сѣдлецкой губ., въ селѣ Немовичи Ровенскаго уѣзда, Волынской губ., и въ дер. Городянка, Оршанскаго уѣзда, Могилевской губ., кромѣ того изъ этнографической литературы мы знаемъ, что она принята у корелъ Олонецкой губ. Стоячую же колыбель я видѣлъ повсюду въ Варшавской губ. у тамошнихъ поляковъ. Кромѣ того она въ употребленіи у Галицкихъ русиновъ въ окрестностяхъ города Львова, у башкиръ, киргизъ, астраханскихъ ногайцевъ, у тушинъ, хевсуровъ и пшавовъ (на Кавказѣ), у бурятъ и китайцевъ (живущихъ на Амурѣ). Что касается великороссовъ, то у нихъ имѣются оба рода колыбели, при чемъ висячая называется „люлькой" или „колыбелью", а стоячая (ящикъ, стоящій на полу и качающійся на двухъ дугахъ)—„зыбкой".

З. И. Р. Г. О. т. 7 вып. 2, 1891, стр. 57; Изв. Казан. Общ. Арх. Ист. и Этногр. т. 12, 1894; Жив. Стар. годъ 5, вып. 1, стр. 26; Этногр. Обозр. кн. III 1889 стр. 191; Зап. Кавк. отд. И. Р. Г. О. кн. 11 вып. 1 стр. 75; Изв. Вост. Сибир. отд. И Р. Г. О. прилож. къ т. 14 №№ 1—2, стр. 15; Матер. къ антр. бурятъ, диссерт. лѣкаря И. И. Шендриковскаго, стр. 82; Головацкій Галиц. народ. пѣсни, I стр. 1; Этногр. Обозр. кн. VI, стр. 94.

30) Обыкновеніе „выправлять голову ребенка", если она длинная, извѣстно не у однихъ гагаузовъ; намъ случилось записать его также въ селѣ Пищацъ Бѣльскаго уѣзда, Сѣдлецкой губ. Тамъ, также какъ и у гагаузовъ, стараются придать головѣ круглую форму отчасти устройствомъ чепчика, отчасти сдавленіемъ черепа руками.

31) Повѣрье, что ребенку до году нельзя показывать зеркала, существуетъ также не у однихъ гагузовъ, а у народовъ различныхъ, отдаленныхъ между собою, частей Европы. Оно есть у французовъ, поляковъ, галиційскихъ русиновъ, бѣлоруссовъ и великороссовъ. Вездѣ опасаются при этомъ какого-либо несчастія для ребенка, думаютъ, что онъ будетъ пугаться во снѣ, или что онъ заболѣетъ, или что ему трудно будетъ даваться рѣчь, и т. под.

Melusine, т. III, стр. 375; Zbiór wiadomosci do Antr. т. 13, стр. 67; ibid. т. 10, стр. 85; O. Kolberg. Pokucie, III, стр. 150; Шейнъ, Бѣлорус. пѣсни 1874 стр. 15; Этногр. Обозр. кн. VI, стр. 100.

32) Обычай выбрасывать молочные зубы, выпадающіе у ребенка, съ извѣстными пріемами и съ произнесеніемъ извѣстныхъ формулъ, повидимому принадлежитъ къ числу международныхъ. Онъ извѣстенъ великороссамъ, полякамъ, нѣмцамъ, норвежцамъ, французамъ, грузинамъ и болгарамъ. Пріемы, сопровождающіе этотъ обычай, заключаются обыкновенно въ томъ, что выпавшій зубъ перебрасываютъ черезъ голову назадъ, иногда повертѣвши его надъ головой три раза, при чемъ направляютъ его или въ огонь, или на печку, за печку, или наконецъ просто въ уголъ комнаты. Формула, которая при этомъ произносится, вездѣ очень близка къ гагаузской. Вмѣсто вороны обращаются иногда къ огню, а чаще всего къ „мышкѣ" кромѣ костяного зуба предлагаютъ ей „деревянный" или просто „старый", а отъ нея взамѣнъ просятъ, кромѣ желѣзнаго, „новый", „костяной", „каменный", „бѣлый какъ серебро" или „золотой" зубъ.

Melusine 1877, т. 1 № 15, стр. 365; Zbiór Wiadomos. do Antr. т. 10, стр. 85; ibid. т. 11, стр. 31; ibid. т. 13, стр. 67; O. Kolberg, Ser. 7, Krakowskie, стр. 143; З. И. Р. Г. О., т. 2, 1869, стр. 21; Сборн. за нар. умотв. кн. 6, стр. 12; Шапкаревъ, Сбор. III, стр. 25; Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа, вып. 18, 1894, стр. 240; Н. Сумцовъ, Культурн. пережив., стр. 293.

33) Сравн. O. Kolberg. Pokucie, III, стр. 152, № 26.

III.

Игры и развлеченія дѣтства и юношества.

Раннее дѣтство гагаузовъ проходитъ почти такъ же, какъ и у нашихъ крестьянскихъ дѣтей: до 8—10-лѣтняго возраста мальчики и дѣвочки растутъ вмѣстѣ. Дѣвочки въ своихъ играхъ подражаютъ взрослымъ женщинамъ, дѣлаютъ себѣ куколъ изъ тряпокъ, укачиваютъ ихъ, приготовляютъ пищу и проч., а мальчики лѣпятъ изъ глины овецъ и лошадей, или собираютъ камешки, раскладываютъ своихъ глиняныхъ и каменныхъ овецъ по землѣ, дѣлаютъ вокругъ нихъ загородку, одинъ изображаетъ волка и тащитъ овецъ, а другой пастуха и защищаетъ ихъ. Или же прыгаютъ верхомъ на палочкѣ, привязавши къ ней веревочку, и погоная сзади прутикомъ; играютъ въ лошадки (беегірджік), бѣгаютъ на-перегонки по пыльнымъ или грязнымъ улицамъ села, при чемъ, подражая взрослымъ, назначаютъ призъ для такихъ состязаній въ видѣ бабки. Или привязываютъ другъ друга на веревочку и гоняютъ по кругу, изображая молотьбу на арманѣ *).

Мальчики постарше мастерятъ себѣ телѣгу на двухъ колесахъ съ дышломъ и возятъ ее по улицамъ, либо мельницу, которая вертится отъ вѣтра, а отецъ на досугѣ сдѣлаетъ имъ въ подарокъ такую телѣжку, на которой они могли бы и сами кататься и другихъ возить, либо устраиваетъ деревяннаго всадника на конѣ, который вертится по вѣтру, какъ флюгеръ, да еще руками или шашками размахиваетъ по воздуху.

Утащатъ ребятишки у матери веретено и сдѣлаютъ себѣ изъ него волчокъ (пырылдàк), или займутся приготовленіемъ такъ называемаго жырыт'а. Это особый бросательный снарядъ, сдѣланный изъ куска камыша съ дыркой въ одной изъ стѣнокъ для бросанія вверхъ другой болѣе длинной камышинки.

*) Арманъ—круглая площадка для молотьбы ногами лошадей, исключительно принятой въ здѣшнихъ краяхъ.

Затѣмъ начинаются гимнастическія упражненія, до которыхъ, впрочемъ, охотники и парни-подростки и даже парни-женихи.

Но къ этимъ упражненіямъ и играмъ мы еще вернемся далѣе, а теперь замѣтимъ, что дѣвочки играютъ съ мальчиками только до 7—8 лѣтъ. Съ этого же возраста дѣвочкѣ считается стыдно и неприлично играть съ мальчиками. Если ее не удержатъ отъ этого во̀-время старшіе изъ ея родныхъ, то пристыдитъ первый попавшійся прохожій. Поэтому дѣвочки съ 8-лѣтняго возраста уже играютъ отдѣльно отъ мальчиковъ, да и то только въ нѣкоторыя изъ игръ, которыя считаются приличными ихъ полу. Тогда какъ большинство мальчишескихъ игръ совершаются на улицахъ села, дѣвочки на улицахъ играютъ очень рѣдко, только тогда, когда по кодексу гагаузскихъ приличій это дозволяется и взрослымъ дѣвушкамъ, т. е. въ хо̀ру (хороводъ). Тогда онѣ подбираютъ себѣ компанію по своему возрасту и подражаютъ взрослымъ.

Игры дѣвическія.

Игръ, которыми забавлялись бы только однѣ дѣвушки, очень немного, и видѣть ихъ можно не часто, всего разъ въ году. Случается это только въ Великомъ посту потому, что въ это время въ хороводѣ, который собирается каждый праздникъ и воскресенье, танцовать не дозволяется. Правда, что и въ Успенскій постъ тоже не дозволяется танцовать, но тогда горячее рабочее время, и въ хороводъ никто не ходитъ. Въ остальные же посты танцы дозволены, а они всегда предпочитаются играмъ. И вотъ когда „хоро“ собралось, а танцовать нельзя, поневолѣ начинаются игры.

Изъ игръ спеціально дѣвическихъ можно перечислить слѣдующія:

1) Алтыкіші (шестерка)

Въ этой игрѣ участвуютъ шесть человѣкъ, или 3 пары. Одна изъ паръ называется ро̀пчу и становится въ серединѣ, а другія двѣ по обѣимъ сторонамъ отъ нея. Участвующіе въ этихъ двухъ парахъ перебѣгаютъ такъ, какъ показано на рисункѣ (*а*), для того, чтобы образовать двѣ новыя пары *А*, *Б* и *В*, *Г* образуются пары *А*, *В* и *Б*, *Г*, а потомъ снова *А*, *Б* и *В*, *Г* и т. д. Въ это время ро̀пчу

„Хóро“ (хороводъ) въ селѣ Бешалмá.

(Снято съ церковной колокольни).

стараются помѣшать парамъ соединиться, и если поймаютъ кого-либо изъ перебѣгающихъ, то становятся въ пару съ тѣмъ, кого поймали, а оставшійся безъ пары становится на ихъ мѣсто.

А В
Рôпчу Рôпчу
Б Г
а)

А В
Рôпчу
Рôпчу
Б Г
б)

Если ропчу не успѣли помѣшать парамъ соединиться, то играющіе располагаются иначе (см. рис. *б*).

Видоизмѣненіе этой игры, въ которой вмѣсто трехъ паръ участвуютъ четыре, двѣ бѣгающихъ и двѣ ловящихъ, называется ропроп. (1).

2) Кур-кур баба.

Эта игра вполнѣ соотвѣтствуетъ нашей русской игрѣ въ коршуны. Играющіе также становятся другъ за другомъ въ одинъ рядъ, только передній въ ряду, который у насъ называется маткой, у гагаузовъ—царь (падішàх), а нашъ коршунъ—колдунъ (джяды́). Тотъ, кого удастся изловить „колдуну", становится за его спиной, а если, перетягивая къ себѣ отъ „царя" по одному человѣку всю его свиту, „колдунъ" не можетъ болѣе изловить ни одного, то „царь" и „колдунъ", имѣя каждый за собою цѣпь играющихъ, тянутся въ разныя стороны. Перетянувшій становится „царемъ", а перетянутый—„колдуномъ", и игра начинается съ начала.

Незначительное видоизмѣненіе предыдущей игры называется у Гагаузовъ гàрга (ворóна). Падишахъ здѣсь—таук (курица) или клóчка (клушка), его свита—пілічляр (цыплята), а тотъ кто ловитъ цыплятъ,—гàрга (ворóна). Во время игры этотъ послѣдній приговариваетъ:

Кус, кус тепенì деля́рім	Клуха, клуха, продолблю твою макушку.
Чірк, яўруну́ капàрым.	Чиркъ! Поймаю твоего птенца (2)

3) *Бель тюркюсю (спинная пѣсня)*

Играющія раздѣляются на двѣ половины. Въ каждой половинѣ дѣвушки становятся въ рядъ, обнявши одна другую за талію, лицомъ рядъ къ ряду. Одна половина называетъ себя парнями (о л а̀ н), а другая—дѣвушками (к ы з). Дѣвушки, изображающія парней, поютъ:

Біз олана, біз олана	Мы парни, мы парни
Бір бірі бірдян	Одинъ къ одному,
Яры ёлдан	Съ половины дороги
Дёнсяк гері.	Возвращаемся назадъ.

Затѣмъ онѣ отступаютъ, а другая партія начинаетъ наступать на нихъ съ пѣсней:

Біз кызлара, біз кызла́ра	Мы дѣвушки, мы дѣвушки
Бір бірі бірдян	Одна къ одной,
Яры ёлдан	Съ половины дороги
Дёнсяк гері	Возвращаемся назадъ (3).

4) *Джінгыра̀к (кривой танецъ).*

Дѣвушки, взявшись за руки, ходятъ змѣйкой и выдѣлываютъ разныя фигуры, какъ напримѣръ: проходятъ всѣ подъ руки одной пары, замыкаютъ кругъ, снова его разрываютъ и т. д.

У гагаузовъ с. Этулія, Измаильскаго уѣзда, эту игру называютъ: „Іірі 'ору". т.-е. кривой хороводъ (4).

5) *Домуз дюню́ (свинская свадьба).*

Двѣ дѣвушки садятся на землю, обнявши другъ двуга за талію, а сзади нихъ сидитъ третья. Къ нимъ приходятъ двѣ другія и, обращаясь къ нимъ, говорятъ:

Сòрун бізя', нèічін гельдік.	Спросите насъ, зачѣмъ мы пришли.

Первыя отвѣчаютъ:

Сèèляін кеньдініз, нèічін гельдініз.	Скажите сами, зачѣмъ вы пришли.

Пришедшія:

Біз гельдік сізін кара̀ гез кызыныз-ічін.	Мы пришли за вашей черноглазой дѣвушкой.

Сидящія:

А сізін чоджуунуз не занаатта̀?	А вашъ парень чѣмъ занимается?

Отвѣтъ.

Домуз гюдѐер	Свиней пасетъ.

Первыя дѣвушки прогоняютъ ихъ со смѣхомъ и съ криками: ху! ху! ху! Затѣмъ вторыя дѣвушки снова подходятъ къ первымъ, и повторяется та же сцена, но называются другіе пастухи: лошадиные, коровьи, овечьи и т. д. Ихъ снова прогоняютъ. Игра этимъ и кончается (5).

6) Кукла (?).

Дѣвушки, какъ и въ предыдущей игрѣ, образуютъ двѣ группы. Одна выбираетъ изъ своей среды дѣвушку, которую называетъ: гелі̀н (т.-е. невѣста). Ей завязываютъ на головѣ платокъ такъ, какъ онъ завязывается у невѣстъ, и изъ нитокъ вѣшаютъ на лобъ тель, т.-е. якобы нитки мишуры (необходимая принадлежность подвѣнечнаго костюма). Затѣмъ дѣвушки, участвующія въ первой партіи, окружаютъ ту, которая изображаетъ невѣсту. Другая партія отходитъ въ сторону и посылаетъ изъ среды себя двухъ, которыя обращаются къ первой партіи съ пѣсней; въ пѣснѣ говорится, что онѣ пришли за кара̀-гöз кызы́ (за черноглазой дѣвушкой). Послѣ переговоровъ, происходящихъ пѣснями (самыхъ пѣсенъ разсказчикъ, къ сожалѣнію, не могъ мнѣ передать), первая партія соглашается отдать черноглазую дѣвушку. Тогда изъ второй партіи выдѣляется одна дѣвушка, которую называютъ: дюнюрджю́ (сватъ); послѣ переговоровъ она беретъ одну изъ дѣвушекъ первой партіи (въ пѣснѣ говорится, что сватъ укралъ дѣвушку) и отводитъ въ сторону. Затѣмъ все повторяется съ начала, пока сватъ не заберетъ всѣхъ дѣвушекъ, кромѣ «невѣсты», къ себѣ и не поставитъ въ рядъ. Въ заключеніе сватъ беретъ и самую невѣсту, и тогда исполняютъ болгарскій танецъ піпѐрч. При этомъ сватъ становится въ середину, подпираетъ руки въ бока и подъ тактъ пѣсни покачивается корпусомъ на пяткахъ то вправо, то влѣво. А невѣста и другая дѣвушка, выбранная изъ дѣвушекъ второй партіи и называемая гювя (т.-е. женихъ), держа руки на бедрахъ, ходятъ вокругъ свата. Игра заканчивается словами свата: «йыкра̀м япты́» (т.-е. уваженіе, почесть сдѣланы). (6)

7) *Игра безъ названія.*

Три дѣвушки становятся врядъ, обнявши другъ друга за талію, три другія дѣвушки становятся въ такой же позѣ противъ нихъ. Обѣ тройки обращены лицомъ другъ къ другу и поютъ поочередно:

Первыя:

Башыма агырык, башыма агырык.	У меня голова болитъ (:).

Вторыя:

Ко бян пазара вараджям, Башына чембер аладжям.	Вотъ я на базаръ поѣду, Куплю тебѣ на голову платокъ

Первыя:

Елім агырык, елім агырык.	У меня рука болитъ (:).

Вторыя:

Ко бян пазара вараджям, Еліня білезік аладжям.	Вотъ я на базаръ поѣду, Куплю тебѣ на руку браслетъ.

Первыя:

Аякларым агырык, аякларым агырык.	У меня ноги болятъ (:).

Вторыя:

Ко бян пазара вараджям, Аякларна башмекі аладжям.	Вотъ я на базаръ поѣду, Куплю тебѣ на ноги башмаки.

Первыя:

Сыртым агырык, сыртым агырык.	У меня спина болитъ (:).

Вторыя:

Ко бян пазара вараджям, Сыртына фістан аладжям.	Вотъ я на базаръ поѣду, Куплю тебѣ на спину платье.

А вотъ варіантъ той же пѣсни изъ села Башкюю:

Первыя:

1) Башім аарѐер, башім аарѐер.	У меня голова болитъ (:).

Вторыя:

2) Я бян пазарȧ варайы́м, Оанȧ да ал фесь алайы́м. Демея́сін: «башім аарѐер».	А я на базаръ поѣду, Тебѣ на голову алую феску куплю. Не говори, что голова болитъ.

Первыя:

3) Анным аарѐер, анным аарѐер.	У меня лобъ болитъ (:)

Вторыя:

4) Я бян пазарà варайым,	А я на базаръ поѣду,
Аннынà алтын алайым.	Тебѣ на лобъ золото куплю.
Демеясін: «анным аарѐер».	Не говори, что лобъ болитъ.

Затѣмъ повторяются куплеты № 3 и № 4, при чемъ изъ № 3 образуются куплеты №№ 5, 7, 9, 11, 13, 15, 17, 19, 21 и 23 съ замѣною слова анным (лобъ) словами: гёзю́м (глазъ), кулаàм (ухо), кашым (бровь), бурнум (носъ), аазым (ротъ), колу́м (рука), пармаàм (палецъ), белім (поясница), аяàм (нога) и бойну́м (шея), а изъ № 4—куплеты №№ 6, 8, 10, 12, 14, 16, 18, 20, 22 и 24 съ замѣною словъ аннынà алтын (на лобъ золото) словами: гёзюня́ сюрмя́ (для глазу сурьму), кулаанà кюпя́ (для уха серьгу), кашінà расты́к (для брови растык) *), бурнунà е́нфя (для носу нюхательный табакъ), аазынà алмà (для рта яблоко), кулунà білезік (для руки браслетъ), пармаанà юзюк (для пальца перстень), белíня кушàк (для поясницы кушакъ), аяанà папу́ч (для ноги туфли) и бойнунà гердàн (для шеи ожерелье). Этотъ варіантъ любопытенъ потому, что въ немъ сохранилось нѣсколько архаическихъ черточекъ, а именно упоминаются такія части костюма, которыхъ гагаузскія дѣвушки уже давно не носятъ, какъ напримѣръ: на головѣ алая феска, на лбу золото, т.-е. золотыя подвѣски (у ногайцевъ мізвюк); во-вторыхъ, слово енфя́ совершенно вышло у гагаузовъ изъ употребленія въ разговорномъ языкѣ и переводится пѣвцами словами нюхательный табакъ скорѣе по догадкѣ (6).

8) Тафта́ атла́майынджя.

Эта игра состоитъ въ поочередномъ прыганьи двухъ человѣкъ по концамъ доски, положенной серединою на какой нибудь чурбанъ. Въ нее играютъ преимущественно маленькія дѣвочки у себя на дворѣ (8).

---

*) Растык—болѣзнь зерна ржи и кукурузы, въ родѣ спорыньи, съ черной, какъ сажа, порошкообразной внутренностью, которую въ старину употребляли для черненія бровей.

Вотъ эти игры и считаются специально женскими, всѣ остальныя—мужскія, но впрочемъ нѣкоторыя изъ мужскихъ игръ дозволяются и для маленькихъ дѣвочекъ.

Забавы мужскія.

Мальчики, какъ я уже говорилъ, очень любятъ заниматься гимнастическими упражненіями, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣютъ свои названія.

1) Ложатся на землѣ лицомъ кверху и, перегибая голову назадъ, стараются поднять ртомъ мелкія вещи, напримѣръ монету, положенную противъ ихъ затылка.

2) Становятся на голову, упираясь руками на землю, а ноги поднимаютъ вертикально вверхъ. Это называется поп тутма́а (становиться на попа).

3) Становятся на голову и держатся ногами вверхъ безъ помощи рукъ, придерживаясь плечомъ объ какой-нибудь чурбанъ или широкій колъ, вбитый въ землю.

4) Одинъ парень ложится на землю лицомъ кверху, а другой поднимаетъ его за плечи такъ, чтобы поднимаемый не согнулся.

5) Двое быстро вертятъ веревку, а одинъ черезъ нее прыгаетъ (9).

6) Достаютъ ртомъ съ земли монету, стоя на землѣ на согнутыхъ рукахъ, ногами вверхъ.

Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ число гимнастическихъ игръ.

Гимнастическія игры.

9) Манастыр япаёрлар (строятъ соборъ).

Становятся въ кругъ нѣсколько самыхъ сильныхъ парней, а имъ на плечи другой рядъ и третій въ видѣ живой пирамиды (10).

10) Джiнiгiльмеiнджя.

Восемь человѣкъ играющихъ раздѣляются на двѣ партіи по 4 человѣка. Одна партія, на которую выпалъ жребій, строитъ изъ своихъ спинъ площадь слѣдующимъ образомъ. Двое становятся задомъ другъ къ другу и, захвативши одинъ другого за шаровары, сгибаютъ спину. Двое другихъ становятся бокомъ противъ середины

образовавшейся площадки лицами въ разныя стороны и сгибаютъ свои спины наравнѣ съ первой парой. Черезъ образовавшуюся такимъ образомъ площадку члены другой партіи кувыркаются черезъ голову каждый по 4 раза. Послѣ того партіи перемѣняются своими мѣстами и т. д. (11).

11) Узу'н ешèк (длинный оселъ) или *хамдм.*

Играющихъ не менѣе четырехъ. Они раздѣляются на двѣ равныя партіи. Члены одной партіи становятся другъ за другомъ, согнувши спины и обхвативъ руками своего передняго сосѣда. Другая партія прыгаетъ на спины первой и должна просидѣть на спинахъ въ теченіе того времени, пока сосчитаютъ до десяти. Это бываетъ не совсѣмъ легко, потому что члены первой партіи очень мало сгибаютъ свои спины, и приходится не столько сидѣть на ихъ спинахъ, сколько висѣть на своихъ рукахъ, держась за ихъ плечи. Такое упражненіе повторяется до трехъ разъ. Если кто-нибудь изъ находившихся наверху коснется ногой земли въ продолженіи 10 счетовъ, то вся его партія лишается права скакать на спины товарищей. Если же все обстояло благополучно во всѣ три прыжка, то партіи мѣняются своими мѣстами (12).

12) Хïбеджìк (мышочекъ).

Одинъ изъ играющихъ ложится на землю лицомъ внизъ. По бокамъ его другъ противъ друга садятся два дюжіе парня, которые кладутъ свои ноги на спину лежащаго и держатъ другъ друга за ноги. Лежащій внизу долженъ подняться сначала на четвереньки, а потомъ встать на ноги и выпрямиться, держа все время на своей спинѣ двухъ дюжихъ парней, уравновѣшивающихъ другъ друга.

13) Денеджèк или *чыкырыджкя'.*

Въ этой игрѣ соединяется пріятное съ полезнымъ. Печи отапливаются у гагаузовъ кизякомъ, т.-е. кирпичами изъ навоза, но передъ тѣмъ, какъ сдѣлать изъ навоза кирпичи, необходимо уплотнить его, утаптывая ногами. Чтобы эта работа не была утомительной, надъ навозомъ устраиваютъ что-то въ родѣ карусели или гигантскихъ шаговъ. На навозъ кладется обыкновенное телѣжное колесо. Во втулку его втыкается вертикально обыкновенная телѣжная ось. Наверху этой послѣдней на высотѣ человѣческой груди привязывается

веревкой горизонтальный брусъ, перекладина. За концы перекладины берутся два парня лицомъ въ разныя стороны и бѣгутъ впередъ, заставляя перекладину вертѣться вокругъ оси. Когда они пріобрѣтутъ такимъ образомъ инерцію, то оба разомъ вѣшаются руками на перекладину и дѣлаютъ вмѣстѣ съ осью нѣсколько оборотовъ, вися на рукахъ. Затѣмъ опять бѣгутъ впередъ, опять катятся и т. д. Такая работа, соединенная съ катаніемъ, настолько нравится парнямъ, что считается не работой, а игрой. Когда вытоптанъ навозъ въ одномъ мѣстѣ, карусель переносятъ въ другое. Надоѣстъ однимъ топтать навозъ, ихъ съ удовольствіемъ замѣнятъ другіе и т. д. (13).

Игры, требующія ловкости.

14) Кёр Чепіш (Слѣпой Чепишъ).

Совершенно то же, что наши жмурки (14).

15) Тавшанджік. (Зайчикъ).

Въ этой игрѣ принимаютъ участіе только двое. Чертится на землѣ кругъ, и черезъ центръ его проводятся два взаимно перпендикулярные діаметра. Одинъ изъ играющихъ (зайчикъ) бѣгаетъ по начерченной фигурѣ, слѣдуя за всѣми ея изгибами, а другой, не сходя съ той же линіи, его ловитъ.

16) Трусь карà кедì (прочь черная коза).

Соберется человѣкъ 5—10 мальчиковъ около глубокой ямы, въ которой зимою сохраняется зерновой хлѣбъ и считаются между собою. Кто выйдетъ по счету послѣднимъ, влѣзаетъ въ яму. Онъ ловитъ всѣхъ остальныхъ, которые бѣгаютъ по самому краю ямы и дразнятъ его словами:

Трусь карà кедì,	Прочь черная коза,
Каймаамы́ йідін.	Мою сметану съѣла.

Тотъ, кого поймаетъ стоящій въ ямѣ, слѣзаетъ къ нему и начинаетъ ловить вмѣстѣ съ нимъ всѣхъ остальныхъ и т. д. Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ играющіе не будутъ въ ямѣ (15).

17) Хèреджя.

Эта игра соотвѣтствуетъ нашей палочкѣ—воровкѣ; у бессарабскихъ болгаръ Измаильскаго уѣзда она называется т п ф у́ г ö р д ж ю м. На-

званіе игры гагаузы объясняютъ якобы происходящимъ отъ словъ **х е р г е д ж я**, т.-е. всякую ночь, такъ какъ въ эту игру играютъ только вечеромъ въ сумеркахъ или въ темнотѣ.

Одному изъ играющихъ закрываютъ руками глаза, пока всѣ остальные прячутся. Онъ долженъ отыскивать спрятавшихся и для этого сходитъ съ назначеннаго ему мѣста, а въ то же время озирается по сторонамъ. Если онъ зазѣвается, то спрятавшіеся выбѣгаютъ изъ своей засады и стараются плюнуть на то мѣсто, которое выбрано для него въ качествѣ «дома». Ихъ нужно отыскать всѣхъ до одного прежде, чѣмъ имъ удастся выбѣжать и плюнуть, въ противномъ же случаѣ игра въ прежнемъ порядкѣ начинается съ начала. Когда отыскивающій найдетъ кого-либо изъ спрятавшихся, то онъ плюетъ со словами: «т п ф у х ѐ р е д ж я П ѐ т р і» или «т п ф у х ѐ р е д ж я Ю в а н і» и т. д. Когда всѣ будутъ найдены, то тотъ, кто найденъ первымъ, идетъ на мѣсто искавшаго (16).

Игры со жгутомъ.

18) Ш і р.

Въ эту игру играютъ въ домѣ и на улицѣ маленькіе и взрослые. Участвующіе садятся на землѣ въ тѣсный кружокъ, ногами въ середину, а одинъ, въ срединѣ круга, имъ на ноги. Дѣлается изъ платка или полотенца обыкновенный жгутъ (т у́ р а) и передается сидящими въ кругѣ изъ рукъ въ руки за спинами такъ, чтобы этого не замѣтилъ сидящій въ срединѣ. Если этотъ послѣдній зазѣвается, то его бьютъ жгутомъ и тотчасъ же прячутъ жгутъ за спиной. У кого найденъ жгутъ, тотъ садится въ середину круга (17).

19) Т у р а (жгутъ).

То же, что предыдущая игра, но сидящему въ срединѣ закрываютъ глаза и въ это время передаютъ другъ другу кольцо, которое тотъ долженъ найти, когда ему откроютъ глаза, если же не найдетъ, то его бьютъ жгутомъ.

20) Пілі́ч-пілі́ч (цыпленокъ).

Въ этой игрѣ участвуетъ 10—12 человѣкъ взрослыхъ парней. Они берутъ столько же малыхъ ребятъ, садятъ ихъ въ кружокъ, лицами въ середину, а за неимѣніемъ ребятъ кладутъ въ кружокъ

каменья. Каждый изъ играющихъ садится сзади одного изъ ребятъ, лицомъ въ середину круга, а одинъ, на котораго выпадетъ счетъ, становится внѣ круга и беретъ въ руки жгутъ. Обходя кругъ, онъ, по возможности, незамѣтно для сидящихъ, кладетъ жгутъ сзади одного изъ нихъ, а самъ убѣгаетъ. Тотъ, кому онъ положилъ жгутъ, догоняетъ его и старается ударить. Если это ему не удастся, то положившій къ нему жгутъ обѣжитъ кругъ и сядетъ на его мѣсто, если же удастся, то онъ бросаетъ жгутъ, возвращается на свое мѣсто, и игра начинается съ начала.

Дѣвушки также играютъ въ эту игру въ Великомъ посту въ хороводѣ и при этомъ приговариваютъ:

Юшюдюм, юшюдюм гіі кюркюню.	Озябъ, озябъ, надѣнь на меня шубу.
Ёк кюркюм, ёк кюркюм,	Нѣтъ шубы, нѣтъ шубы,
Вай, бенім джяным кюркюм ёк.	Ай, у моей души шубы нѣтъ.
Алса̀м, алса̀м—пара̀м ёк,	Я бы купила, я бы купила,—денегъ у меня нѣтъ,
Чалса̀м, чалса̀м, тутарла̀р басарла̀р,	Украла бы, украла бы, схватятъ и отнимутъ,
Хень гёзяль кызы капарла̀р.	Самую красивую дѣвушку захватятъ (18).

21) *Чёльмекчі (Горшечникъ).*

Эта игра представляетъ собою варіантъ предыдущей. Всѣ дѣвушки садятся на землю въ кругъ, лицами въ середину, а одна остается внѣ круга. Она подходитъ ко всѣмъ сидящимъ въ кругу и спрашиваетъ поочередно: «чёльмѐк, чёльмѐк сатэермысын?» (не продашь ли ты горшка?) Если спрошенная отвѣтитъ: «са̀тмайорым» (т.-е. не продаю), то спрашивающая переходитъ съ тѣмъ же вопросомъ къ другой дѣвушкѣ, пока не получитъ отвѣта: «сатэ́ерым» (продаю). Тогда обѣ онѣ бѣгутъ по кругу въ разныя стороны, и та, которая прибѣжитъ скорѣе, садится на свободное мѣсто, а другая остается внѣ круга и тѣмъ же порядкомъ продолжаетъ спрашивать сидящихъ (19).

22) *Юзюк ойнаймда. (Игра въ кольцо).*

Играющихъ только двое. Одинъ беретъ кольцо, кладетъ его на вытянутую ладонь правой руки и, подбрасывая на воздухъ, ловитъ задней стороной ладони. А затѣмъ, держа правую руку на воздухѣ,

старается на мизинецъ ея надѣть кольцо безъ помощи другой руки. Если это ему удастся, то онъ бьетъ своего противника жгутомъ, если же нѣтъ, то его самого бьютъ.

23) Бѣшка. (Пятерка).

Эта игра представляетъ собой видоизмѣненіе предыдущей. Вмѣсто кольца здѣсь употребляются пять бабокъ, которыя съ ладони перекидываются на обратную сторону руки совершенно такъ, какъ у насъ въ школахъ играютъ въ пуговицы, число которыхъ бываетъ тоже пять (20).

Игры съ веревкой.

24) Чаты́ уджю́ (конецъ веревки).

Число участвующихъ въ игрѣ неопредѣленно, но должно быть непремѣнно нечетное и не меньше трехъ. Играющіе раздѣляются на двѣ партіи. Одна изъ нихъ становится въ кружокъ, лицами въ середину, и нагибаетъ головы впередъ. Одинъ изъ участвующихъ въ партіи держитъ въ рукахъ конецъ длинной (сажени въ 4) веревки. За другой конецъ той же веревки держится тотъ, кто остается по счету внѣ партій. Онъ долженъ, бѣгая около круга такъ далеко, какъ дозволяетъ длина веревки, помѣшать партіи, стоящей внѣ круга, вскочить на спины участниковъ первой партіи, для чего онъ долженъ ударить прыгающаго ногой ниже колѣна. Если ему это удастся, то онъ перемѣняется мѣстами съ тѣмъ, кого ударилъ, если же нѣтъ, то игра продолжается по прежнему. Тотъ, которому удалось безпрепятственно вспрыгнуть на спину одного изъ стоящихъ въ кругѣ, можетъ сидѣть тамъ, сколько ему угодно.

25) То̀рба каврдмайджя (схваченная сумка).

Забиваютъ въ землю колъ и привязываютъ къ нему веревку около сажени длиной; окола кола всѣ играющіе кладутъ свои сумки, въ которыхъ носятъ съ собой въ поле хлѣбъ. Затѣмъ одинъ изъ мальчиковъ, на котораго выйдетъ счетъ, берется за конецъ веревки и, не отходя отъ кола дальше ея длины, охраняетъ сумки, которыя остальные играющіе стараются растащить. Если кого-нибудь изъ этихъ послѣднихъ онъ ударитъ ногой ниже колѣна, то перемѣняется съ нимъ мѣстами. Если же это ему не удастся и всѣ сумки растащены, то его бьютъ

сумками до тѣхъ поръ, пока онъ не ударитъ кого-нибудь ногой ниже колѣна. Тогда игра начинается снова (21).

Игры съ палками.

26) *Бікічка* или *гутгу́т* (22).

Всѣ участвующіе въ игрѣ, число которыхъ неопредѣленно, имѣютъ въ рукахъ по длинной палкѣ и кидаютъ ихъ поочереди въ одну сторону, такъ чтобы на полетѣ палки кувыркались. Тотъ, кто броситъ свою палку ближе всѣхъ, долженъ собрать и принести всѣ остальныя на то мѣсто, откуда палки бросались (23), и говорить все время, не переводя духъ: „гут, гут, гут, гут"... Если онъ не сможетъ этого сдѣлать, то выходитъ изъ игры, а если сможетъ, то игра начинается съ начала. Кто три раза подъ-рядъ кинетъ палку ближе всѣхъ и всякій разъ соберетъ остальныя палки со словами: „гут, гут...", тому закрываютъ глаза и, дотрагиваясь концомъ палки до его спины, спрашиваютъ, тонкимъ или толстымъ концомъ она приложена. Если онъ не отгадаетъ, то палки разбрасываютъ какъ можно дальше во всѣ стороны и снова заставляютъ ихъ собирать. Если же отгадаетъ, то освобождается отъ всякихъ повинностей. Въ томъ и въ другомъ случаѣ игра начинается съ начала.

27) *Сопа каврамайджя (схваченная палка).*

Участвующихъ въ этой игрѣ четное число, не меньше четырехъ. Число палокъ, которыми играютъ, можетъ быть сколько угодно, но не менѣе числа играющихъ. Всѣ палки кладутся въ одну кучу. Изъ числа играющихъ выбираются двое старшихъ въ партіяхъ, которыхъ называютъ баш или бей. Они набираютъ себѣ изъ числа всѣхъ остальныхъ двѣ равныя партіи и рѣшаютъ по жребію, которая партія останется на мѣстѣ (кююдя, т.-е. въ селѣ), а которая уйдетъ въ поле (кырá). Старшій въ той партіи, которая осталась на мѣстѣ, становится около кучи палокъ, а остальные въ сторону поля въ два ряда, лицами въ середину. Между рядами оставляется промежутокъ около 4 шаговъ. Такой же промежутокъ оставляется между старшимъ и ближайшей къ нему парой, а также между всѣми парами, сколько бы ихъ ни было. Каждый становится на свое мѣсто и обозначаетъ его маленькой ямочкой, которая во время игры закрывается ногой.

Въ серединѣ расположившейся такимъ образомъ партіи чертятъ на землѣ кругъ около шага въ діаметрѣ, въ который кладутъ челік (чурокъ, короткій обрубокъ тонкой палки). Старшій въ партіи беретъ одну изъ лежащихъ возлѣ него палокъ и бросаетъ ею въ челикъ. Челикъ съ палкой вылетаетъ въ сторону поля. Тотъ изъ первой партіи, къ кому палка всего ближе упала идетъ доставать ее, но при этомъ долженъ остерегаться, чтобы партія, стоящая въ полѣ, не положила въ его ямочку, оставшуюся незакрытой, челикъ. Если ему это удастся, то онъ кладетъ палку около себя, и игра продолжается, въ противномъ случаѣ обѣ партіи перемѣняются мѣстами. Тѣ палки, которыя залетятъ далеко, такъ что невыгодно ихъ доставать, остаются лежать на своемъ мѣстѣ. Когда старшій перекидаетъ всѣ свои палки, то перемѣняется мѣстомъ съ тѣмъ, у кого собрано палокъ больше всего. Такимъ образомъ игра продолжается далѣе, пока первая партія не истощитъ всѣ свои палки. Когда это случится, то партіи перемѣняются мѣстами (24).

28) *Челік (чурокъ).*

Участвующихъ въ игрѣ только двое, одинъ располагается на мѣстѣ (кюдя́, въ деревнѣ), другой уходитъ въ поле (кыра́). Первый изъ нихъ имѣетъ у себя чурокъ и палку. Сдѣлавши въ землѣ маленькую ямочку, онъ кладетъ поперекъ ея чурокъ и, просунувши подъ него свою палку, подбрасываетъ кверху и впередъ. Стоящій въ полѣ ловитъ чурокъ руками. Если онъ не поймаетъ, то его противникъ кладетъ свою палку поперекъ ямочки и предлагаетъ попасть въ нее чуркомъ. Если послѣдній попадетъ, то стоящій «въ деревнѣ» теряетъ одинъ ходъ (бір кол, одна рука). Число такихъ ходовъ бываетъ 2, 3 или 4, смотря по условію. Если же стоящій въ полѣ не поймалъ чурка къ нему брошеннаго, или же не попалъ чуркомъ въ палку, то стоящій въ деревнѣ ставитъ челикъ однимъ концомъ на дно ямочки, а другимъ наклонно вверхъ, бьетъ по верхнему его концу палкой и, пока чурокъ вертится въ воздухѣ, отбиваетъ его палкой въ сторону поля. Тогда стоящій въ полѣ уже не ловитъ чурка и разстояніе отъ мѣста его паденія до ямочки измѣряетъ шагами. Каждые 10 шаговъ считаются за одинъ пінѐкь (порогъ), а число выигранныхъ «пінѐковъ» отмѣчается на землѣ черточками. Если бы, поднявши чурокъ ударомъ палки вверхъ, играющій не отбилъ его палкой на воздухъ, то находящійся въ полѣ имѣетъ право, начиная

отъ ямочки, прыгать по направленію къ чурку одинъ разъ впередъ, одинъ разъ бокомъ и три раза задомъ. Если затѣмъ, лежа на животѣ, онъ достанетъ челикъ рукой, то находящійся въ деревнѣ теряетъ одинъ ходъ. Игра продолжается такъ до тѣхъ поръ, пока играющій «въ деревнѣ» не истощитъ всѣхъ своихъ ходовъ. Тогда онъ уступаетъ свое мѣсто противнику. Выигравшимъ считается тотъ, кто ранѣе окончитъ условленное число «пінѐковъ» (25).

29) *Кăймăк челік (сметанный чурокъ).*

Въ этой игрѣ участвуетъ отъ 5 до 10 человѣкъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ въ рукахъ палку и вырываетъ въ землѣ свою ямочку. Ямки располагаются по кругу, въ середину котораго ставится чурокъ. Одинъ изъ играющихъ, выбранный по счету, бьетъ чурокъ палкой, а другой бѣжитъ его доставать. Пока послѣдній не вернется на свое мѣсто съ чуркомъ въ рукахъ, всѣ спѣшатъ раскопать палками его ямку. Когда онъ приблизится, то всѣ ставятъ палки въ свои ямочки. Чѣмъ ямочки меньше, тѣмъ труднѣе это сдѣлать. Если принесшему чурокъ удастся попасть имъ въ чью-нибудь ямочку, то хозяинъ ямочки замѣняетъ его, если же нѣтъ, то онъ и во второй разъ пойдетъ за чуркомъ, и ямочку его раскопаютъ еще больше. Если такимъ образомъ у кого-либо изъ играющихъ ямка вырыта глубиною до колѣна, то его становятъ въ нее и закапываютъ ноги землей, а сами разбѣгаются по сторонамъ. Зарытый долженъ освободить свои ноги и поймать кого-либо изъ остальныхъ, пока они не успѣли схватить своихъ палокъ и поставить въ ямочки, что̀ они могутъ дѣлать только съ того момента, когда зарытый освободитъ изъ земли свои ноги. Если этому послѣднему не удалось никого поймать, то ему раскапываютъ ямочку еще больше, снова зарываютъ его и т. д. (26).

30) *Каранмык челік (чурокъ въ темнотѣ).*

Эта игра происходитъ ночью или поздно вечеромъ. Число участвующихъ въ ней не ограничено. Всѣ они раздѣляются на двѣ партіи. Та изъ партій, которой выпало начинать игру, беретъ чурокъ и бросаетъ его въ темноту. Всѣ отправляются искать чурокъ, и кто его найдетъ, старается пронести незамѣтно отъ враждебной партіи до заранѣе назначеннаго мѣста, называемаго о т л у́ к. Мѣсто это выбирается нарочно гдѣ-нибудь высоко, чтобы, доставая до него, нужно было руку съ палкой поднять вверхъ, напр. вершина забора, стрѣха

дома и т. под. Нашедшій чурокъ, принеся его на о т л у́ к, долженъ постучать въ назначенномъ мѣстѣ, и тогда считается, что его партія взяла одинъ о т л у́ к (б і р о т л у́ к я п т ы́). Но противоположная партія старается вырвать чурокъ изъ рукъ нашедшаго и постучать раньше его. Игра начинается съ начала, и право кидать палку принадлежить той партіи, которая сдѣлала послѣдній о т л у́ к. Выигрышъ считается за той партіей, которая ранѣе сдѣлала условленное число отлуковъ (27).

31. Домузчу́к ойнамда (игра въ свинку).

Эта игра одинакова или почти одинакова съ нашей игрой въ свиньи. Вырывается одна большая ямка и вокругъ нея маленькія. Всѣхъ ямокъ вмѣстѣ съ большой должно быть столько, сколько играющихъ. Одинъ изъ участвующихъ въ игрѣ отходитъ въ сторону и гонитъ палкой въ большую ямку такъ называемую «свинку» (д о м о з ч у́ к), т. е. какую-нибудь первую попавшуюся кость. Остальные, держа свои палки въ ямочкахъ, стараются ему въ этомъ помѣшать, но дѣлаютъ это осторожно, потому что гоняющій «свинью» можетъ попасть палкой въ любую изъ маленькихъ ямочекъ, если она не закрыта палкой ея хозяина. Если бы это ему удалось, то незакрывшій вовремя своей ямки, пойдетъ вмѣсто него гнать «свинью». Если «свинья» загнана наконецъ въ среднюю ямку, то всѣ перемѣняютъ свои ямки черезъ одну, и тогда тотъ играющій, который загналъ «свинью», пользуясь общимъ переполохомъ, старается поставить свою палку въ одну изъ ямочекъ, чтобы тотъ, кто останется безъ ямочки, шелъ вмѣсто него загонять «свинью» (28).

32) Та́ва тѐнджера (сковородка).

Число участвующихъ въ этой игрѣ неограничено. Прежде всего выбираютъ мѣсто, на которомъ втыкаютъ въ землю чурокъ. Около него очерчивается кругъ. Затѣмъ всѣ играющіе становятся шагахъ въ 10-ти отъ чурка и бросаютъ черезъ него свои палки. Бросившій палку дальше всѣхъ первый начинаетъ игру. Ставши на то мѣсто, куда упала его палка, онъ бьетъ ею въ палку своего ближайшаго сосѣда и говоритъ: «т а в а». Потомъ переходитъ на то мѣсто, куда только что билъ, и оттуда бьетъ въ слѣдующую палку, при чемъ говоритъ: «т е н д ж е р а». Далѣе онъ точно также бьетъ во всѣ остальныя палки по порядку близости ихъ и при каждомъ ударѣ

произноситъ одно изъ словъ разъ навсегда установленной формулы: «т а́ в а, т е н д ж е р а, а т ѐ ш ь, о н б ѐ ш» (послѣдиее слово значитъ 15), а затѣмъ считаетъ далѣе по порядку: 16, 17, 18 и т. д. до 150-ти. Ударивши въ послѣднюю изъ палокъ своихъ товарищей, онъ бьетъ затѣмъ въ чурокъ, а потомъ считаетъ шагами отъ центра круга до того мѣста, куда чурокъ упалъ. Какъ самый ударъ въ чурокъ, такъ и каждый шагъ, послѣ того сдѣланный, прибавляетъ къ его счету по одной единицѣ. Дошедши до чурка, играющій поворачиваетъ назадъ и кидаетъ свою палку въ обратномъ порядкѣ, т.-е. сначала въ ближайшую къ кругу, потомъ въ слѣдующую и т. д. до послѣдней и все продолжаетъ считать. Затѣмъ онъ идетъ такъ же, какъ началъ игру, опять обратно и т. д. до тѣхъ поръ, пока не сосчитаетъ до 150-ти. Но если бы при такомъ ходѣ ему пришлось кидать свою палку на большее разстояніе, съ котораго онъ не надѣется попасть, то онъ бросаетъ палку куда-нибудь въ середину этого разстоянія и передаетъ очередь играть слѣдующему, запомнивъ ту цифру, до которой досчиталъ. Точно такъ же онъ можетъ сдѣлать всякій разъ, когда доходитъ до чурка и не надѣется его выгнать. Но весь счетъ этого игрока пропалъ, если онъ понадѣялся на себя и, кинувъ свою палку въ палку сосѣда, не попалъ въ нее, или же не выбилъ чурка, а только сронилъ его съ мѣста и, подбѣжавши къ нему, не заплевалъ его, допустивъ къ такой операціи кого-либо изъ своихъ товарищей.

Когда первый изъ играющихъ потерялъ свой ходъ, или уступилъ его добровольно, или уже окончилъ игру, то его замѣняетъ тотъ, чья палка была по дальности второю, и играетъ точно такъ же, какъ игралъ первый. За нимъ идетъ третій, четвертый и т. д.

Тотъ, кто окончилъ партію первымъ, получаетъ право ѣздить верхомъ на всѣхъ остальныхъ играющихъ, второй на всѣхъ остальныхъ, кромѣ перваго и т. д.; наконецъ послѣдній ни на комъ не ѣздитъ, а самъ всѣхъ возитъ.

Самое отбываніе повинности проигравшими производится слѣдующимъ образомъ. Всѣ палки кладутся рядомъ одна возлѣ другой, а въ серединѣ между ними втыкаютъ чурокъ. На концахъ палокъ обѣими ногами становится тотъ, кто долженъ возить. Тотъ же, кто будетъ на немъ ѣздить, беретъ его сзади за плечи и ударяетъ ногой въ чурокъ, а самъ, какъ можно скорѣе, пятится назадъ. Тотъ, который долженъ возить, бѣжитъ сначала за чуркомъ, поднимаетъ его и догоняетъ того, который бѣжитъ задомъ, но при этомъ долженъ еще занести дорò-

гой чурокъ на мѣсто и заплевать его. Догнавши своего товарища, онъ при общемъ смѣхѣ играющихъ везетъ его на спинѣ съ того мѣста, гдѣ поймалъ, до того, гдѣ лежатъ палки и чурокъ.

Игры съ мячикомъ.

Мячикъ (топу) гагаузскія дѣти приготовляютъ изъ старой кожи, напримѣръ изъ старыхъ полушубковъ, старыхъ сапогъ и т. под., набиваютъ внутри мокрыми тряпками и зашиваютъ.

33) Хáліта.

Совершенно то же, что русская «лапта» (29).

34) Чінгеня́ топу́ (Цыганскій мячикъ)

Одинъ изъ играющихъ беретъ мячикъ и кидаетъ въ другого, этотъ другой опять кидаетъ его въ кого-нибудь другого и т. д. Получается игра въ родѣ русскихъ пятнашекъ съ мячикомъ, но только безъ всякаго порядка. Изъ-за этой игры между гагаузской молодежью мужского пола дѣло иногда доходитъ до серьезной драки. Въ воскресенье гдѣ-нибудь на завалинкѣ сидитъ кучкой нѣсколько дѣвушекъ и около нихъ тоже кучкой парни, ихъ поклонники. Между тѣми и другими идетъ оживленная бесѣда, сыплются шутки, раздается смѣхъ и происходитъ игра взглядами. Но вотъ къ нимъ подходятъ тоже молодые люди, но уже женатые, съ мячикомъ въ рукахъ и, желая подразнить холостыхъ и помѣшать ихъ бесѣдѣ съ дѣвушками, начинаютъ съ ними игру въ чінгеня топу. Очень понятно, что раздосадованные парни вмѣсто мячика отвѣчаютъ имъ кулаками, и вотъ изъ-за пустяковъ начинается серьезная драка (30).

35) Топу́ ка́кмайынджя.

Играющихъ можетъ быть сколько угодно. Становятся въ кружокъ. Одинъ кидаетъ мячикъ въ землю, чтобы онъ далъ рикошетъ, а другіе ловятъ. Кто поймаетъ мячикъ, кидаетъ его такъ-же, какъ и первый, опять ловятъ и т. д. Но если случится, что кто-нибудь уронитъ мячъ на землю, то другіе поочередно влѣзаютъ къ нему на спину и сидятъ до тѣхъ поръ, пока мячика не уронитъ кто-либо другой. Тогда влѣзаютъ на спину этому послѣднему и т. д. (31).

верть позади. Затѣмъ бьютъ въ разставленныя кости съ разстоянія 5 шаговъ одной костью и смотрятъ, не перелетѣла ли которая-нибудь изъ костей за переднюю или за заднюю черту. Если перелетѣла, то она становится собственностью бросавшаго (36).

41) Кулак бурмайынджя.

Одинъ изъ играющихъ, у кого много костей, беретъ одну изъ нихъ и бросаетъ какъ можно дальше. Всѣ остальные бросаются за нею и стараются схватить ее. Тотъ, кому удалось достать кость, бѣжитъ съ нею къ хозяину ея и старается его ударить, послѣ чего кость уже считается собственностью ударившаго. Но остальные не даютъ ему этого сдѣлать, хватаютъ его за уши и крутятъ. Если онъ при этомъ выронитъ кость и ее подхватитъ другой, то и съ этимъ другимъ повторяется та же исторія. Такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока кому-нибудь не удастся добѣжать до хозяина кости и ударить его.

Игры, соединенныя съ отгадываньемъ.

42) Хергеля тыргасы. (Лошадиная загородка).

Въ этой игрѣ участвуютъ отъ 5 до 10 человѣкъ. Одному, на котораго выпалъ жребій, завязываютъ глаза и ставятъ въ середину, а остальные становятся вокругъ и поочередно подаютъ ему палку. Онъ долженъ отгадать, кто ему подалъ. Если отгадалъ, то подававшій палку становится на его мѣсто и т. д.

43) Бiльмейынджя. (Загадка).

Одинъ изъ играющихъ ложится на землю лицомъ внизъ съ завязанными глазами. Всѣ остальные кладутъ ему руки на спину ладонь на ладонь и предлагаютъ угадать, чья рука наверху. Они говорятъ:

Елім, елім юстюня	Рука моя, рука моя наверху.
Кімінь елінь юстюня.	Чья рука наверху?

Ели онъ отгадаетъ, то говорятъ: «к а л д ы р к ю п, б і л ь д і н» (подними горшокъ, т. е. встань, ты отгадалъ). На его мѣсто ложится тотъ, чья рука была наверху, и т. д. (37).

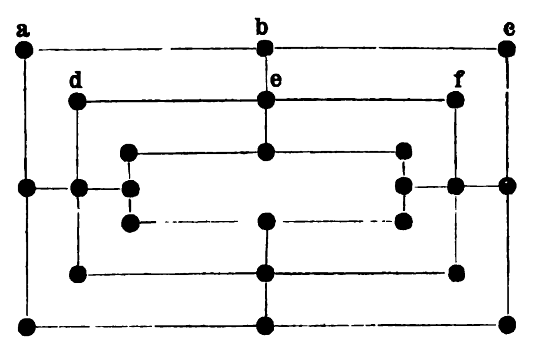
Игры, требующія разсчета.

44) Кую гечмейынджя.

Играющихъ двое. Они садятся на землѣ другъ противъ друга и вырываютъ себѣ каждый по три ямочки, въ которыя кладется по 9 «пыты» или по 9 зеренъ кукурузы въ каждую. Начинаетъ игру тотъ, на кого выпадетъ счетъ. Первый беретъ изъ любой ямочки всѣ зерна кромѣ одного и начинаетъ ихъ раскладывать по одному во всѣ шесть ямочекъ по порядку въ ту сторону, въ какую онъ желаетъ. Если въ той ямочкѣ, куда положено послѣднее зерно, выйдетъ число зеренъ четное, и если эта ямочка принадлежитъ противнику, то ходившій забираетъ всѣ зерна, въ ней находящіяся, къ себѣ. Затѣмъ точно также ходитъ и другой играющій. Если въ послѣдней ямочкѣ при такой раскладкѣ выйдетъ три зерна, то это называется джізы́к, и зерна такого джізыка не берутся противниками, сколько бы ихъ тамъ ни накопилось, до самаго конца игры. Но всѣ зерна, которыя при раскладкахъ попадутъ въ джізык, принадлежатъ тому игроку, который его сдѣлалъ. Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока уже нечего будетъ раскладывать по ямочкамъ. Тогда каждый изъ противниковъ пересчитываетъ свои зерна, и выигравшимъ считается тотъ, у кого зеренъ окажется больше.

45) Курдн.

Игра для взрослыхъ, вродѣ шашекъ. Для нея дѣлается дощечка, съ вырѣзанными на ней чертами такой формы.

Въ эту игру играютъ двое. Каждый изъ играющихъ беретъ себѣ по 9 зеренъ, одинъ одного сорта, напримѣръ зерна гороха, а другой другого, напримѣръ, пшеницы, и разстанавливаютъ зерна поочередно

по одному зерну на всѣхъ углахъ и пересѣченіяхъ линій, при чемъ каждый старается поставить себѣ к у р а̀ н, т.-е. три зерна подрядъ. Тотъ, кому это удалось, ѣстъ (і ѐ е р) любое изъ зеренъ противника. Наиболѣе удачно играетъ тотъ, кто сумѣетъ построить себѣ изъ зеренъ й і к і р ч, т.-е. разставить зерна такъ, чтобы однимъ ходомъ можно было закрывать то одинъ куранъ, то другой поочередно и при каждомъ такомъ закрываніи брать у противника по одному зерну. Такъ напримѣръ й і к і р ч получается, если зерна одного противника стоятъ въ *a*, *b*, *c*, *d* и *f*, а въ *e* остается мѣсто свободное. Тогда, передвигая зерно изъ *b* въ *e*, играющій открываетъ одинъ куранъ *abc* и закрываетъ другой *def*, при чемъ беретъ одно изъ зеренъ своего противника. При слѣдующемъ ходѣ онъ передвигаетъ зерно изъ *e* въ *b*, снова закрываетъ куранъ *abc* и снова беретъ одно зерно у своего противника и т. д. При этомъ наблюдается, чтобы ходъ былъ съ одного угла или пересѣченія линій только по линіямъ и только до ближайшаго угла или пересѣченія линій. Ѣсть можно любое зерно, кромѣ находящагося въ куранѣ закрытомъ, но если куранъ открытъ, то любое изъ зеренъ его уже можно есть. Если у одного изъ противниковъ заперты всѣ ходы, то онъ считается проигравшимъ, и такое положеніе называется с у х а р і (38).

Изъ всѣхъ описанныхъ нами мужскихъ игръ гагаузскія дѣвочки играютъ только въ слѣдующія, которыя считаются для нихъ приличными: 1) п і л і ч-п і л і ч, 2) к ё р Ч е п і ш, 3) т и р у с ь к а р а̀ к е д і, 4) б і л м е й ы н д ж я, 5) д е н е д ж ѐ к и 6) х ѐ р е д ж я; всѣ остальныя для нихъ неприличны.

При разныхъ играхъ у гагаузовъ употребляются слѣдующіе способы рѣшать по жребію, кому начинать ходъ, или кому къ какой партіи принадлежать:

1) Подаются два пальца на выборъ. Одинъ палецъ по условію означаетъ одного изъ играющихъ, другой другого.

2) Играющіе называютъ себя разными предметами, напримѣръ, «свекла и морковь» и спрашиваютъ: «чего нужно, свеклы или моркови?»

3) Кидаютъ на землю монету и смотрятъ, которой стороной вверхъ она легла.

4) Одинъ изъ играющихъ отходитъ въ сторону и становится задомъ ко всѣхъ остальнымъ. Онъ поднимаетъ обѣ руки къ верху. Одна

изъ нихъ сжата въ кулакъ и называется т о п у́ з (шаръ и булава) а другая, расправленная,—к ы л ы ч (сабля). По командѣ «х а й д і» онъ опускаетъ одну руку, не зная какое условіе существуетъ у остальныхъ играющихъ, которые за нимъ слѣдятъ, и такимъ образомъ служитъ для нихъ вмѣсто жребія.

Наконецъ, 5) прибѣгаютъ къ одному изъ слѣдующихъ счетовъ (с а й ы л м а̀ к), не переводимыхъ на русскій языкъ потому, что они представляютъ изъ себя безсмысленный, въ большинствѣ случаевъ, наборъ словъ. Тотъ, кто считаетъ, кладетъ себѣ на колѣно два пальца и всѣ остальные кладутъ туда же по два пальца, и тогда произносятся слова счета (39).

1.

А̒валама, до̀валама
Гель куш гюверджѝн
Ярьѝмъ йырытл
Су іч, куртў̀л.

2.

Бір я̀н, бір я̀н шемір я̀н
Шемір ка̀тан отуза̀н
Ангемін буйнузў̀
Чівір ката̀, чек бунў̀.

3.

Ікен, ікен ха̀ва дікен
Серѐн секіс дорѐн докў̀з
Камчі баші кара̀ домў̀з
Сана̀ дедім, сян чык.

4.

Бір ікі берб ѐр сікі
Джян отў̀, джямба̀з сотў̀
Ур дувара̀, гір чувала̀.

5.

Нікула̀шка, Па̀шка
Мургудя̀ла, сокотя̀ла, бя̀ла.

6.

Іiня̀, іiня̀ уджю̀ дюмя̀а
Пель пенінджя, куш делінджя
Чанаджім, чардаджім
Гюмюшлюджя̀ бардаджім.

Карты.

Кромѣ всѣхъ выше перечисленныхъ игръ, гагаузы, какъ маленькіе, такъ и взрослые, играютъ иногда въ карты (к і я т л а̀ р о й н а м а̀ а). Изъ карточныхъ игръ употребительны:

46) Дура̀к. (Дураки).

Обыкновенные русскіе дураки въ пять картъ.

47) Кѐр дурак. (Слѣпой дуракъ).

Козырь прячется и открывается тогда, когда вся колода уже разобрана играющими. Сдаютъ по три карты и играютъ, какъ въ обыкновенные дураки.

48) Домузчук (Свинья).

Вся колода раскладывается на столѣ крапомъ къ верху вѣеромъ, одну карту открываютъ и кладутъ посерединѣ стола. Играющіе подходятъ и поочередно берутъ изъ разложенныхъ картъ по одной до тѣхъ поръ, пока не покроютъ раскрытой карты и не положатъ одной на прибавку. Слѣдующій покрываетъ верхнюю карту и т. д. Проигралъ тотъ, у кого осталось на рукахъ больше картъ.

49) Сойкдз (Свои козыри).

50) Кечѝ (Коза).

Играютъ двое или четверо. Сдаютъ каждому изъ играющихъ по три карты, открываютъ козыря и поверхъ него кладутъ оставшіяся карты крапомъ вверхъ (какъ въ дураки). Затѣмъ играютъ такъ же, какъ въ дураки, выходя съ одной карты и стараясь забрать у противниковъ какъ можно больше картъ. Изъ козырей самымъ старшимъ считается дама, за ней тузъ, потомъ десятка, король и валетъ. Каждая карта не ниже десяти даетъ выигравшему ее извѣстное число очковъ (й ы л д ы́ з). Наибольшее количество очковъ, а именно 20, даетъ козырная дама въ томъ случаѣ, если играющій сдѣлаетъ ею самый послѣдній свой ходъ, въ серединѣ же игры она даетъ только 10 очковъ. За дамой слѣдуетъ тузъ (простой и козырный)—11 очковъ, потомъ десятка - 10 очковъ, король—4 и валетъ—3. Остальныя карты очковъ не даютъ. Въ концѣ игры противники пересчитываютъ у себя общую сумму выигранныхъ очковъ, и у кого эта сумма окажется наименьшею, тотъ считается проигравшимъ. Его партнеры рисуютъ ему на столахъ, на стѣнахъ и гдѣ попадется—козу. Если у проигравшаго оказывается меньше 30 очковъ, то это называется к у р у (т.-е. сухо).

Фокусы и задачи.

Кромѣ игръ гагаузы развлекаются еще показываніемъ фокусовъ (ф а р м а з о н і я) или рѣшеніемъ задачъ.

Вотъ нѣкоторые изъ такихъ ф о к у с о в ъ:

1.

У ножницъ острый конецъ называется б у р н у́ (носъ), ось ножницъ—г ё б я (пупокъ), кѝльца—г ё т ю́ (задъ). Тотъ, кто хочетъ показать фокусъ, кладетъ на столъ ножницы и, предложивши присутствующимъ дотронуться до какой-либо части ихъ въ его отсутствіи,

берется отгадать, до какой части ножницъ дотронулись. Фокусникъ выходитъ изъ комнаты и условливается съ кѣмъ-либо изъ оставшихся въ ней замѣчать, до какого мѣста дотронулись, и потомъ дать объ этомъ ему знакъ. Помощникъ, давая знать фокуснику, до какого мѣста дотронулись, беретъ себя за носъ, или за животъ, или за задъ (40).

2.

Варятъ яйцо «безъ огня» въ негашеной извести, смѣшанной съ водой.

3.

На ниточку, пропитанную солью вѣшаютъ кольцо и зажигаютъ нитку. Кольцо продолжаетъ висѣть на сожженной ниткѣ, т.-е. на ея спекшемся пеплѣ.

А вотъ и нѣсколько задачъ:

1.

Кырк ювадà — кырк гаргà, кырк гарганы'н—кыркàр йыммыртасы', хербір йыммыртанын — кыркàр піліджі, хербір піліджін—кыркàр яаўрусу. Кач яуру о ювалардà?

Въ сорока гнѣздахъ—сорокъ воронъ, у сорока воронъ—по сорока яицъ, у каждаго яйца—сорокъ цыплятъ, у каждаго цыпленка—сорокъ птенцовъ. Сколько птенцовъ въ этихъ гнѣздахъ?

2.

Юз карбòная алсын банà юз хайвàн, інекляр олсу'н бешяр карбòная, бузаалàр олсун еллишяр копѐйкая, бувалàр олсун онàр карбòная. Паралàр юз олсун, хайваннàрда юз олсун?(41).

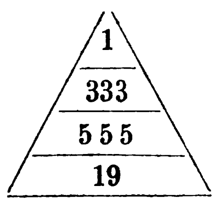
Отв. 90 бузà—45 р., 9 інек—45 р., 1 бува—10 р.

За сто рублей купи мнѣ сто скотинъ, коровы чтобы были по пяти рублей, телята—по 50 копѣекъ, а быки — по 10 рублей. Чтобы было скотовъ сто и денежныхъ единицъ сто?

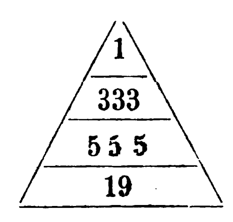
Отв. 90 телятъ—45 р., 9 коровъ—45 р. и 1 быкъ — 10 р.

3.

Дано:

Отвѣтъ:

(Цифры, обозначенныя пунктиромъ, стираются, вмѣсто 9 остается 0).

Юч керя сіль юч цыфра, калсын ермі-беш.	За три раза сотри три цыфры, чтобы осталось 25.

4.

Ал банà бірі імяк касапіяда парасы́з.	Купи мнѣ кушанье въ мясной лавкѣ безъ денегъ.
Отв.	Отв.
Коюн шкембесі.	Овечью требуху (которую выбрасываютъ за ненадобностью).

Примѣчанія къ 3-ей главѣ.

1) Игра эта, повидимому, принадлежитъ къ числу международныхъ. Такъ, напримѣръ, она извѣстна совершенно въ такомъ же видѣ въ селѣ Пищацъ, Бѣльскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи, подъ названіемъ хрэщыкъ, а въ деревнѣ Малая Дубровица того же уѣзда выпадное рэбэсò. Разница отъ гагаузской алтыкішı заключается здѣсь только въ томъ, что вмѣсто двухъ рòпчу имѣется одинъ для обѣихъ паръ. Такая же игра записана и въ другихъ мѣстахъ Малороссіи подъ названіемъ гробъ. Это послѣднее названіе вмѣстѣ съ сѣдлецкимъ рэбэсò, повидимому, находится въ созвучіи съ гагаузскимъ рòпчу (слово это происхожденія не тюркскаго) и со словами роп-роп.

Та же игра подъ названіемъ грыбаки, близкимъ къ малороссійскому гробъ, и подъ названіемъ крестики извѣстна также и великороссамъ.

Видоизмѣненіемъ той же игры можно считать и великороссійскія горѣлки, въ которыхъ рòпчу одинъ (тотъ, который „горитъ"), а бѣгающихъ паръ неопредѣленное количество. Кромѣ великороссовъ „горѣлки" извѣстны между прочимъ малороссамъ Канёвскаго уѣзда и вотякамъ.

Zbiór wiadomosci do Antropol. т. 5 стр. 86 № 9; Чубинск., т. 3, стр. 82 № 21 и стр. 8, № 31; ibid. т. 4 стр. 47; Покровскій, Дѣтск. игры, стр. 111 и 112; И. Н. Смирновъ, „Вотяки", стр. 122; Гр. Верещагинъ, Вотяки Сосновск. края, стр. 194.

2) Тожество этой игры съ великороссійской „въ коршуна" не подлежитъ никакому сомнѣнію, въ особенности въ томъ видоизмѣненіи ея, гдѣ ловящій называется вороной, ловимые цыплятами, а защищающій этихъ послѣднихъ—курицей. Но эта игра принадлежитъ не однимъ великороссамъ, она есть у малороссовъ подъ названіемъ вòрона, у поляковъ, у грузинъ подъ именемъ дзэраоба, у калмыковъ—хормà хотòнъ и у вотяковъ—воронъ и курица.

Что касается происхожденія названія этой игры кур-кур-баба, то на это проливаетъ нѣкоторый свѣтъ сличеніе гагаузскаго этнографическаго матеріала съ вотяцкимъ и мордовскимъ. Дѣйствительно, у вотяковъ из-

вѣстно миѳическое существо женскаго пола к ў к р и-б а̀ б а, а ихъ игра въ жмурки называется к ў р ы-б а̀ б ы. У мордвы-ерзи с. Сабанова, Пензенской губ., Городищенскаго уѣзда (по моей записи), игра въ прятки называется к у р я̀ л с а с а, у мордвы-мокши дер. Тютково Пензенской губ., Норовчатскаго уѣзда, волости Казенный Майданъ (тоже по моей записи), та же игра—к ў р я-к ў р я-н а̀ л к и. Наконецъ, что ближе всего стоитъ къ гагаузскому к у р-к у р-б а̀ б а, такъ это—выраженіе въ записанныхъ мною отъ мордвы-ерзи (С. Коновалова, Самарской губ., Бузулукскаго уѣзда, Борской волости) рифмованныхъ фразахъ, сопровождающихъ игру въ жмурки, перевода которыхъ на русскій языкъ мнѣ, къ сожалѣнію, сдѣлать не удалось:

К ў р и-к ў р и б а̀ б а, Ко̀даф па̀нят пѐряка
На улицѣ за̀га Кўтян ла̀панязд
Шака̀й бать пѐряка Ка̀канвай изя̀канязд.

Въ названіи малороссійской игры въ жмурки есть также кое-что похожее на гагаузскую „кур-кур-баба“, это названіе звучитъ Ц і ц і-б а б а или к ў ц і-б а̀ б а; у польскихъ мѣщанъ ciuciu-baba.

Zbiór wiadom. do Antropol. т. 2 стр. 32; Gołembiowski, Gry i zabawy стр. 70; O. Kolberg. Lud. Ser. 2 стр. 170; Ser. 3 стр. 225 и Ser. 5 стр. 218; Терещенко, Бытъ русск. народа, т. 4, стр. 15; Чубинск., т. 4, стр. 49; Покровск., Дѣтск. игры, стр. 162, 163, 167 и 205; Кіевская Старина 1887, іюнь и іюль, стр. 488 и т. 37, іюнь, стр. 449; Гр. Верещагинъ, Вотяки Сосн. края, стр. 165 и 181. Этногр. Обозр., кн. 40—41, стр. 21.

3) Эта игра называется у гагаузовъ „С п и н н о й п ѣ с н е й“ только потому, что играющіе въ нее держатся другъ другу за талью (по-гагаузски—„за спину“). Она представляетъ собой въ очень плохой передачѣ варіантъ извѣстной общерусской хороводной игры, сопровождаемой пѣсней: „А мы просо сѣяли, сѣяли...“ То же распредѣленіе играющихъ на двѣ партіи, то же поочередное движеніе обѣихъ партій впередъ и назадъ на встрѣчу одна другой. Такъ какъ эта игра широко распространена среди русскаго народа, то мы имѣемъ множество уже записанныхъ варіантовъ какъ игры, такъ и пѣсни, ее сопровождающей, великороссійскихъ и малороссійскихъ.

Wacław z Oleska, стр. 58; Коципинскій, Малороссійск. пѣсни, стр. 98 № 62; Чубинск., т. 3, стр. 38; Н. Пальчиковъ, Крестьянск. пѣсни с. Николаевки (здѣсь указано до 20 версій въ разныхъ сборникахъ); Покровск., Дѣтск. игры, стр. 188.

4) Гагаузскій Д ж і н г ы р д а̀ к сильно напоминаетъ, какъ по своему содержанію, такъ и по названію К р ы в ы й т а н э ц ь малороссовъ и великороссійскую хороводную игру, сопровождаемую пѣсней: „Заплетися плетень, заплетися...“

Zbiór wiadomosci do Antropolog. т. 5 стр. 42 № 5; Чубинск. т. 3 стр. 32—38; Н. Пальчиковъ. Крестьянск. пѣсни, с. Николаевки, № 9.

5) Гагаузская игра въ „С в и н с к у ю с в а д ь б у“, по нашему мнѣнію, ничто иное, какъ варіантъ извѣстной малороссійской игры въ З э л ь м а н а или Ж э л ь м а н а. Чтобы доказать это, мы позволимъ себѣ передать здѣсь вкратцѣ, какъ эта игра записана у Чубинскаго (т. 3, стр. 53).

„Одна группа сидитъ, представляя собою семейство „Жэльмана“. У одной дѣвушки завязываютъ глаза платкомъ, и она представляетъ „панну Жэльманъ“. Другая группа, подходя къ сидящимъ, поетъ:

— Помогай Бі(гъ), Жéльманъ..

Сидящіе отвѣчаютъ.

„Бодай здоровъ, Жельманъ...
Зачимъ Жельманъ?..“
— За панною...
„На якій грунтъ?..“
— На жидівскій...
„А мы панны не маемъ,
На такій грунтъ не даемъ.
Идіть собі геть!..“

Первая группа отходитъ, потомъ опять приближается къ сидящимъ, кланяется и опять поетъ съ начала, только вмѣсто жидівскій поетъ: мужицькій, королівскій, попівскій и т. дал. Въ заключеніе всѣ участвующіе въ первой группѣ вѣнчаютъ дѣвушку“.

Объ этой игрѣ у Чубинскаго (т. 3, стр. 55) сказано, что она „существуетъ только въ Западной Волыни, Подоліи и у русиновъ Привислинскаго края“. Но это не вѣрно: игру въ „Жельмана“ можно назвать по крайней мѣрѣ общеславянской. Автору замѣтки, очевидно, не было извѣстно, что существуютъ многочисленные варіанты этой игры: у галицкихъ русиновъ, у поляковъ, у словаковъ, у словенцевъ, у моравовъ и у чеховъ.

O. Kolberg, Pokucie, т. 1 стр. 131; ibid. Lud. Ser. 1, Sandomiersk. стр. 170. Zbiór wiadomosci do Antropol., т. 5, стр. 59; Narod. zpiewan. cili pisne Slowakôv v Uhrach, od Jana Kollara. Dil 2. V Budinie, 1835, стр. 396—7; Slovensk. pesni krajnskiga naroda, v Lublani, 1839, въ началѣ 1-го тома; Sušil, Pisne moravské, стр. 765; Prostonarodni ceské pisne a rikadla. Karel Jaromir Erben, nove vydáni, v Praze 1886, стр. 78; Галька, Звичаѣ и обряды надъ Збручемъ, т. 1, стр. 131; К. Швейковскій. Бытъ подолянъ, Кіевъ 1860, т. 1, стр. 34—37.

Если же взять только идею этой игры, состоящую въ томъ, что дѣвушка или ея родители отказываютъ негодному или неподходящему жениху, а не обращать вниманіе на имя жениха, „Жельманъ“ что, по нашему мнѣнію, не существенно, то варіанты нашей игры найдутся и у великороссовъ. Здѣсь тоже сватаютъ дѣвушку, но она не идетъ замужъ, потому что женихъ ея пьяница.

Н. Пальчиковъ, № 25; Варенцовъ, Пѣсни Самарск. края, стр. 141; Шейнъ, Русск. пѣсни, стр. 134; Балакиревъ № 30; Филипповъ № 36; Поповъ. Пѣсни Пермск. стр. 125 и Фенютинъ, стр. 15.

6) Съ этой игрой болѣе всего сходна малороссійская игра въ „Царенка“, въ томъ видѣ, какъ она записана у Чубинскаго (т. 3, стр. 83). Такая же игра практикуется въ послѣдній вторникъ „Попѐльца“ (въ началѣ Великаго поста) у поляковъ въ Ленчицкомъ уѣздѣ подъ названіемъ Подкозѐлка, а также въ Гроцкомъ уѣздѣ Варшавской губ. Нѣчто подобное этой игрѣ есть и у киргизовъ. Отъ вотяка Лавреньтьева (Сарапульскаго уѣзда, Большепораинской волости, дер. Вишуръ-Норья) мы записали, что у нихъ также между дѣвушками существуетъ игра въ свадьбу и называется ныл-

сюан. Игра эта почему-то связывается у нихъ съ праздникомъ Гужѐмюдн. Одну дѣвушку выбираютъ за жениха, другую—за невѣсту, поютъ имъ свадебныя пѣсни и въ заключеніе кладутъ молодыхъ вмѣстѣ спать. О той же игрѣ у вотяковъ упоминаетъ и И. Н. Смирновъ („Вотяки" стр. 122—123).

Wisła, т. 2, стр. 444; O. Kolberg. Lud. Ser. 12 Łęczyckie; ibid. Ser. 3, стр. 211; ibid. Ser. 11, стр. 40, 144; „Извѣс. Общ. Арх., Истор. и Этногр." при Имп. Казан. Универ.", т. 14, вып. 2, стр. 203.

7) Эта игра или по крайней мѣрѣ пѣсня, ее сопровождающая, напоминаетъ начало малороссійской перепілочкі (Чубинск., т. 3, стр. 63), которая поется такъ:

А въ перепілкі да головка болыть,
А въ перепілкі да жывотыкъ болыть,
А въ перепілкі да плэчыци болять,
А въ перепілкі да колiна болять...

Срв. ту же игру въ изданіи Н. В. Лисенка: „Молодощи". Кіевъ, 1873. Великорусскаго варіанта этой игры мы не знаемъ, но у поляковъ есть весьма извѣстная и очень распространенная игра въ такъ называемую пшепюрку, которая иногда соединяется съ танцемъ того же имени.

8) По словамъ знатока дѣтскихъ игръ, г. Покровскаго, эта игра извѣстна во всѣхъ странахъ Европы. О существованіи ея въ Россіи знаетъ каждый, кто только бывалъ въ деревнѣ. Есть эта игра и у вотяковъ.

Изв. И. Об. Л. Е. Ан. и Этн. Труды этн., отд. т. 11, вып. 1, стр. 159; Терещенко, Бытъ Русск. народа, т. 4, стр. 47; Покровск. Дѣтск. игры, стр. 120; Г. Верещагинъ, Вотяки Соснов. края, стр. 194.

9) Эта игра есть у русскихъ и у вотяковъ.

Терещенко, Бытъ Русск. народа, т. 4, стр. 84; Г. Верещагинъ, Вотяки Соснов. края, стр. 194.

10) У галицкихъ русиновъ игра эта извѣстна подъ именемъ башни; есть она и у турецкихъ сербовъ.

O. Kolberg, Pokucie, т. 1, стр. 192 № 56; Ястребовъ, Турец. сербы, стр. 122.

11) Въ Херсонской губ. и въ Кубанск. обл. игра эта называется вернилова; съ ней сходна грузинская игра малаки, есть она также и у русскихъ въ Галиціи.

O. Kolberg, Pokucie, т. I, стр. 190 № 49; Покровскій, „Дѣтск. игры" стр. 131 и 133.

12) У болгаръ эта игра называется дългo магàре, у великороссовъ длинный конь или шехарда, чехарда, а у малороссовъ шагардай или чагарда.

„Сборн. за народни умотвор." 6, стр. 219; Терещенко „Бытъ Русск. народа" кн. 4, стр. 68; „З. И. Р. Г. О." 1863, кн. I, стр. 19; Покров. „Дѣт. игры"; стр. 129; Чубинск., т. 3, стр. 103, № 52.

13) У галицкихъ малороссовъ такая игра называется мельницей а у малороссовъ Каневскаго уѣзда — крутилкой.

„Zbiòr. wiad. do Antropol.“ т. 13, стр. 39; Чубинск., т. 4, стр. 42.

14) Чепиш — это какое-то миѳическое существо, о которомъ въ памяти гагаузовъ не осталось ничего, кромѣ его имени. Что же касается названія Слѣпой Чепишъ, то у поляковъ та же игра называется Slèpa bàba, а у малороссовъ куца или цици баба.

„Zbiòr wiadom. do Antrop.“ т. 2, стр. 30; „Кіевск. Стар.“ 1887, іюнь и іюль, стр. 481. Срв. Этногр. Обозр. кн. XL—XLI, стр. 21.

15) Эта игра извѣстна у вятскихъ великороссовъ подъ именемъ смольники, а у малороссовъ — бджолы.

„Zbiòr wiadom. do Antrop.“ т. 5, стр. 83, № 4, Покровск. „Дѣт. игры“ стр. 104.

16) По словамъ г. Покровскаго, игра эта весьма распространенная въ Россіи. — Покровск. „Дѣт. игры“, стр. 114.

17) Эта игра извѣстна: у великороссовъ (подъ именемъ насѣдки), у малороссовъ (подъ именемъ квасъ) и у сербовъ. Въ Екатеринославской губ. при игрѣ въ жгутъ приговариваютъ: „шій, шій, пошівай, не задерживай“ (Покровск.), а въ иныхъ мѣстахъ Россіи: шый (Терещен.). Такъ какъ названіе гагаузской игры Шір по-гагаузски ровно ничего не означаетъ, то можно предполагать, что это испорченное Шій.

O. Kolberg· „Pokuc.“ т. I стр. 191 № 52; „Zbiòr Wiadom. do Antr.“ т. 5 стр. 82; Чубинск. т. 3 стр 95 № 37; ibid. стр. 96 № 39; Караджич, „Обичаи“ стр. 292; Покровск. „Дѣт. игры“, стр. 217 и 218; Терещ. „Бытъ рус. нар.“, т. 4, стр. 85.

18) Варіанты этой игры есть у великороссовъ, малороссовъ, поляковъ, сербовъ и грузинъ. Пѣсня, которой дѣвушки сопровождаютъ эту игру, отчасти напоминаетъ ту, которая сопровождаетъ малороссійскую хороводную игру въ „Зеленаго шума“:

Ой шумъ ходыть, по воді бродыть, а шумыха рыбу ловыть.
Що зловыла, тай пропыла, дочці шубы не справыла,

Зажды, доню, до суботы, будэ шуба, щей чоботы.
Вже субота тай минае, дочці шубы тай нэ мае.

„Zbiòr wiad. do Antr.“ т. 2 стр. 31; ibid. т. 5, стр. 54 и 85; Gołembiowski, „Gry i zabawy“, стр. 75; O. Kolberg. „Lud.“ Ser. 3, стр. 222; „Zbiòr wiadom. do Antropol.“ т. 5, стр. 54; Караджичъ. „Обычаи“ стр. 282 и 292. O. Kolberg. „Pokucie,“ т. I, стр. 191 № 52; „З. И. Р. Г. О.“ 1863, т. I, стр. 25; „Этногр. Обозр.“ кн. VI, стр. 107; Чубинск. т. 3, стр. 93, № 35 и стр. 95, № 37; ibid. стр. 96, № 39; Терещенко „Бытъ рус. нар.“ т. 4, стр. 85; Покровск. „Дѣт. игры“, стр. 215, 217 и 218.

19) Такая игра у великороссовъ называется огарыши или круговыя горѣлки. „Этногр. Обозр.“ кн. VI, стр. 106.

20) У великороссовъ эта игра называется „въ камушки“; число камушковъ такъ же, какъ и у гагаузовъ, — 5; та же игра записана Е. Романовымъ у бѣлорусскихъ евреевъ, но тамъ употребляется для нея 11 косточекъ. „Этногр. Обозр.“ 1891, стр. 134; ibid. кн. 6, стр. 112.

21) Эта игра принадлежитъ къ числу весьма распространенныхъ въ Россіи, есть она и у грузинъ. Терещенко „Бытъ рус. нар.“, кн. VI, стр. 23; Покровск. „Дѣт. игры“, стр. 211,212 и 213. У г. Покровскаго приведенъ варіантъ этой игры изъ Астраханской губ. съ той только разницей отъ гагаузскаго, что тамъ вмѣсто г у т, г у т, г у т, говорятъ: м а й, м а й, м а й. Покровск. „Дѣт. игры“, стр. 294.

23) Вопросъ о томъ, кому изъ играющихъ начинать игру, у малороссовъ разрѣшается такъ же, какъ и у гагаузовъ, бросаніемъ палокъ: чья дальше полетитъ, тотъ начинаетъ первымъ. Съ замѣною палокъ стрѣлами этотъ же способъ бросанія жребія принятъ обыкновенно у сказочныхъ героевъ, какъ въ русскихъ, такъ и въ гагаузскихъ сказкахъ. „Кіевская Старина“ 1887, іюнь и іюль, стр. 475—6.

24) Игра эта есть у великороссовъ Вятской, Ярославской и Смоленской губ. „Этногр. Обозр.“ кн. VI, стр. 108; Покровск. „Дѣт. игры“, стр. 285.

Что касается названій для партій остающейся и уходящей, то у малороссовъ, такъ же, какъ и у гагазовъ, одна называется „въ полѣ“, а другая „въ городѣ“. „Кіевск. Стар.“ 1887, іюнь и іюль, стр. 457.

25) Игра въ чурки, повидимому, широко распространена по Европѣ: у великороссовъ она носитъ названія: ч и ж ъ, ч и ж и к ъ, ч у в и л ь, ч у р о к ъ и ш и л ь ц ы, у малороссовъ— ц у р к а, у вотяковъ—ч і з и у грузинъ—ч і л і к а о б а. Послѣднее названіе сходится съ гагаузскимъ.

Иваницкій, „Труды Этногр. Отд.“ т. XI, вып. I, стр. 157, № 8; „Этногр. Обозр.“ кн. 6, стр. 109; „Кіевск. Стар.“ 1887, іюнь и іюль, стр. 473; Покровск. „Дѣтс. игры“, стр. 298 и 307.

26) Такъ какъ варіанта этой игры я не могъ подыскать въ имѣвшихся въ моемъ распоряженіи печатныхъ сборникахъ, то я считаю ее довольно рѣдкой, а потому привожу здѣсь малороссійскій варіантъ, записанный мною въ дер. Малая Дубровица (Сѣдлецкой губ., Бѣльскаго уѣзда), еще нигдѣ не напечатанный. Игра эта въ упомянутой мною мѣстности называется „въ сало“. Всѣ участвующіе вырываютъ себѣ по ямкѣ на одной прямой линіи, въ разстояніи одна отъ другой около полуаршина. Затѣмъ отъ этой линіи отсчитываютъ, по перпендикуляру къ ней, 12 шаговъ и въ то мѣсто втыкаютъ палку. Каждый изъ играющихъ имѣетъ у себя палку, которой и бьетъ по очереди съ линіи ямочекъ въ палку, воткнутую въ землю. Если онъ попадетъ, то очередь переходитъ къ слѣдующему, если же не попадетъ, то, пока онъ бѣгаетъ за своей палкой, всѣ остальные играющіе своими ножами вырѣзываютъ дернъ около его ямочки концентрическими кругами. Когда такимъ образомъ вырѣжутъ дернъ у всѣхъ, то тотъ, у кого вырѣзано дерну больше всего, чтобы товарищи снова заложили ему „сало“ дерномъ, долженъ понести наказаніе: его бьютъ руками по заду столько разъ, сколько было условлено въ началѣ игры.

27) Съ этой игрой очень сходна игра астраханскихъ ногайцевъ А к х - б о р (Бѣлый мѣлъ) и калмыцкая игра Ц ы г а н - м о д у н (бѣлая игра).

„Изв. Казан. Общ. Арх. Ист. и Этногр.“ т. XII, вып. I, стр. 62; П. Небольсинъ, „Очеркъ быта калмык.“ Спб., 1852, стр. 134.

28) Эта игра у великороссовъ называется Котелъ или Свинья; она есть, кромѣ того, у поляковъ, у сербовъ и у болгаръ.

„Zbiór wiad. do Antr." т. 2, стр. 31; Караджич. „Обичаи", стр. 280; „Сборн. за народ. умотвор." кн. 6, стр. 216; Терещенко „Бытъ рус. нар." т. 4, стр. 20; Покров. „Дѣт. игры", стр. 276.

29) Эта игра распространена по всей Россіи. Покровск. „Дѣт. игры", стр. 269.

30) Съ этой игрой сходна русская игра „въ зѣваки", извѣстная и вотякамъ. Покровск. „Дѣт. игры", стр. 246.

31) У малороссовъ такая игра называется каша; есть она и у болгаръ. „Кіевск. Стар." 1887, іюнь и іюль, стр. 461; „Сборн. за народ. умотвор." кн. 6, стр. 223.

32) Игра эта у нашихъ измаильскихъ болгаръ села Карагачъ (по моей зяписи) называется: „пàтка снесй йідно йіцѐ". Она есть и у задунайскихъ болгаръ. Въ Великороссіи—это одна изъ самыхъ распространенныхъ дѣтскихъ игръ. Любопытно, что у вятскихъ великороссовъ она, случайно или нѣтъ, называется пытка, т.-е. сходно, по произношенію по крайней мѣрѣ, съ болгарскимъ пàтка и съ гагаузскимъ пы̀ты. У малороссовъ игра эта называется яйця, что опять-таки сходно съ болгарскимъ названіемъ и съ гагаузской игрой по содержанію. У вотяковъ пыты замѣняются камешками.

„Сборн. за народ. умотв." т. 3, стр. 265; Терещенко „Бытъ рус. нар." т. 4, стр. 11; Иваницк. „Труд. Этногр. отд." т. XI, вып. I, стр. 160, № 18; Покров. „Дѣт. игры," стр. 253; Г. Верещаг. „Вот. Соснов. края", стр. 183.

33) По словамъ г. Покровскаго, игра эта была извѣстна еще древнимъ египтянамъ; она существуетъ въ Германіи, Англіи и Франціи, а въ Россіи повсемѣстно, но особенно сильно распространена она на сѣверѣ, въ губерніяхъ Пермской, Вятской и Олонецкой. Въ Вятской губерніи она имѣетъ 25 фигуръ, изъ которыхъ одна называется быки, что сходно съ гагаузскимъ названіемъ пріемовъ игры бузà (теленокъ). Есть она, кромѣ того, у болгаръ и у вотяковъ. „Сборн. за народ. умотв." кн. 6, стр. 223; „Кіевск. Стар." 1887, іюнь и юль, стр. 462; Покровск., стр. 239—242; Г. Верещаг. „Вот. Сарап. уѣзда" стр. 168.

34) У вотяковъ есть сходная съ этой игра. Любопытно, что у вятскихъ великороссовъ въ одной изъ игръ въ мячъ, правда, несходной съ гагаузской по своему содержанію, одного изъ играющихъ такъ же, какъ и у гагаузовъ, называютъ кобылой, а другого жеребцомъ.

Покровск. „Дѣт. игры", стр. 252; Гр. Верещ. „Вот. Соснов. кр." стр. 182.

35) Гагаузская игра въ кости весьма близка къ русской игрѣ въ бабки, но смѣшивать въ одно эти обѣ игры отнюдь нельзя, уже по одному тому, что форма гагаузской ашык и нашей бабки различная. Наши бабки по своей формѣ приближаются къ коническому столбику, поставленному на широкое основаніе. Ясно обозначенныхъ граней, кромѣ нижней, бабка не имѣетъ. Ашык же приближается своей формой къ кубу и имѣетъ четыре ясно различающіяся грани, на которыя кость эту можно положить, или на которыя она сама ложится, будучи брошена.

Вотъ почему у русскаго народа, имѣющагѣ у себя обѣ эти игры, для каждой изъ нихъ существуетъ отдѣльное названіе. Такимъ образомъ игра въ кости, соотвѣтствующая гагаузской игрѣ а ш ы к, называется у нашего народа а л ь ч и к ъ. Тогда какъ б а б к и извѣстны русскому народу съ незапамятныхъ временъ, про а л ь ч и к ъ существуетъ мнѣніе, что онъ заимствованъ нами отъ татаръ или отъ калмыковъ.

Игра съ костями, о которой мы говоримъ, принадлежитъ къ числу весьма древнихъ; она была въ большомъ употребленіи въ древней Греціи подъ названіемъ *ἀστράγαλοι*, а въ Римѣ — подъ названіемъ tali. Кости. служащія для этой игры, были любимымъ предметомъ изображенія для древнихъ живописцевъ и скульпторовъ, а потому ихъ находили немало или отлитыми изъ бронзы или нарисованными на картинахъ. Въ настоящее время, кромѣ гагаузовъ и русскаго народа, онѣ извѣстны болгарамъ подъ тѣмъ же названіемъ, какъ у гагаузовъ, — а ш и к ъ, вотякамъ подъ названіемъ, весьма близкимъ къ гагаузскому—а ч и к и, грузинамъ—подъ именемъ г з и р и. Г. Покровскій приводитъ множество названій для граней кости, принятыхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, изъ нихъ астраханское ч і к вполнѣ сходится съ гагаузскимъ. Но интересно, что у грузинъ даже два изъ этихъ названій сходятся съ гагаузскими: ч і к і и т о к.

Терещенко „Бытъ рус. народа",т. 4, стр. 63; Покровск. „Дѣт. игры",стр. 321, 335 и 336; Иваницк. „Труды Этногр. отд." т. XI, вып. I, стр. 156. „Сборн. за нар. умотв." кн. 6, стр. 215; Гр. Верещаг. „Вотяки Соснов. края" стр. 192.

36) Наибольшее сходство эта игра имѣетъ съ игрой „в ы ш и б ъ" Астраханской губ., но названіе ея сходно съ курскимъ „ж о г à".

Покровск. „Дѣтск. игры", стр. 324.

37) Эта игра извѣстна у малороссовъ и вотяковъ. Чубинск., ч. 3, стр. 99, № 45. Г. Верещагинъ „Вотяки Сарапул. уѣзда", стр. 166.

38) Та же игра извѣстна у болгаръ подъ именемъ „К у р à м ъ". Она есть въ продажѣ въ нашихъ игрушечныхъ лавкахъ.

„Болгарско-русскій словарь" Дювернуа, ч. I, стр. 1073.

39) Есть у малороссовъ. Чубинск., ч. 3, стр. 101, № 49.

40) Этотъ фокусъ вѣсьма распространенъ въ Малороссіи. Мы записали его у крестьянъ-малороссовъ въ дер. Малая Дубровица, Бѣльск. уѣзда Сѣдлецк. губ. Есть онъ и у вотяковъ. Г. Верещагинъ. „Вотяки Сосновск. края", стр. 194.

41) Задача эта извѣстна также русскимъ въ Галиціи. O. Kolberg, Pokucie, ч. 4, стр. 313.

IV.

Танцы, музыка и пѣніе.

Въ каждомъ гагаузскомъ селѣ есть разъ навсегда назначенное мѣсто для хоровода или, какъ его здѣсь называютъ, хòру. Мѣсто это называется хòру ерì. Оно всегда бываетъ на самой большой площади села, въ центрѣ его, около церкви, но не въ ея оградѣ.

Сельскіе парни устраиваютъ между собою складчину и на эти деньги нанимаютъ музыканта на скрипкѣ или на кавàлѣ (родъ флейты, см. рис.) рублей за 60—75 въ годъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ въ каждый праздникъ и воскресеніе являлся на хору ерì и игралъ тамъ, несмотря ни на какую погоду и несмотря на то, будетъ ли къ нему кто-нибудь собираться, или нѣтъ (1).

Въ большихъ селахъ, какъ, напримѣръ, Конгазъ (Измаильскаго уѣзда), для хору ерì вмѣсто одного музыканта нанимается даже цѣлый оркестръ, состоящій (какъ въ Конгазѣ) изъ трехъ музыкантовъ: скрипка и чіртмà (маленькая дудка) играютъ главную мелодію, а кобза, струнный инструментъ изъ рода гитары о 12 струнахъ (2), имъ аккомпанируетъ. За такую музыку и платится, конечно, дороже: 75 рублей платятъ только за 5 лѣтнихъ мѣсяцевъ, съ апрѣля по сентябрь, съ правомъ играть, кромѣ того, на свадьбахъ.

Заслышавъ звукъ музыки, люди обоего пола и всѣхъ возрастовъ спѣшатъ на хору ерì. Парни съ дѣвушками начинаютъ танцы, ребятишки бѣгаютъ внутри хоровода, или здѣсь же, вблизи, начинаютъ свои игры, а старики сидятъ на завалинахъ ближайшихъ домовъ или на какихъ-нибудь бревнахъ, любуются на своихъ дѣтей, разодѣтыхъ по праздничному, и сообщаютъ другъ другу текущія новости. Словомъ, для всѣхъ жителей гагаузскаго села, отъ мала до велика, хору ерì является чѣмъ-то въ родѣ клуба съ періодически правильными собраніями, гдѣ всегда людно, всегда весело, можно всѣхъ повидать, обо всемъ поговорить, обо всемъ услышать, что есть новенькаго, если не на свѣтѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ родномъ селѣ и въ его ближайшихъ окрестностяхъ.

Если случится въ праздничное время посѣтить гагаузское село какому-нибудь чужеземцу, то и онъ придетъ на хору ері вмѣстѣ со своими знакомыми. Тутъ же устраивается и базаръ, если онъ бываетъ въ селѣ.

Очень понятно поэтому, что въ жизни гагауза хору ері играетъ весьма важную роль. Здѣсь завязываются, поддерживаются, а иногда и кончаются, какъ дружественныя, такъ и любовныя отношенія. Здѣсь заключаются или, по крайней мѣрѣ, завязываются различныя торговыя и хозяйственныя сдѣлки и т. п. Словомъ, на хору ері есть много приманокъ для гагаузовъ всѣхъ возрастовъ, а потому не удивительно, что собранія на немъ бываютъ всегда многолюдны, несмотря на погоду и время года. Такъ, напримѣръ, въ одно изъ воскресеній, весной, вскорѣ послѣ Пасхи, я насчиталъ въ селѣ Бешалма на „хору ері" около 360 человѣкъ на общее число жителей села въ 2500 человѣкъ, т.-е. около 14% всего населенія. Изъ этого числа въ кругу танцовало около 150 человѣкъ. Въ селѣ Конгазѣ на площади было до 600—700 человѣкъ, а въ кругу танцовало до 300 человѣкъ на населеніе около 5000. На прилагаемомъ здѣсь фотографическомъ снимкѣ читатель можетъ видѣть гагаузское „хору" въ селѣ Бешалма (3).

Только сильный и продолжительный дождь въ состояніи разогнать такое собраніе, но лѣтняя уличная пыль чуть не по колѣна, носящаяся надъ улицей густымъ облакомъ, осенняя и весенняя липкая черноземная грязь и даже морозъ отнюдь не мѣшаютъ народу собираться на хору ері, танцовать и веселиться. Правда, что такія природныя и метеорологическія препятствія уменьшаютъ многолюдство собраній и дѣлаютъ ихъ менѣе продолжительными, но одолѣть многовѣковую привычку гагаузовъ и ихъ общественныя чувства они не въ состояніи.

Что касается увеселеній молодежи на такихъ собраніяхъ, то они почти исключительно состоятъ изъ танцевъ. Пѣсенъ въ хору не поютъ, это не принято, игры же устраиваются, по необходимости, только въ Великомъ посту, потому что старики не дозволяютъ въ это время танцовать.

Такъ какъ танцы составляютъ главное и почти единственное развлеченіе молодежи на такихъ собраніяхъ, то не удивительно, что они получили у гагаузовъ очень широкое развитіе. Прежде всего надо сказать, что гагаузы страстные любители танцевъ и очень хо-

рошіе танцоры, а потому у нихъ есть много своихъ національныхъ танцевъ. Но, кромѣ того, они позаимствовали по этой части отъ всѣхъ своихъ сосѣдей все, что могли, и не перестаютъ заимствовать вновь, если къ тому представится хоть малѣйшая возможность. Стоитъ кому нибудь изъ гагаузовъ, находящихся въ военной службѣ, выучиться какой-нибудь новинкѣ по танцовальной части въ чужихъ краяхъ и, возвратясь домой, на побывку, показать ее своимъ односельчанамъ, какъ у него тотчасъ же найдется масса очень искусныхъ подражателей, и новинка въ скоромъ времени станетъ достояніемъ всего села.

Не имѣя возможности составить подробное описаніе каждаго танца, принятаго у гагаузовъ, тѣмъ болѣе, что различія между многими изъ нихъ заключаются въ мельчайшихъ деталяхъ, я ограничусь здѣсь только ихъ перечисленіемъ [1]).

Уже изъ одного перечня этихъ танцевъ можно составить себѣ нѣкоторое понятіе объ ихъ разнообразіи. Между танцами гагаузовъ различаются: 1) такіе, которые можно танцовать и вдвоемъ и одному, 2) такіе, которые танцуются только вдвоемъ, и, наконецъ, 3) танцы хоровые, исполняемые большими массами. Вотъ ихъ краткій перечень:

Танцы для одного и для двоихъ.

1) Р у с ч а или к о з а̀ ч к а — русскій казачокъ съ малыми измѣненіями, танцуется съ „присядкой".

2) Ч і н г е н я́ й д ж я — цыганскій танецъ. Танцуется вдвоемъ и сопровождается разными оригинальными и экстра-ординарными выходками, такъ какъ всякая оригинальность, необычайность, экстраординарность, соединенныя съ отсутствіемъ всякаго порядка, въ глазахъ гагаузовъ неразлучны съ представленіемъ о цыганахъ. Между прочими фигурами этого танца мнѣ приходилось видѣть въ селѣ Бешалма, какъ одинъ изъ танцоровъ становился на голову и подъ тактъ музыки выдѣлывалъ ногами различныя фигуры на воздухѣ, а другой танцовалъ вокругъ него обыкновеннымъ образомъ. Иногда та-

---

[1]) Мелодіи нѣкоторыхъ изъ наиболѣе выдающихся танцевъ будутъ напечатаны въ изданіи Академіи Наукъ вмѣстѣ съ филологическимъ матеріаломъ.

кой танецъ продѣлывается, какъ какое-то акробатическое упражненіе на днѣ опрокинутой деревянной кадушки, все время на рукахъ, ногами кверху.

3) Тукàнджя—танецъ болгарскій (отъ слова туканъ, какъ называютъ здѣсь Болгаръ).

4) Куклàйджя.

5) Кады́нджя—сопровововждается хлопаньемъ въ ладоши и прищелкиваніемъ пальцами.

6) Аàр-ойу́н или марàмджя—тяжелый стариковскій танецъ съ платкомъ, исполняемый стариками, когда они подгуляютъ на свадьбѣ и войдутъ въ азартъ (4). Танцующій почти не передвигаетъ ногами и почти не сходитъ съ мѣста, азартъ же свой выражаетъ мимикой, подниманіемъ и опусканіемъ рукъ, движеніями корпуса и колѣнъ и частыми, подзадоривающими выкриками.

Надо добавить, что всѣ перечисленные танцы исполняются только мужчинами, безъ всякаго участія со стороны женщинъ. Эти послѣднія участвуютъ только въ хоровыхъ танцахъ (5). Дѣвушки и молодыя женщины въ хòру становятся въ кругъ рядомъ съ мужчинами и держатся съ ними за руку, но въ то время, когда мужчины, входя въ танцовальный азартъ, начинаютъ выдѣлывать ногами различныя па, выскакиваютъ въ середину хоровода, размахиваютъ руками взадъ и впередъ, не выпуская рукъ своихъ сосѣдокъ, въ это время дѣвушки и женщины только пассивно, какъ бы нехотя, слѣдуютъ за движеніями мужчинъ. При этомъ онѣ только плавно переступаютъ ногами подъ тактъ музыки, но не выдѣлываютъ никакихъ па, никакихъ быстрыхъ движеній, потому что это было бы противно общепринятому кодексу приличій, весьма строго соблюдаемому у гагаузовъ (6).

Между прочимъ, по этому же кодексу для дѣвушки считается большимъ стыдомъ танцовать рядомъ съ мужчинами неродными. Поэтому въ хòру рядомъ танцуютъ только братья и сестры или родственники съ родственницами, неродные же или незнакомые держатся за руки только мужчины съ мужчинами, а женщины съ женщинами (7). Впрочемъ, правило это начинаетъ уже кое-гдѣ нарушаться, замѣняясь новыми, чужеземными порядками, и прежде всего, конечно, въ большихъ селахъ, какъ Кампатъ и Конгазъ. Но когда парни въ селѣ Бешалма, по примѣру большихъ селъ, попробовали нарушить это правило, то дѣвушки совсѣмъ вышли изъ хоровода и не стали танцовать, пока не водворились старые порядки.

Танцы хоровые.

1) Дюз хору (т.-е. прямое, простое хору)—изъ всѣхъ хоровыхъ танцевъ самый спокойный. Танцующіе держатся въ немъ за кушаки своихъ сосѣдей и сосѣдокъ и плавно переступаютъ ногами то вправо, то влѣво, двигаясь по кругу непремѣнно въ правую сторону (8).

2) Молдуванджя или ікі анна—то же, что молдаванскій джогъ, но нѣсколько измѣненный. Мужчины танцуютъ его съ присядкой.

3) Ючь аяк (т.-е. въ три ноги),—мужчины притопываютъ ногами черезъ два раза въ третій (9).

4) Бланеряска—молдаванскій танецъ, при которомъ дѣлаются короткія движенія взадъ и впередъ, причемъ хору то сжимается, то расширяется.

5) Черноуска.

6) Чіфуятча—еврейскій.

7) Хардал (сурѣпица).

8) Сусуяк.

9) Падурец.

10) Жечка—танецъ, при которомъ хоро разрывается и двигается змѣйкой или лентой.

11) Права хору—танецъ, исполняемый на улицѣ во время движенія свадебной процессіи въ церковь. Парни и дѣвушки двигаются при этомъ шеренгой поперекъ улицы подъ тактъ музыки и только по временамъ дѣлаютъ завороты и заходятъ то однимъ флангомъ, то другимъ.

Къ хоровымъ же танцамъ нужно причислить и новѣйшіе танцы, которые хотя получили уже право гражданства въ гагаузскомъ хору, но танцуются сравнительно довольно рѣдко и то преимущественно на свадьбахъ. Сюда принадлежатъ: полька русяцка (т.-е. русская полька), полька мазурка, кадрель и проч.

Хореографическія наклонности гагаузовъ проявляются между прочимъ въ устройствѣ состязательныхъ танцевъ съ призами, которые бываютъ иногда въ богатомъ селѣ Камратъ. На эти состязанія съѣзжаются всѣ лучшіе танцоры изо всѣхъ гагаузскихъ селъ (10).

Вслѣдствіе, вѣроятно, все той же страсти гагаузовъ къ танцамъ, у нихъ получила широкое развитіе музыка инструментальная. Въ

гагаузскихъ селахъ можно встрѣтить много различныхъ музыкальныхъ инструментовъ, а еще того больше порядочныхъ музыкантовъ (11).

Чаще всего встрѣчаются музыканты на такъ называемомъ к а в а̀ л ѣ. Это духовой деревянный инструментъ, изъ семейства флейтъ, общій гагаузамъ съ болгарами. Отъ флейты онъ отличается прежде всего отверстіемъ для вдуванія воздуха. Тогда какъ у флейты это отверстіе сбоку, у кавала совсѣмъ нѣтъ отдѣльнаго отверстія для вдуванія, звукъ производятъ вдуваніемъ воздуха прямо въ раструбъ инструмента или въ срѣзъ его, замѣняющій отверстіе. Кромѣ того, здѣсь дуютъ не серединой губъ, какъ при флейтѣ, а углами губъ. Отъ этого происходитъ нѣкоторое отличіе въ звукѣ кавала, если сравнивать его съ флейтой. Если и у флейты къ звуку инструмента примѣшивается не совсѣмъ пріятное шипѣніе, то у кавала это шипѣніе несравненно больше и слышно на далекомъ разстояніи. Къ тому же музыканты на кавалѣ имѣютъ дурную привычку сопровождать звукъ инструмента, высокій, какъ у флейты, звукомъ собственнаго голоса, которымъ они тянутъ одну и ту же басовую ноту, что для нашего европейскаго уха не только не украшаетъ звукъ кавала, но еще больше портитъ его. Если ко всему сказанному прибавить, что инструментъ этотъ не фабричной работы, а домашней, и потому ноты его не всегда хорошо согласованы между собою, то и станетъ понятно, что мелодіи, исполняемыя гагаузами на кавалѣ, съ нашей точки зрѣнія, далеко нельзя назвать красивыми и пріятными.

Кромѣ кавала, у гагаузовъ играютъ на ч і р т м ѣ — дудкѣ, по звуку похожей на флейту пикколо, на в о л ы н к ѣ, на с к р и п к ѣ и на к о б з ѣ. Кобзой здѣсь называютъ, какъ я уже говорилъ, струнный инструментъ изъ рода гитары. На немъ играютъ аккомпанементъ къ пѣнію или вмѣстѣ со скрипкой въ деревенскомъ оркестрѣ.

Кромѣ того, у гагаузовъ есть еще особый, оригинальный струнный инструментъ, называемый к а у ш к е м е н ч ѐ (т.-е. скрипка-ложка), которая съ виду, дѣйствительно, похожа на большую ложку [1]). На такой скрипкѣ имѣется только три струны: одна — металлическая, а двѣ—кишечныя. Скрипку эту держатъ не такъ, какъ обыкновенную, а стоя, какъ віолончель, но только опираютъ ее не объ полъ, а объ колѣна. Играютъ на ней обыкновеннымъ смычкомъ. На одной струнѣ

[1]) Экземпляръ такого инструмента мною отосланъ въ этнографическій музей Императорской Академіи Наукъ.

играется мелодія, а двѣ другія издаютъ постоянный аккордъ, какъ на такъ называемый малороссійской лирѣ. Звукъ этого инструмента довольно пріятный [1]).

Волынка гагаузовъ ничѣмъ не отличается отъ молороссійской; она называется здѣсь гайдой.

Между скрипачами, имѣющимися по нѣскольку человѣкъ въ каждомъ гагаузскомъ селѣ и играющими на обыкновенной скрипкѣ, есть немало очень музыкальныхъ личностей, обладающихъ весьма тонкимъ слухомъ, большой бѣглостью и любовью къ своему искусству, но, къ сожалѣнію, рѣдко знакомыхъ съ нотами. Мнѣ удалось познакомиться съ нѣкоторыми изъ нихъ и послушать ихъ музыку. Репертуаръ такихъ музыкантовъ бываетъ очень обширный, такъ какъ для каждаго изъ вышеперечисленныхъ танцевъ имъ нужно знать по крайней мѣрѣ по 3 по 4 номера пьесъ, да кромѣ того они играютъ еще различныя мелодіи «для слуха», изъ которыхъ мнѣ удалось слышать и даже записать нѣкоторыя на ноты. Вотъ главнѣйшія изъ нихъ:

1) Дёрт гюджю (т.-е. 4 ни́чельницы). Мелодія эта украшена многочисленными хитро сплетенными варіаціями, почему она и носитъ такое странное названіе. Извѣстно, что ткань въ 4 ничельницы для ткача-кустаря является очень хитрой штукой, требующей большой ловкости, умѣнія и значительной дозы фантазіи.

2) Йол хавасы или ёлджя—маршъ или, какъ выражаются гагаузы, «дорожная мелодія». Она бываетъ необходима на свадьбѣ.

3) Гели́н хавасы (т.-е. невѣстина мелодія)—грустная мелодія, исполняемая на свадьбѣ.

4) Софра̀ хавасы́ (столовая мелодія)—что-то въ родѣ нашего туша.

5) Кома̀рска—камаринская.

6) Парняла. Эта послѣдняя мелодія особенно интересна не столько въ музыкальномъ отношеніи, сколько потому, что она представляетъ особою что-то въ родѣ первообраза нашей симфоніи или музыкальной картины. Игрокъ пытается этой мелодіей нарисовать цѣлую картину изъ пастушеской жизни. Играя ее, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ объясняетъ и смыслъ ея музыки: «потерялъ, говоритъ онъ, пастухъ своихъ овецъ въ степи, идетъ бѣдный, самъ не знаетъ куда, и горь-

[1]) Образчикъ мелодіи, на немъ исполняемой, будетъ напечатанъ вмѣстѣ съ другими мелодіями и съ филологическимъ матеріаломъ въ Академіи Наукъ.

ко-горько плачетъ (мелодія тихая, минорная). Но—вдругъ онъ завидѣлъ издали своихъ овецъ, обрадовался и пустился въ плясъ (мелодія плясовая, веселая). Но—увы!—радость пастуха была преждевременна. Подошелъ онъ ближе и разсмотрѣлъ, что то были не овцы, а камни. Пастухъ заплакалъ еще горче прежняго» (мелодія снова печальная) (12).

Въ послѣднее время къ гагаузскимъ оркестровымъ инструментамъ прибавляются еще мѣдныя трубы, на которыхъ играютъ окончившіе службу солдаты-музыканты. Но оркестры съ трубами считаются очень дорогими и потому недоступными для обыкновеннаго смертнаго. Ихъ нанимаютъ на свои свадьбы только самые богатые гагаузы изъ жителей большихъ торговыхъ селъ.

Мелодіи гагаузскихъ танцевъ и пьесъ «для слуха» весьма красивы, задушевны и чрезвычайно сложны въ ритмическомъ отношеніи, въ общемъ онѣ напоминаютъ венгерскую музыку, и сходство это, быть-можетъ, особенно замѣтно вслѣдствіе очень частаго употребленія такъ называемаго «мадьярскаго тэтрахорда». При близкомъ знакомствѣ съ инструментальной музыкой гагаузовъ невольно приходишь къ заключенію, что это народъ очень музыкальный. Самое слово, употребляемое ими для обозначенія мелодіи,—х а в а̀—носитъ на себѣ какой-то поэтическій оттѣнокъ, такъ какъ х а в а̀ значитъ воздухъ.

Число музыкальныхъ личностей между гагаузами должно быть весьма значительно, такъ какъ, кромѣ профессіональныхъ музыкантовъ и любителей игры на разныхъ музыкальныхъ инструментахъ, между ними немало виртуозовъ на естественномъ инструментѣ, имѣющемся у каждаго человѣка, а именно «на губахъ». Мнѣ случалось слышать нѣкоторыхъ свистуновъ изъ гагаузской молодежи мужского пола, которые достигали въ этого рода музыкѣ большого совершенства: они выдѣлывали на губахъ невѣроятно трудныя мелодіи танцевъ и варіацій на нихъ съ удивительной бѣглостью и чистотой. Вообще насвистыванье сильно распространено среди этого народа.

Пѣніе.

Любопытно, что, несмотря на несомнѣнную музыкальность гагаузовъ, пѣніе у нихъ далеко не процвѣтаетъ, и не потому, что его не любятъ или не цѣнятъ, а наоборотъ потому именно, что его слишкомъ высоко цѣнятъ. Въ гагаузскомъ неписанномъ кодексѣ приличій

существуетъ правило, что пѣть гдѣ бы то ни было, у себя ли дома въ обществѣ, или даже въ полѣ, неприлично, если пѣвца объ этомъ никто не проситъ. Вслѣдствіе этого гагаузы поютъ очень мало и очень рѣдко. Но такъ какъ голосъ человѣческій безъ постоянныхъ упражненій не можетъ имѣть силы, чистоты и гибкости, то и голоса гагаузовъ, если они начнутъ пѣть, напоминаютъ собой у женщинъ—визгъ кошки, а у мужчинъ—скрипъ немазанной телѣги. Слушая пѣніе этого народа и ничего не зная объ его способности къ инструментальной музыкѣ, можно подумать, что онъ самый бездарный въ музыкальномъ отношеніи. Особенно замѣтно это, если побывать въ гагаузской церкви во время праздничнаго богослуженія. Для посторонняго слушателя здѣшнее церковное пѣніе,—это невѣроятная какофонія, отъ которой человѣкъ, одаренный музыкальнымъ чувствомъ, бѣжалъ бы какъ можно подальше. Издавать такіе поистинѣ ужасные и нескладные звуки могутъ, по народному выраженію, только «грѣшники въ аду».

Гагаузскій кодексъ приличій, кромѣ церкви, дозволяетъ имъ свободно пѣть, и то въ одиночку, между прочимъ на свадьбахъ, гдѣ пѣсня является въ видѣ платы, если, по ходу обряда, требуется что-либо или кого-либо выкупить. Кромѣ того, молодежь поетъ иногда на бесѣдахъ, гдѣ парень съ дѣвушкой перекоряются и характеризуютъ другъ друга короткими четверостишіями, зачастую сочиняемыми экспромптомъ. Странно, что въ такихъ пѣсняхъ, въ пылу музыкальной и стихотворной полемики, не считается неприличнымъ употреблять самыя циничныя выраженія въ присутствіи дѣвушекъ, хотя въ обыкновенное время всякое сколько-нибудь нескромное выраженіе въ присутствіи женщинъ строго воспрещается кодексомъ приличій.

Сверхъ того, поютъ, какъ было сказано выше, дѣвушки въ хороводныхъ играхъ, разъ въ году, поютъ колядовщики на Рождествѣ и маленькія дѣвочки, когда онѣ ходятъ по домамъ въ Лазарево воскресенье, о чемъ будетъ подробнѣе разсказано далѣе. Словомъ, такихъ случаевъ, въ которыхъ пѣніе безусловно разрѣшается, въ гагаузской жизни весьма немного.

Между своими пѣснями гагаузы различаютъ: 1) короткія четверостишія—м а а н і и 2) длинныя пѣсни—т ю р к ю́.

Болѣе подробныя свѣдѣнія о гагаузскихъ пѣсняхъ печатаются вмѣстѣ съ гагаузскимъ филологическимъ матеріяломъ въ Академіи Наукъ, здѣсь же мы сообщимъ о нихъ только вкратцѣ.

Маанi состоитъ обыкновенно изъ двухъ частей: въ первой (двѣ первыя строки) такъ же, какъ и у другихъ народовъ тюркской расы (см. мои «Ногайскія пѣсни» въ Изв. Общ. Арх., Истор. и Этн.), берется какое-нибудь явленіе природы въ родѣ: летящей по воздуху птицы, плывущаго лебедя и т. под., а во второй—строится поэтическая параллель этому явленію изъ жизни человѣческой. Строгое проведеніе такой параллели составляетъ, впрочемъ, только идеалъ, къ которому долженъ стремиться поэтъ, но идеалъ этотъ, какъ всякій идеалъ, трудно достижимъ на практикѣ, а потому между множествомъ собранныхъ мною маанi есть такія, въ которыхъ очень трудно отыскать параллель между первой ихъ половиной и второй, а въ нѣкоторыхъ даже вовсе отсутствуетъ такая параллельность, и обѣ половины пѣсни соединены между собою чисто внѣшнимъ образомъ, т.-е. размѣромъ стиха и риѳмой. Въ общемъ гагаузскія маанi представляютъ для этнографіи только тотъ интересъ, что по нимъ можно изучать процессъ такъ называемаго безыскусственнаго народнаго творчества, еще не изсякшаго у гагаузовъ по настоящее время. Пѣсни выростаютъ въ такомъ же изобиліи, какъ листья на деревѣ, такъ какъ сочиняются чуть ли не каждымъ индивидуумомъ. Иногда онѣ, какъ и листья, увядаютъ, не успѣвши расцвѣсть, такъ какъ не идутъ дальше устъ ихъ автора. Иногда же онѣ имѣютъ временный и мѣстный успѣхъ, и тогда существованіе ихъ нѣсколько продолжительнѣе, такъ какъ подобныя пѣсни перенимаютъ и распѣваютъ многіе знакомые автора. Но если онѣ не имѣютъ глубокаго смысла и общечеловѣческаго значенія, то съ теченіемъ времени также засыхаютъ и уносятся «рѣкою забвенія». Только весьма немногія изъ всей этой многомилліонной массы пѣсенъ имѣютъ шансы пережить своего автора, получить широкое распространеніе и обогатить умственное достояніе народа.

Что касается длинныхъ гагаузскихъ пѣсенъ, тюркю, то большинство изъ нихъ, повидимому, заимствовано гагаузами отъ нынѣшнихъ и бывшихъ ихъ сосѣдей: болгаръ, молдаванъ и турокъ-османъ. Взяты онѣ, должно-быть, не особенно давно, такъ какъ сохраняютъ въ себѣ слѣды заимствованія въ видѣ непереведенныхъ, чуждыхъ гагаузскому языку, иностранныхъ словъ, выраженій и оборотовъ рѣчи. Изъ гагаузскихъ пѣсенъ на такъ называемыя международныя темы мнѣ удалось записать очень немного, въ томъ числѣ есть извѣстная «сестра отравительница» и легенда о «человѣческой жертвѣ, зарытой въ землю при постройкѣ моста». Всѣ остальныя темы мѣстныя.

Оказывается, что и въ сферѣ созиданія тюркю безыскусственное народное творчество гагаузовъ также еще пока не изсякло, можетъ быть, благодаря ихъ исключительному положенію, какъ маленькаго народца, силою судебъ очутившагося одинокимъ среди массы чуждыхъ народовъ. Такъ, у гагаузовъ существуютъ еще присяжные стихотворцы, своего рода баяны, занимающіеся сочиненіемъ пѣсенъ, какъ ремесломъ. Съ однимъ изъ такихъ баяновъ (скрипачомъ) мнѣ случилось познакомиться въ селѣ Бешалма.

Не знаю, съ какихъ временъ и почему у гагаузовъ установился обычай воспѣвать въ пѣсняхъ всѣ случаи, когда человѣкъ умираетъ внезапно, несчастной или насильственной смертью. И вотъ, если такая смерть случилась въ какомъ-либо гагаузскомъ семействѣ, родственники покойнаго считаютъ своей непремѣнной обязанностью пригласить мѣстнаго баяна къ себѣ на похороны. Баянъ приходитъ, выслушиваетъ разсказы о смерти во всѣхъ деталяхъ, выслушиваетъ погребальныя причитанія родственниковъ и изъ всего этого матеріала мастеритъ своего рода поэму.

Срокъ для такой работы дается недѣли двѣ-три, по окончаніи котораго родственники покойнаго собираютъ къ себѣ своихъ родныхъ и знакомыхъ; въ присутствіи ихъ баянъ исполняетъ свое сочиненіе, къ которому онъ же сочиняетъ и музыку. Сочинитель награждается за свою работу деньгами или съѣстными припасами, а пѣсня заучивается любителями и начинаетъ переходить изъ устъ въ уста въ качествѣ модной сенсаціонной новинки. Изъ образчиковъ такого рода новѣйшихъ поэтическихъ произведеній, собранныхъ мною, видно, что поэзія эта крайне первобытна: въ одну кучу сваливаются здѣсь детали событія и важныя, и не важныя, и дѣйствительно поэтическія, и глубоко прозаическія. Изъ поэтическихъ пріемовъ гагаузскихъ бардовъ, дѣйствительно заслуживающихъ это названіе, можно отмѣтить лишь то, что передача событія большей частію влагается поэтомъ въ уста самого покойника. О внѣшней формѣ стихотвореній и о мелодіи, на которую они исполняются, уже и говорить нечего: слишкомъ онѣ грубы и топорны. Впрочемъ гагаузская публика на этотъ счетъ невзыскательна и принимаетъ новыя произведенія своихъ поэтовъ, каковы бы они ни были, съ распростертыми объятіями.

Приведемъ для образчика двѣ изъ такихъ пѣсенъ:

1.

Факир Хаджійи дöрть киши тутту,
Онун бириси—бирь комшусу,
Илля бириси—Кости кумиси,
Илля бириси—кенди оолу,
Кеменьди атан—кеньди карысы.

Факир Хаджи ялварайор:
«Ах, куми, куми, Кости куми!
Аач-мы браадым? Сусуз-му браадым.
Кыйдыныз бени, беним джяныны,
Беним джяныны, татлы джяныны».
Факир Хаджи ялварайор:
«Пачика мари, кызым Пачика,

Ач капулары, чік дышары».
— Насы чікайым, бобаджим Хаджи?
Батю капуда дурайор,
Дурайор, капую тутайор.
«Пачика мари, кызым Пачика,
Кыр пеньчерейі, чік дышары,
Гюмюшлян сарарым сени».
—Насы чікайом, бобаджим Хаджи?
Пеньчерелярдя демирляр каави.
Факир Хаджи ялварайор:
«Хай Мити, Мити, оолум Мити,

Ач-мы браадым? Сусуз-мы браадым?
Кыйдыныз бени, беним джяныны».
—Урун, уралым, о таа дири,

Бѣднаго Хаджи *) четверо схватили,
Одинъ изъ нихъ—его сосѣдъ,
А другой—кумъ Костя,
А третій—его собственный сынъ,
Набросившая петлю — его собственная жена.

Бѣдный Хаджи умоляетъ:
«Ахъ, кумъ, кумъ, Костя кумъ!
Голоднаго ли я оставилъ, жаждущаго ли я оставилъ?
Погубили вы меня, мою душу,
Мою душу, мою хорошую (сладкую) душу»,
Бѣдный Хаджи умоляетъ:
«Па́чика милая, дочь моя Па́чика,

Отвори дверь, выйди на дворъ».
—Какъ я выйду, батюшка мой Хаджи?
Старшій братъ у дверей стоитъ,
Стоитъ, двери держитъ.
«Па́чика милая, дочь моя Па́чика,
Разбей окно, выйди на дворъ,
Серебромъ обсыплю тебя».
—Какъ я выйду, батюшка мой Хаджи?
Въ окнахъ крѣпкое желѣзо.
Бѣдный Хаджи умоляетъ:
«Ахъ, Митя, Митя, сынокъ мой Митя,

Голоднаго ли я оставилъ? Жаждущаго ли я оставилъ?
Погубили вы меня, мою душу».
—Бейте, будемъ бить, онъ еще живъ,

*) Хаджи—почетный титулъ, которымъ гагаузы называютъ вмѣсто имени своихъ собратій, побывавшихъ на поклоненіи въ Іерусалимѣ. Женщинъ называютъ Хаджійка.

Ал атлара пиньдирелимь.

Терзи Колія гетюрдюляр,
Терзи Колинин капусуну йонюня.

Факир Хаджинын ястаджя—
Сокакларда топачлар,
Дошеджи-да-ердя чименьняр,
Хавадабулутлар-йорганджидыр.
Деря, тепя сюрюттюляр,

Узюмю, гозюмю чюрюттюляр,
Йозенгія-да астылар,
«Беегир йольдюрдю», дедиляр.
Учюнджю гюнюньдя Петри-да булду
«Бя, Петри, бя кафадарым,
Не гельмединь бана йымдат?»

—Насы гидейим сана йымдат?

Русун законнары чок тур:
Беньдянь сана йымдат йок тур.
«Селямъ готюрь ушакларма
Хемь евимя, усулджяна
Сооleясинь, коркутмаясын,
Коркутмаясын, аалатмаясын.

Бак башимын горгюсюню,
Мезарымын саз ертюсю,
Бенимь евимь йімякь истярь,
Ушакларым йімякь истярь.»

На гнѣдую лошадь (его) посадимъ.

Къ портному Николаю (его) отвезли,
Къ дверямъ портного Николая.
Для бѣднаго Хаджи подушечка—
На улицѣ кучки грязи.
Перинка-то—на землѣ трава,
Воздухъ да облака—одѣяльце.
По оврагамъ, по буграмъ волочать,
Мое лицо, мои глаза посинѣли,
На стремя вѣшаютъ,
«Лошадь убила», говорятъ.
На третій день Петръ нашелъ.

«Эхъ, Петръ, эхъ, пріятель мой,
«Зачѣмъ ты не пришелъ ко мнѣ на помощь?»
—Какъ мнѣ прійти къ тебѣ на помощь?
Русскихъ законовъ много:
Отъ меня тебѣ помощи нѣтъ.
«Поклонъ отнеси моимъ дѣтямъ
И моему дому, потихонечку
Разскажи, не испугай,
Не напугай, не заставляй (ихъ) плакать.
Взгляни на мое горе,
Моя могила покрыта камышомъ,
Моя семья ѣсть хочетъ,
Мои дѣти ѣсть хотятъ».

2.

А вотъ и другая такая же пѣсня, описывающая смерть нѣкоего Тодура, котораго задушилъ огромный свалившійся на него стогъ соломы:

Джюма-ертеси, Пазара карши Тодур отурду
Анасыннан, бобасыннан хемь кардашларыннан.
Іидиляр екьмекь. Выскардашина Тоди деди:

Въ субботу, наканунѣ воскресенья, Тодуръ сидѣлъ
Съ матерью, съ отцомъ и съ братьями.
Пообѣдали. Тодуръ сказалъ сестрѣ:

«Калк, мари Париш, софрайы калдыр,
Софрайы калдыр, верь маказлары,
Ванинин башины салдат-баши кыркаджям».
Париш верди маказлары агасына
Ванининь башины салдат-баши кыркты,
Битирди Ванинин башины
Да Тоди деди мамусуна:
«Малима мале, бян чоботара гидеджям,
Чоботара, Юваньчу батюя,
Сымарлайджям мале, япсын бана девер чизмеси».

Тодинин мамусу деди Тодийи:
«Гить Юваньчу банюнара,
Ама кюю ичиня гитьмя гезьмяя».
Тоди гитьмеди гезьмяя, Тоди гитти чоботара.
Аз-му дурду, чок-му дурду,
Ордан-да евя чекетти.
Кадынын пунарын янына гельди,
Пачикинин Ганисини каршы гельди.
Карши гельди, хошбеш етти,
Ордан-да чекетти капу ёнюня.
Етишти чизьмелери елиньдя,
Атты чизьмелери приспая,
Хемь сыклык чаларды, хемь гидярди
Хемь читени сыртына алды.
Гитти саманна, долдурду читени,
Хемь сыкмыш чаларды, хемь читени сыртына алырды.
Ачан сырлык токадына етишти,
Сырлар юрюдю, кӧпекляр-да улушурду.

«Встань, милая Параша, убери со стола,
Со стола убери, дай ножницы,
Ванину (брата) голову по-солдатски остригу».
Параша подала ножницы брату,
Ванину голову по-солдатски обстригъ,
Покончилъ съ Ваниной головой,
И говоритъ Тодуръ матери:
«Милая матушка, я къ сапожнику пойду,
Къ сапожнику, брату Ивану,
Закажу матушка, чтобы сдѣлалъ мнѣ деверскіе (свадебные) сапоги».
Тодурова мать сказала Тодуру:
«Иди къ брату Ивану,
Но на село гулять не ходи».
Тодуръ не пошелъ гулять, пошелъ къ сапожнику.
Много ли мало ли оставался,
Оттуда домой отправился.
Проходилъ мимо Кадынова колодца,
Пачикинъ Гаврила повстрѣчалъ его,
Встрѣтился, поздоровался,
Оттуда отправился къ дверямъ (своего дома).
Подошелъ съ сапогами въ рукахъ,
Бросилъ сапоги на завалинку,
Засвисталъ и пошелъ
И корзинку на спину закинулъ.
Подошелъ къ стогу соломы, наполнилъ корзину,
Насвистывалъ и корзину на спину поднялъ.
Когда дошелъ до воротъ хлѣва,
Коровы мычали, собаки выли.

Гитти икиножи читени гетирьмяя.
Тоди ёларды саманныкта, душман-да бакарды,

Душман-да бакарды, аклашсын Тоди саманнаа,
Йыкылды саманнык Тодинины ёстюня.
Аз-мы дюююньдю, чок-му дюююньдю
Кöпекляр онун сесиня улушурду.
Сабахлар олду, айдынанды.
Тодйин мамусу арады, мамусу деди:
«Гить, мари Париш, Диман чичунара-да,
Диман чичунара-да сор Тоди батюну».
Гитти Париш, сорду да гельди,

Сорду да гельди: «йок, мале, йок,

Чичу гитмиш баа кесьмяя,

Булю-да гитмишь баалара гöммяя».
Тодинин мамусу гитти саманнаа,

Гитти саманнаа саман гетирьмяя.
Куджяклады мамусу бирь куджяк саман,
Тодинин кырнак айааны-да карышык булду.
Насы куджяклады, ёля-дя дюштю
Ічерди-да гельди хемь аалaрды.
Хемь аалaрды хемь дюююнюрдю,
Симона-да дярди: «калк, бя Симон, калк,
Бизимь саманнык йыкылды,
Саманнык йыкылды, Тодйи-да бастырды».
Симон-да йынанмады, ачан бакты пеньчередян,
Ачан бакты пеньчередян, елиннян дюварди кафасыны.

Пошелъ во второй разъ отнести корзину.
Тодуръ вытягивалъ солому изъ стога, а врагъ (дьяволъ) смотрѣлъ,
Врагъ смотрѣлъ, когда приблизится Тодуръ къ стогу,
Опрокинулъ стогъ на Тодура.

Много ли бился, мало ли бился,
Собаки на его голосъ завыли.
Утро наступило, разсвѣло,
Мать Тодура искала, мать говорила:
«Иди, милая Параша, къ дядѣ Демьяну,
Дядю Демьяна спроси про брата Тодура».
Пошла Параша, спросила и пришла,
Спросила и пришла: «нѣтъ, мама, нѣтъ,
Дядя пошелъ въ виноградникъ подрѣзывать,
Тетка ушла въ виноградникъ окапывать».
Тодурова мать пошла къ стогу соломы,
Пошла къ стогу, чтобы принести соломы.
Захватила мать охапку соломы,

Тодуровы опрятныя ноги нашла вмѣстѣ съ соломой.
Какъ захватила, такъ и упала,
Въ комнату вошла и плакала.
И плакала и билась,
Симону сказала: «Встань, Симонъ, встань,
Нашъ стогъ соломы обвалился,
Стогъ обвалился, Тодура придавилъ».
Симонъ не повѣрилъ, когда посмотрѣлъ въ окошко,
Когда посмотрѣлъ въ окошко, ударилъ себя по головѣ.

Симон-да калкты, Тодинин янына гитти,	Симонъ всталъ, къ Тодору пошелъ,
Тодинин янына гитти, гетирсинь Тодійи.	Къ Тодуру пошелъ, чтобы Тодура принести.
Гайдаржи Иліянын Колиси куджяклады,	Николай Ильинъ Гайдарджи захватилъ въ охапку,
Куджяклады Тодинин кырнак белиндян	Захватилъ Тодура за опрятную талью
Да гетирди Тодійи ичери.	И принесъ Тодура въ комнату.
Яздырдылар Тодійи, чиздирдиляр,	Описывали Тодура перечеркивали (написанное),
Заабитлеря-да бильдирдиляр.	Начальникамъ дали знать.
Тодинин Диман чичусу йок-ту евдя,.	Тодурова дяди Демьяна не было дома,
Ким гитсинь, Диман чичусуну чырсын?	Кто пойдетъ, дядю Демьяна позоветъ?
Йолладылар Маринин Костисини.	Послали Марьина Костю.
Насы сööледи Костиджик Димана,	Какъ разсказалъ Костинька Демьяну,
Иоля-да косору елиньдян дюшюрдю.	Такъ и ножикъ изъ рукъ выронилъ (Демьянъ).
Диман евя етишти, гитти Тодійи болашмаа.	Демьянъ домой вернулся, пошелъ Тодура навѣстить.
Тодинин мамусу аалары хемь дярди:	Тодурова мать плакала и говорила:
«Калк, Тоди, калк,	«Встань, Тодуръ, встань,
Чуфа антерини гиидирьдикь,	Суконное антыре (куртку) мы (на тебя) надѣли,
Кара калпааны гиидирьдикь,	Черную шапку мы надѣли,
Гарус киткаларны башина койдук.	Гарусныя кисточки (подаренныя невѣстой) мы къ головѣ прицѣпили.
Калк, Тоди, калк,	Встань, Тодуръ, встань,
Карагöз евладым, карагöз оолум.	Черноглазое дитя мое, черноглазый сынокъ мой.
Не пекь гюдженьдирь динь мамуну?	Зачѣмъ ты такъ огорчилъ свою мать?
Не пекь гюдженьдирь динь, кахыра соктун?	Зачѣмъ ты такъ огорчилъ, горевать заставилъ?
Насы бени кыйдын, насы кардашларыннан,	Какъ ты меня убиваешь, меня съ братьями,
Насы кардашларыннан кызкардашины кыйдын!»	Какъ убиваешь ты братьевъ и сестру»!

Не мѣшаетъ здѣсь замѣтить, что обычай перекладывать въ пѣсни случаи внезапной смерти отнюдь не составляетъ исключительной особенности гагаузскаго народа. Совершенно такое же обыкновеніе существуетъ у нашихъ волжскихъ татаръ, и мы имѣемъ одинъ образчикъ, еще нигдѣ не напечатанный, татарскаго «Баида» Самарской губерніи, гдѣ въ такой же, какъ у гагаузовъ, протоколообразной формѣ изложены обстоятельства смерти одного татарина, провалившагося сквозь ледъ въ озеро, когда онъ зимней порой косилъ на этомъ озерѣ камышъ. Кромѣ того, мы видѣли у Г. И. Куликовскаго причитаніе, записанное имъ отъ покойной вопленицы Ирины Андреевны Федосовой, сочиненное ею по случаю внезапной смерти одного морского офицера, который участвовалъ въ промѣрной компаніи на Онежскомъ озерѣ и утонулъ, если не ошибаемся, во время одной изъ бурь.

Можно думать, что подобнымъ же образомъ сочиняли свои пѣсни о военныхъ подвигахъ героевъ наши древніе баяны и западно-европейскіе барды и трубадуры.

Примѣчанія къ главѣ 4-й.

1) Такой же обычай существуетъ и у галицкихъ малороссовъ. У нихъ такъ же, какъ и у гагаузовъ, парни-танцоры собираютъ между собою сумму, потребную на наемъ скрипача, и нанимаютъ этого послѣдняго на круглый годъ съ платою въ „40—48 реньскихъ" за игру для танцевъ по праздникамъ и воскресеньямъ. Скрипкѣ этой иногда аккомпанируетъ хлопецъ съ бубномъ или пищалкой, а когда собраніе большое, то съ цимбалками и очень рѣдко „басетлистъ". O. Kolberg, Pokucie, т. 3, стр. 2.

2) Инструментъ одинаковаго названія съ гагаузской кобзой и весьма близкій къ нему по виду есть у малороссовъ. Повидимому, онъ тюркскаго происхожденія, потому что извѣстенъ также у киргизовъ подъ названіемъ кỏбыз, а у чувашъ (тюркскаго народа) подъ именами кўбос и кобс и у астраханскихъ ногайцевъ — кỏбос, обыкновенная скрипка, кромѣ того у ногайцевъ кавказскихъ подъ именемъ кỏбуз извѣстенъ также струнный инструментъ съ двумя волосяными струнами, похожій на скрипку.

См. мои „Матеріалы для характеристики музык. творч. инород. Волжско-Камск. края". Казань 1894, стр. 15; Веселовскій. Розыск. въ области русск. духовн. стиха, приложен. къ „Запис. Имп. Академ. Наукъ" № 1 стр. 443; „З. И. Р. Г. О." по отд. Этногр., т. 10 стр. 15; „Кіевск. Стар." т. 36, мартъ (см. рисун.).

3) Какъ видно изъ прилагаемаго фотографическаго снимка, музыканты въ гагаузскомъ „хỏро" помѣщаются въ серединѣ большого круга, образуе-

маго танцорами. Совершенно такое же расположеніе танцоровъ и музыканта практикуется и на танцовальныхъ собраніяхъ у галицкихъ малороссовъ. Подобное совпаденіе было бы совершенно излишне подчеркивать, какъ мы это дѣлаемъ, въ томъ случаѣ, еслибы оно было единственнымъ, но на ряду со множествомъ другихъ совпаденій между обычаями гагаузовъ и малороссовъ оно не лишено интереса. O. Kolberg, Pokucie, т. 3, стр. 2.

4) Обычай обязательнаго танца для стариковъ на свадьбѣ существуетъ также у кабардинцевъ. „Этногр. Обозр." 1892, № 4, стр. 154.

5) У галицкихъ малороссовъ при исполненіи нѣкоторыхъ танцевъ (какъ напр., „передокъ") женщины выходятъ въ сторону, и танцуютъ одни мужчины. O. Kolberg. Pokucie, т. 3, стр. 3.

6) У галицкихъ малороссовъ главная роль въ танцахъ принадлежитъ также мужчинамъ, а не женщинамъ. Они первые начинаютъ танцы, дѣвушки же принимаютъ въ нихъ участіе только тогда, когда получатъ отъ парней именное приглашеніе. Кромѣ того, каждый изъ парней можетъ устранить отъ танцевъ любую дѣвушку на болѣе или менѣе продолжительное время. O. Kolberg, Pokucie, т. 3, стр. 1.

7) У болгаръ „хôро" танцуютъ въ двѣ цѣпи: въ одной парни, а въ другой дѣвушки. Въ цѣпи дѣвушекъ изъ мужчинъ могутъ танцовать только женихи рядомъ со своими невѣстами.

Сборн. матер. по этногр., изд. при Дашковск. этногр. муз., вып. I, стр. 17.

8) У галиційскихъ малороссовъ направленіе кругового танца также идетъ чаще всего въ правую сторону. Судя по описанію O. Кольберга гагаузскому дюз хôру ближе всего соотвѣтствуетъ галиційская коломыйка. O. Kolberg, Pokucie, т. 3, стр. 3.

9) У галиційскихъ малороссовъ есть нѣчто подобное: „парубокъ и дѣвка притоптываютъ троекратно стопой о землю (лѣвая, правая, лѣвая, — или: правая, лѣвая, правая) въ ритмъ $^1/_8 + ^1/_8 + ^1/_4$. O. Kolberg, Pokucie, т. 3, стр. 1.

10) Страсть къ танцамъ не одинаково сильно распространена у разныхъ народовъ земного шара. По обилію національныхъ танцевъ различнаго наименованія въ Европѣ отличаются, какъ кажется, больше всего чехи. Г. Зибртъ насчитываетъ у нихъ 215 танцевъ различнаго наименованія. За ними слѣдуютъ моравы—133 танца.

Изъ числа другихъ европейскихъ народовъ по своей любви къ танцамъ особенно выдаются: испанцы, итальянцы и шведы. По словамъ г. Зибрта, спеціально занимавшагося народными танцами, въ Италіи получилъ свое начало балетъ, откуда онъ перешелъ и въ другія страны Европы. Въ Швеціи насчитываютъ также до 40 танцевъ.

Что касается другихъ европейскихъ народовъ, то я не собиралъ подробныхъ свѣдѣній о ихъ танцахъ, но изъ печатныхъ литературныхъ и этнографическихъ источниковъ мнѣ удалось узнать 21 названіе разныхъ танцевъ, употребительныхъ у французскаго народа, 19—у нѣмцевъ, 17—у словаковъ, 14—у латышей, 7—у англичанъ съ шотландцами, 5—у румынъ, у бессарабскихъ же болгаръ только въ одномъ селѣ (Карагачъ, Измаильскаго уѣзда) я записалъ 10 названій для танцевъ.

Изъ близкихъ къ намъ племенъ особеннымъ обиліемъ танцевъ и любовью къ нимъ отличаются поляки. Вотъ списокъ танцевъ, упоминаніе о которыхъ мы находимъ въ этнографической литературѣ: 1) Краковякъ, 2) Мазуръ, 3) Оберекъ или Обертасъ, 4) Куявякъ, 5) Полька, 6) Полька-мазурка, 7) Польскій, 8) Вальсъ, 9) Пастушекъ, 10) Завіанецъ, 11) Пшенюрка, 12) Сподобанецъ, 13) Спѣхъ, 14) Повольнэкъ, 15) Цыфръ, 16) Подгаляньски, 17) Рыдзъ, 18) Жыдъ, 19) Цыганьски, 20) Бонкъ, 21) Вытшиконтъ, 22) Пшебѣганы, 23) Кивонь, 24) Хмелёвы, 25) Подушковы, 26) Пѣши, 27) Вельки, 28) Одбіяны, 29) Хлопъ, 30) Коваль, 31) Козакъ, 32) Коломыйка, 33) Кшыжыкъ, или Качакъ, 34) Жебракъ, 35) Комедыантъ, 36) Целенцы, 37) Масарски, 38) Сонсѣдзки, 39) Галопада, 40) Валэкъ, 41) Виватовы шорцъ, 42) Вятракъ, 43) Смыканэ, 44) Ленддеры, 45) Подковёлэкъ, 46) Пшодэкъ, 47) Пшеврацаны, 48) Пожонъ.

Изъ русскихъ племенъ обиліемъ танцевъ отличаются: галицкіе русины, у которыхъ О. Кольбергъ перечисляетъ до 30 разныхъ названій танцевъ, и бѣлоруссы. У этихъ послѣднихъ въ этнографической литературѣ и собственными записями отъ народа я собралъ слѣдующія сорокъ названій для танцевъ: 1) Лявониха большая, 2) Лявониха малая, 3) Крутуха, 4) Барыня, 5) Бычокъ, 6) Вэрабей, 7) Мяцелица, 8) Закаблука, 9) Руськыя, 10) Кынопёнька или Кылопёлька, 11) Лянокъ, 12) Прысядка или Козачокъ, 13) Ку'ка, 14) Полушечка, 15) Заяцъ, 16) Качанъ, 17) Спотыка, 18) Петрусь, 19) Волосянка, 20) Берозочка, 21) Юрка, 22) Коза, 23) Шестакъ, 24) Чижикъ, 25) Жабка, 26) Кружокъ, 72) Цыганочка, 28) Жидовочка, 29) Сорока, 30) Гусакъ, 31) Ворона, 32) Трясутка, 33) Тоукачики, 34) Магера, 35) „По вулицы мыстовэй“; 36) Полька, 37) Галёпъ, 38) Кыдрыль, 39) Мазурка и 40) Вальцъ.

Въ отношеніи танцевъ бѣлоруссы отличаются отъ галицкихъ русиновъ и отъ гагаузовъ между прочимъ тѣмъ, что у нихъ танцами интересуются и занимаются не мужчины, а преимущественно женщины и даже самыя старыя, мужчины же танцуютъ очень мало и то только „молодые мальцы'“.

Можно думать, что любовь къ танцамъ у гагаузовъ — черта вовсе не тюркская, такъ какъ о туркахъ-османахъ пишутъ, что они никогда не пляшутъ и считаютъ танецъ занятіемъ унизительнымъ, а о киргизъ-кайсакахъ (тоже тюркскомъ народѣ),—что „по единогласному утвержденію всѣхъ изслѣдователей, у нихъ танцевъ не существуетъ“.

Revue des traditions populaires 1889, т. 4, стр. 358; ibid. т. 5, стр. 493; ibid. т. 7, стр. 143; Melusine 1877, № 2, стр. 36 и 39; ibid. 1888—89, стр. 133; Le Costume historique, M. A. Racinet. Paris, 1887, т. 6, стр. 476. Ed. Duller. Das deut. Volk. Leipz. 1847, стр. 221; Herman, Menda, Musik. Convers. Lex., Berl. 1880, т. 10, стр. 95; Dr. Cen. Zibrt. Jak se kdy v Cechach tancovalo, Prag. 1895; Cesky' Lid. C. 2, R. I стр. 132—135; ibid. C. 5, R. 1, стр. 458—460; idida. C. 6. R. 2 стр. 662—673; Zb. Wiad. do Antr., т. 1,

стр. 8, 89 и 90, ibid. т. 9, стр. 228; ibid. т. 10, стр. 74; Lud Cieszynski, Obr. etn. Bog. Hoff, стр 61. O. Kolberg. Lud. Ser. 1, стр. 45 и 189; ibid. Ser. 9, ч. 1, стр. 200 и 235; ibid. Ser. 9, ч. 2, стр. 192; idid. Ser. 11, ч. 3, стр. 175; ibid. Ser. 16, стр. 153 и 158; ibid. Ser. 20, стр. 179; Wisła, т. 2, стр. 110, 113 и 114, Bibliot. Wisły 1889, т. 4, стр. 138; Hist. muz. Kaz. Lada, Warsz. 1861: стр. 204, 206; Этн. Обозр. 1897. № 3, стр. 40; Шейнъ, Бѣлор. п. 1874. стр. 267; 1890, стр. 7, 169, 330 и 333; А. С. Дембовецкій, Опытъ опис. Могил. губ., ч. 1, стр. 507; Э. А Вольтеръ, ч. 1, стр. 194; Водовозовой, Жизнь Европ. нар., т. 1, стр. 390; ibid. т. 2, стр. 236, 247 и 485; ibid. 1877, стр. 26; ibid. т. 3, стр. 180; Народы Россіи. Этногр. очерки, изд. редак. журн. „Природа и люди“ 1878, стр. 194; Фр. Гельвальдъ. Естеств. истор. плем. и народ. Спб. 1885 т. 2, стр. 761; Чтен. въ Имп. Общ. Ист. и древн. 1846. Москва. № 1, стр. 11.

11) Обиліе въ народномъ обращеніи музыкальныхъ инструментовъ, соединенное съ развитіемъ инструментальной музыки, гагаузы раздѣляютъ съ нѣкоторыми народами тюркскаго происхожденія. Такъ, напр., у чувашскаго народа имѣется въ обращеніи до 7-ми разныхъ музыкальныхъ инструментовъ, а у таранчей въ средней Азіи число этихъ инструментовъ доходитъ до 16-ти. Срв. мои „Мелодіи чувашскихъ пѣсенъ“. Казань, 1894, стр. 15; „З. И. Р. Г. О.“ по отд. Этногр. т. 17, вып. 1, стр. 111.

В. А. Мошковъ.

Нѣсколько словъ о кувадѣ.

Собственно подъ «кувадой» подразумѣвается обычай, согласно которому мужъ ложится послѣ рожденія ребенка въ постель вмѣсто роженицы и какъ бы принимаетъ на себя ея роль. Но постепенно смыслъ этого слова все расширялся различными авторами, такъ что подъ кувадой теперь обыкновенно разумѣютъ всѣ странныя съ нашей точки зрѣнія и не вызываемыя никакой дѣйствительною надобностью особенности въ поведеніи отца во время рожденія ребенка или въ связи съ этимъ фактомъ. Въ такомъ смыслѣ и мы будемъ употреблять это слово, а для обозначенія его первоначальнаго, болѣе узкаго содержанія будемъ пользоваться выраженіемъ «мужскіе роды» (Männerkindbett). Ни одна изъ гипотезъ, предположенныхъ для объясненія кувады, не можетъ быть названа вполнѣ удовлетворительной; наилучшія изъ нихъ объясняютъ только однѣ стороны явленія, но зато совершенно непригодны для объясненія другихъ. Причина этихъ неудачъ лежитъ, по нашему мнѣнію, въ ошибочномъ отождествленіи различныхъ по существу явленій, объединяемыхъ обыкновенно подъ именемъ кувады. Только въ очень рѣдкихъ случаяхъ отдѣльные авторы, выставивъ извѣстную гипотезу, признаютъ возможность иного объясненія для нѣкоторыхъ частныхъ примѣровъ; но всѣ подобныя замѣчанія дѣлаются мимоходомъ и никогда не получаютъ обоснованія. Въ большинствѣ же случаевъ ученые выставляютъ по произволу ту или другую сторону кувады, даютъ ей, соотвѣтственно этому, то или иное объясненіе и мало заботятся о томъ, чтобы согласовать его со всѣмъ разнообразіемъ живыхъ фактовъ; въ лучшемъ случаѣ всѣ неподдающіяся объясненію частности признаются искаженнымъ видоизмѣненіемъ первоначальнаго явленія, а иногда даже самое ихъ существованіе подвергается сомнѣнію. Попробуемъ пойти инымъ путемъ и выдѣлимъ съ самаго начала нѣсколько самостоятельныхъ группъ фактовъ, а потомъ уже

попытаемся уяснить ихъ взаимныя отношенія и дать имъ посильное объясненіе.

Группъ этихъ будетъ три: 1) *мужскіе роды* или собственно кувада, когда отецъ ложится послѣ рожденія ребенка въ постель, принимаетъ поздравленія отъ сосѣдей и какъ бы изображаетъ изъ себя роженицу, 2) *постъ и истязанія*, которымъ подвергается отецъ послѣ рожденія ребенка, и 3) *діэти*, налагаемая на отца до или послѣ рожденія ребенка, и состоящая въ воздержаніи отъ нѣкоторыхъ сортовъ пищи и отъ извѣстныхъ дѣйствій. Впослѣдствіи, можетъ быть, придется установить и еще новыя группы, но пока эти три выступаютъ вполнѣ ясно. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ бываетъ на практикѣ трудно провести границу между постомъ и діэтой мужа, но въ болѣе рѣзкихъ примѣрахъ различіе между ними выступаетъ очень ясно, и возможность ошибки въ зачисленіи въ ту или другую группу нѣкоторыхъ отдѣльныхъ фактовъ не должна намъ мѣшать различать самыя эти группы.

Начнемъ свой разборъ съ послѣдней группы, т.-е. съ тѣхъ ограниченій въ пищѣ и образѣ жизни, которыя налагаются на мужа во время беременности жены или въ первое время послѣ рожденія ребенка. Именно эту группу фактовъ имѣетъ главнымъ образомъ въ виду Тэйлоръ [1]) въ своемъ объясненіи кувады, данномъ имъ въ своемъ болѣе раннемъ произведеніи и отъ котораго онъ впослѣдствіи отказался въ пользу теоріи Бахофена. Въ основу этого объясненія положено убѣжденіе первобытныхъ народовъ, что между отцомъ и ребенкомъ, даже послѣ рожденія послѣдняго, существуетъ прямая связь. Состояніе здоровья, духовныя и физическія качества отца, его настроеніе—все это отражается и на ребенкѣ. Поэтому для ребенка отнюдь не безразлично, что дѣлаетъ или что ѣстъ отецъ. Нѣкоторыя дѣйствія и нѣкоторые сорта пищи прямо вредны для ребенка, и вотъ отецъ долженъ избѣгать этихъ дѣйствій и этой пищи; онъ подвергается діэтѣ въ интересахъ ребенка, чтобы сохранить его цѣлымъ и невредимымъ. Кромѣ Тэйлора, это объясненіе съ нѣкоторыми несущественными видоизмѣненіями было принято еще цѣлымъ рядомъ другихъ ученыхъ [2]), и въ пользу его говоритъ то, что сами

---

[1]) E. B. Tylor. Researches into the early history of mankind. 3 изд., стр. 291—305.

[2]) Lubbock, Ploss, Max Müller, Wake, Dargun, Massey, Peschel.

народы, у которыхъ распространены подобныя ограниченія отца, объясняютъ ихъ именно такимъ же самымъ образомъ, т.-е. желаніемъ избѣжать дурныхъ послѣдствій, сопряженныхъ для ребенка съ извѣстными дѣйствіями и пищей отца [1]). Рѣшающаго значенія этотъ фактъ имѣть, конечно, не можетъ, такъ какъ извѣстно много случаевъ, когда объясненія, даваемыя народами своимъ обычаямъ, очень сильно расходились съ дѣйствительностью. Но въ данномъ конкретномъ случаѣ можно доказать, что народное убѣжденіе о вредныхъ послѣдствіяхъ для ребенка отъ извѣстнаго образа жизни отца сложилось вполнѣ самостоятельно, а не было придумано впослѣдствіи для объясненія ставшихъ непонятными обрядовъ и обычаевъ.

Отождествленіе діэты отца съ его постомъ и съ мужскими родами основывается на томъ, что всѣ эти обычаи практикуются совмѣстно у многихъ народовъ. Но какъ ни много случаевъ такого совпаденія, они однако не представляютъ общаго правила: можно указать ряды примѣровъ, гдѣ діэта отца существуетъ безъ поста и безъ мужскихъ родовъ и является болѣе широко распространеннымъ явленіемъ, чѣмъ послѣднія. Такъ, у русскихъ инородцевъ мужскихъ родовъ до сихъ поръ не было найдено, и однако имъ вовсе не чужда мысль, что образъ жизни во время беременности жены вліяетъ на исходъ родовъ и въ частности на благополучіе ребенка. У *лопарей* мужъ во время беременности жены «долженъ жить какъ можно смирнѣе, быть со всѣми ласковымъ и отнюдь ни съ кѣмъ не браниться—иначе роды будутъ трудные или родится уродъ». Этимъ впрочемъ не ограничиваются обязательства лопаря, который ждетъ или уже дождался ребенка: «У беременныхъ женщинъ или кормящихъ грудью дѣтей мужья не могутъ ни дѣлать гроба, ни рыть могилы, такъ какъ въ противномъ случаѣ дѣти скоро умрутъ» [2]). Въ домѣ роженицы нельзя придѣлывать рукоятки къ топору [3]). У *гольдовъ* во время послѣдняго мѣсяца беременности жены мужу запрещено: «вбивать гвозди, выкалывать птицамъ глаза, склеивать или сравнивать и вообще производить такую работу, въ которой требуется насиліе,

[1]) См. соотвѣтственные примѣры: Tylor, loc. cit., стр. 292—296, и Леббокъ, Начало цивилизаціи (1876 г.), стр. 14.

[2]) Н. Н. Харузинъ. Русскіе Лопари, стр. 307, 324.

[3]) Tylor, loc. cit., стр. 296 прим. съ ссылкой на Leem'a.

хотя бы надъ неодушевленными предметами» [1]). У *камчадаловъ* затянувшіеся роды и неправильное положеніе ребенка ставится въ вину отцу, такъ какъ «онъ въ то время, когда младенцу надлежало родиться, сани дѣлалъ и дуги гнулъ на колѣняхъ» [2]). Въ Африкѣ единственный случай мужскихъ родовъ былъ отмѣченъ итальянскимъ миссіонеромъ Zuchelli [3]), сочиненіе котораго появилось на свѣтъ въ началѣ XVIII вѣка (1712 г.), и съ тѣхъ поръ его показанія не были подтверждены ни однимъ позднѣйшимъ писателемъ; по крайней мѣрѣ ни Тэйлоръ, ни Плоссъ, ни Пешель и никто изъ другихъ авторовъ, писавшихъ о кувадѣ, не приводятъ кромѣ сообщенія Zuchelli ни одного примѣра существованія ея въ Африкѣ. При всемъ томъ и африканскимъ народамъ отнюдь не чужда мысль, что поведеніе и образъ жизни отца могутъ отражаться на ребенкѣ, и что первый долженъ избѣгать нѣкоторыхъ дѣйствій, если не желаетъ причинить вреда ребенку. Такъ у *commis, ashiras* и другихъ племенъ западной экваторіальной Африки ни беременная женщина, ни ея мужъ не могутъ смотрѣть на гориллу, хотя бы и мертвую; въ случаѣ несоблюденія этого правила вмѣсто ребенка родится маленькая горилла [4]). По словамъ миссіонера Grützner'а у *басутовъ* южной Африки, если ребенку случится испражниться во время самыхъ родовъ, то считается, что онъ «родился съ болѣзнью», виновникомъ чему является отецъ, который и подвергается вслѣдъ за тѣмъ соотвѣтственному лѣченію [5]).

Помимо отсутствія какихъ бы то ни было положительныхъ указаній, признать упомянутые обычаи остаткомъ мужскихъ родовъ не позволяетъ и самый характеръ; общаго между тѣми и другими только то, что они болѣе или менѣе пріурочиваются къ моменту рожденія ребенка, но на такомъ основаніи еще нельзя строить никакихъ выводовъ. Нельзя видѣть въ нихъ и переживаніе перво-

---

[1]) П. П. Шимкевичъ. Нѣкоторые моменты изъ жизни гольдовъ. „Этн. Обозрѣн.", кн. XXXIV, стр. 2.

[2]) См. Крашенинниковъ. Описаніе земли Камчатки. (Изд. 2. 1786 г.), т. II, стр. 126.

[3]) Dr. H. Ploss. Das Kind in Brauch und Sitte der Völker. 2-е изд. т. I, стр. 147.

[4]) Дю Шалью. Путешествіе во внутреннюю Африку. Ч. II, стр. 54 и 101.

[5]) Ploss, loc. cit., стр. 159.

начальнаго поста и истязаній отца, какъ бы мы ни объяснили эти послѣднія явленія. Если, напримѣръ, лопарю запрещено дѣлать гробы и рыть могилы, а ashira или commi не можетъ смотрѣть на гориллу, то имъ тутъ не приходится проявлять ни мужества, ни другихъ какихъ нибудь похвальныхъ качествъ, которыя было бы желательно передать ребенку (такъ объясняетъ постъ и истязанія Старке), въ то же время тутъ нѣтъ ничего эквивалентнаго жертвѣ, необходимой для выкупа ребенка у божества (объясненіе Липперта) и наконецъ ничто не указываетъ на то, чтобы эти мѣры имѣли характеръ лѣченія мужа отъ одержащихъ его нечистыхъ духовъ, какъ объясняетъ постъ и истязанія г. Рѣдько.

Съ другой стороны, приписываемое Тэйлоромъ объясненіе находится въ полномъ соотвѣтствіи со всѣмъ складомъ мысли некультурнаго человѣчества. Для того, чтобы вліять на судьбу ребенка, необходимо быть его отцомъ. Среди *германскихъ* крестьянъ распространено повѣрье, что крестники получаютъ отъ воспреемниковъ всѣ или по крайней мѣрѣ часть ихъ свойствъ; поэтому тамъ очень осторожны съ выборомъ кумовьевъ. Отправляясь на крестины, кумъ долженъ хорошенько умыться, а кума надѣть чистую рубашку, иначе ребенокъ будетъ нечистоплотнымъ; при себѣ крестный отецъ не можетъ имѣть ножа, чтобы крестникъ не сдѣлался самоубійцей; по дорогѣ въ церковь нельзя оглядываться, а то ребенокъ будетъ зѣвакой и т. д. [1]). У упоминавшихся уже нами *commis* почти для каждой семьи есть особыя запрещенныя животныя «рунда», мяса которыхъ нельзя есть ни въ какомъ случаѣ. «Соблюдающій рунда скорѣе согласится переносить всѣ мученія голода, чѣмъ отказаться отъ нелѣпаго повѣрья, будучи твердо убѣжденъ, что стоитъ ему дотронуться до запретной пищи, и *кто-нибудь* изъ женщинъ его рода непремѣнно произведетъ на свѣтъ урода, похожаго на животное, которое составляетъ предметъ его рунда» [2]). Здѣсь можно вспомнить также *боснійское* повѣрье: «если придетъ беременная женщина въ домъ того, кто на нее сердитъ, онъ, чтобъ отмстить ей на ребенкѣ, когда входитъ она на порогъ, топоромъ дѣлаетъ засѣчку по порогу,—дитя родится съ разсѣченной верхней или нижней губой; если же желаетъ, чтобы обѣ губы были разсѣчены, онъ дѣлаетъ за-

[1]) Ploss, loc. cit., стр. 159.
[2]) Дю Шалью, loc. cit., II, 105—106 (курсивъ нашъ).

сѣчки и на порогѣ, и на притолкѣ» [1]). Но, пожалуй, краснорѣчивѣе всѣхъ этихъ фактовъ будетъ разсказъ Уоллэса о томъ, какъ одинъ индѣецъ поймалъ горнаго пѣтуха и отдалъ его на вскормленіе своей женѣ; та въ виду этого была обречена на строгую діэту, и когда въ концѣ концовъ пѣтухъ все-таки умеръ, мужъ приколотилъ жену, такъ какъ она нарушеніемъ діэты причинила смерть пѣтуху [2]).

Противъ теоріи Тэйлора какъ бы говоритъ тотъ фактъ, что подобныя ограниченія въ пищѣ и образѣ жизни распространяются у многихъ народовъ только на одного отца ребенка и совершенно оставляютъ въ покоѣ мать, тогда какъ связь послѣдней съ ребенкомъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію ни во время беременности, ни во время кормленія. Но такіе случаи одностороннихъ ограниченій не составляютъ общаго правила. Такъ у *macusis* и мужъ и жена одинаково ложатся въ постель послѣ рожденія ребенка, одинаково ведутъ нѣсколько дней уединенный образъ жизни, одинаково не могутъ ничего работать, одинаково соблюдаютъ строгую діету и наконецъ одинаково не могутъ чесаться ногтями [3]). У *omaguas* мужъ и жена выдерживаютъ одинаковую діэту, пока ребенокъ не начнетъ сидѣть [4]). Одинаковыя ограниченія распространяются на обоихъ супруговъ у *puris*, *coropos*, *araycus* и т. д. [5]). У *coroados* мужъ и жена одновременно соблюдаютъ діэту [6]). Въ другихъ случаяхъ на мужа и на жену налагаются различныя ограниченія или не въ одно и то же время. У *guaranis* мать соблюдаетъ строгую діэту во время беременности, отецъ же послѣ рожденія ребенка [7]). У *motumotu* (Новая Гвинея) послѣ зачатія мать не должна ѣсть пататовъ, а то у ребенка будетъ непропорціональная голова, отцу же въ это время запрещено употреблять мясо крокодиловъ и нѣкоторыхъ сортовъ рыбъ, чтобы у ребенка не были непропорціанальныя ноги [8]). Необходимо также принять во вниманіе и то обстоятельство, что во многихъ случаяхъ ограниченія, налагаемыя на женщину во время

---

1) „Этногр. Обозр.“, XV, отд. 2-й, стр. 30.
2) Tylor, loc. cit., стр. 297.
3) Tylor, 298.
4) Ploss, 150.
5) Starcke, La famille primitive, стр. 50.
6) Леббокъ, loc. cit., стр. 13.
7) Ploss, стр. 149.
8) Wake, The development of marriage and kinship., p. 264—265, note.

беременности или послѣ родовъ, могли быть просто упущены изъ виду путешественниками, описывавшими соотвѣтственные народы. Сами по себѣ такія ограниченія могли казаться не представляющими большого интереса и не регистрироваться, тогда какъ ограниченія, налагаемыя на мужа, отмѣчались довольно аккуратно уже въ силу своей нелѣпости съ европейской точки зрѣнія. При всемъ томъ, конечно, останутся и такіе народы, у которыхъ дѣйствительно ограниченіямъ подвергается одинъ только отецъ, но и это обстоятельство не должно намъ препятствовать принять теорію Тэйлора въ виду существующей у нѣкоторыхъ народовъ своеобразной теоріи, приписывающей отцу исключительную роль въ рожденіи ребенка и сводящей роль матери до положенія простой хранительницы воспринятаго зародыша [1]), теоріи совершенно аналогичной той, которую Эсхилъ вложилъ въ уста Аполлона:

Мать не творитъ дитя и не рождаетъ,
Но только, что посѣяно, питаетъ.
Творитъ отецъ. Она жъ, какъ гостя въ домъ
Радушная хозяйка принимаетъ,
Воспринятый зародышъ сохраняетъ.

Что касается до причинъ, приведшихъ къ убѣжденію, что именно такія-то дѣйствія отца или такая-то употребляемая имъ пища будутъ вредны для ребенка, то отвѣтъ на этотъ вопросъ выходитъ изъ рамокъ нашей статьи, да на него въ большинствѣ случаевъ и трудно дать точный отвѣтъ. Въ своей статьѣ г. Рѣдько [2]) высказалъ недавно предположеніе, что нѣкоторыя запрещенія убивать животныхъ, можетъ быть, объясняются опасеніемъ, какъ бы души этихъ животныхъ не отомстили на ребенкѣ. Весьма возможно, что подобное объясненіе и пригодно для нѣкоторыхъ случаевъ, но нѣтъ необходимости распространять его и на всѣ остальные, гдѣ нѣтъ для этого прямыхъ показаній. Съ точки зрѣнія некультурнаго человѣка само по себѣ понятно стремленіе ожидающаго ребенка ніасца избѣгать разговоровъ съ иностранцемъ, чтобы не спутать языка будущаго ребенка. [3]) Не менѣе естественно и то, что карибъ избѣгаетъ ѣсть мясо черепахи,

[1]) Tylor, 299; Wake, 264—265.

[2]) А. Рѣдько. Нечистая сила въ судьбахъ женщины-матери. Этн. Обозр., кн. XL—XLI, стр. 102, прим.

[3]) Пешель. Народовѣдѣніе, стр. 25.

чтобы не сдѣлать глупымъ своего ребенка [1]); эта мѣра коренится въ широко распространенномъ повѣрьи, что человѣкъ, съѣдающій мясо какого-нибудь животнаго, усвояетъ и качества этого животнаго [2]). Но какъ бы мы ни объясняли происхожденіе этихъ воззрѣній, суть дѣла отъ этого не мѣняется. Несомнѣнно, что ограниченія въ пищѣ и поведеніи, налагаемыя на отца до или послѣ рожденія ребенка, обусловливаются опасеніемъ причинить этому ребенку какой нибудь вредъ.

Переходимъ теперь къ другой группѣ явленій, объединяемыхъ подъ рубрикой кувады, именно къ посту и истязанію отца. Легко видѣть, что эти мѣры не могутъ имѣть своею цѣлью желаніе предохранить ребенка отъ возможнаго вреда; уже полное воздержаніе отъ пищи въ теченіе нѣсколькихъ дней только съ очень большими натяжками можно объяснять въ томъ смыслѣ, что отецъ избѣгаетъ обремененія желудка, что можетъ дурно отозваться на состояніи ребенка. Еще меньше приложимо подобное объясненіе къ истязанію отца; съ точки зрѣнія связи между отцомъ и ребенкомъ такія истязанія скорѣе могутъ причинить вредъ ребенку, чѣмъ предохранить отъ такого вреда Поэтому мы считаемъ эту группу явленій независимой отъ предыдущей, т.-е. отъ діэтическихъ мѣръ, принимаемыхъ изъ желанія не нанести ребенку какъ нибудь вреда. Точно такъ же намъ кажется невозможнымъ сопоставлять постъ и истязанія съ мужскими родами; что одно не можетъ быть переживаніемъ или искаженнымъ видоизмѣненіемъ другого, доказывается уже тѣмъ, что и то и другое явленіе сосуществуютъ, и оба обычая употребляются совмѣстно. Нельзя также въ истязаніяхъ видѣть и добавленія къ мужскимъ родамъ, добавленія, имѣющаго цѣлью замѣнить чѣмъ нибудь недостающія у мужа дѣйствительныя родильныя муки. Истязаніе бываетъ обыкновенно не въ самый моментъ рожденія ребенка и не непосредственно послѣ него, а обыкновенно спустя нѣсколько времени, когда роженица уже успѣла позабыть свои родовыя страданія, если они только у нея были. Итакъ, и постъ и истязанія мы считаемъ самостоятельными явленіями, не являющимися переживаніями, дополненіями или видоизмѣненіями мужскихъ родовъ или діэтическихъ ограниченій отца въ пищѣ и образѣ жизни.

---

[1]) Tylor, 293.

[2]) Леббокъ. 15—16 стр.

Именно эту группу фактовъ, къ слову сказать наименѣе многочисленную, имѣли главнымъ образомъ въ виду Липпертъ и Старке, когда давали свои объясненія кувады, и сюда же подходитъ та часть объясненій г. Рѣдько, гдѣ онъ говоритъ о лѣченіи отца отъ одержащихъ его вмѣстѣ съ разрѣшившейся отъ бремени женой нечистыхъ духовъ. Изъ этихъ трехъ объясненій наиболѣе возраженій вызываетъ гипотеза Липперта [1]), сводящаяся къ тому, что постъ и истязанія отца (съ этими явленіями Липпертъ отождествляетъ и другія стороны кувады) являются замѣной былого жертвоприношенія первенца, выкупомъ его у божества, которое имѣло на него право. Такія жертвоприношенія, по мнѣнію Липперта, были широко распространены въ эпоху материнскаго права, и куваду онъ пріурочиваетъ къ моменту перехода отъ материнскаго права къ отцовскому. Для того, чтобы придать этой теоріи больше вѣроятности, надо было сперва доказать, что дѣтоубійство больше развито у материнско-правовыхъ, чѣмъ у отцовски-правовыхъ народовъ, и (это самое главное) что у первыхъ оно носитъ религіозный и обязательный характеръ. Доказать этого не удалось ни самому Липперту, ни воспринявшему его объясненіе кувады Гельвальду [2]), а разъ этого не сдѣлано, то можно сомнѣваться въ существованіи самой потребности, которой должна удовлетворять кувада, т.-е. является сомнительной необходимость выкупать ребенка у божества. Старке[3]) въ своемъ объясненіи исходитъ изъ того же положенія, что и Тэйлоръ, а именно изъ признанія некультурными народами прямой связи между отцомъ и ребенкомъ, но, обращая вниманіе на другую сторону кувады, онъ даетъ ей соотвѣтственно другое и объясненіе. Именно, онъ видитъ въ ней средство передать ребенку мужество, терпѣніе и другія похвальныя качества, которыя приходится проявлять постящемуся или истязуемому отцу. Такимъ образомъ его объясненіе нѣсколько аналогично Тэйлоровскому съ тою разницею, что Тэйлоръ придавалъ кувадѣ, такъ сказать, отрицательный характеръ, видѣлъ въ ней желаніе избѣжать возможности причинить ребенку вредъ, для Старке же ея характеръ будетъ положительнымъ. Но, пожалуй, только эта аналогичность и можетъ говорить въ пользу теоріи Старке; какихъ нибудь положительныхъ данныхъ въ ея защиту не было указано ея авторомъ. Теорія г. Рѣдько

[1]) J. Lippert. Geschichte der Familie, стр. 213—217.

[2]) Hellwald. Die menschliche Familie, S. 360—363.

[3]) Starcke. La famille primitive, pp. 49—51.

тоже страдаетъ отсутствіемъ прямыхъ доказательствъ въ ея пользу, и, кромѣ того, авторъ привелъ слишкомъ мало данныхъ въ подтвержденіе того, чтобы мужъ роженицы былъ по народнымъ воззрѣніямъ дѣйствительно одержимъ нечистыми духами и чтобы постъ и истязанія, которымъ онъ подвергается, дѣйствительно были средствомъ борьбы съ этими духами. Намъ кажется, что на эти явленія можно взглянуть съ нѣсколько иной точки зрѣнія, чѣмъ упомянутые авторы, и, не отрицая извѣстнаго значенія за ихъ объясненіями, мы рѣшаемся высказать, хотя бы въ видѣ предположенія, другое объясненіе поста и истязаній отца.

Старке категорически заявляетъ (стр. 51), что кувада повторяется при рожденіи каждаго ребенка, а не ограничивается однимъ первымъ, и такое заявленіе вполнѣ понятно въ устахъ этого автора. Разъ было бы обратное, то тогда объясненіе Старке и, конечно, тѣмъ болѣе объясненіе г. Рѣдько рушилось бы само собой. Если отецъ постится и подвергается истязаніямъ ради того, чтобы передать извѣстныя качества ребенку, то онъ, конечно, будетъ это дѣлать при рожденіи всякаго ребенка, потому что для него одинаково важно, чтобы каждый его ребенокъ обладалъ нужными качествами. Точно такъ же, если постъ и истязанія есть средство избавиться отъ нечистыхъ духовъ, то вѣдь нечистые духи нападаютъ при рожденіи каждаго ребенка, и кувада, слѣдовательно, не можетъ ограничиваться однимъ первенцомъ. Въ виду этого выясненіе даннаго обстоятельства имѣетъ для насъ очень большое значеніе. И что же? Оказывается, что категорическое заявленіе Старке нуждается въ нѣкоторыхъ поправкахъ. Нѣкоторые путешественники, описывающіе куваду, прямо указываютъ, что она имѣетъ мѣсто только при рожденіи перваго ребенка, и, что всего интереснѣе, всѣ подобныя указанія относятся именно къ тѣмъ случаямъ кувады, гдѣ мы несомнѣнно имѣемъ дѣло съ постомъ и истязаніями отца. Такъ, въ одномъ подробномъ описаніи кувады у *индѣйцевъ Гвіаны* мы читаемъ, что отецъ послѣ рожденія ребенка ложится въ гамакъ, соблюдаетъ нѣсколько недѣль строгій постъ, а затѣмъ ему раздираютъ въ различныхъ мѣстахъ кожу рыбьими костями или зубами агути; сверхъ того очень часто прибавляютъ нѣсколько ударовъ бичемъ. Мало того, по окончаніи церемоніи отецъ долженъ удалиться отъ своей жены и поступить на нѣсколько мѣсяцевъ какъ бы въ услуженіе къ какому нибудь старому индѣйцу, гдѣ съ нимъ обращаются приблизительно какъ съ рабомъ. Но все

это имѣетъ мѣсто только при рожденіи перваго ребенка [1]). Еще болѣе подробно описана Дю-Тертромъ кувада у *карибовъ Антильскихъ острововъ;* здѣсь тоже сперва имѣетъ мѣсто строгій постъ отца, а затѣмъ происходятъ истязанія его, состоящія въ томъ, что ему раздираютъ въ разныхъ мѣстахъ тѣла кожу зубомъ агути и натираютъ раны перечной настойкой, при чемъ отецъ не долженъ издать ни одного стона [2]). Но Zabat прямо говоритъ, что строгій 30 или 40 дневный постъ соблюдается только при рожденіи перваго ребенка [3]), и то же, повидимому, подтверждаетъ и другой путешественникъ—Рошфоръ [4]). Въ *Suan* (Новая Гвинея) отецъ при рожденіи ребенка запирается на нѣсколько дней и въ это время совсѣмъ ничего не ѣстъ, но дѣлается это только при рожденіи перваго ребенка [5]). Эти совпаденія кажутся намъ не случайными и даютъ намъ точку опоры для правильнаго пониманія явленія.

У тѣхъ же самыхъ *индѣйцевъ Гвіаны,* которые постятся и подвергаются истязаніямъ при рожденіи перваго ребенка, аналогичная церемонія происходитъ и при вступленіи въ должность вождя. Кандидатъ въ предводители подвергается продолжительному посту, бичеваніямъ со стороны вождей сосѣднихъ племенъ и испытанію огнемъ [6]). Подобныя церемоніи не ограничивались одними индѣйцами Гвіаны; нѣчто подобное имѣло мѣсто у чибча и другихъ племенъ Америки, а также и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Африки [7]). Это первая аналогія кувадѣ или, вѣрнѣе, той сторонѣ ея, которая состоитъ въ постѣ и истязаніяхъ отца; другую аналогію, несравненно болѣе важную, представляютъ широко распространенныя церемоніи при достиженіи мальчиками и дѣвочками зрѣлости, при переходѣ ихъ въ классъ взрослыхъ людей, что даетъ имъ право вступать въ бракъ. Церемоніи эти весьма подробно описаны Плоссомъ [8]), къ которому

---

1) J. G. Stedman. Voyage à Surinam et dans l'intérieur de la Guiane, t. III, p. 414.

2) Tylor, p. 292.

3) Ploss, S. 157.

4) Tylor, p. 293, note.

5) Wake, Development of marriage and kinship, p. 265, note.

6) Stedman, l. c., III, 428—431.

7) A. H. Post. Africanische Jurisprudenz, ч. 1, стр. 148—149.—Дю Шалью, loc. cit. I, 28—29.

8) Ploss. Das Kind, т. II, гл. 31. „Der Abschluss der Kinderjahre. Die Mannbarkeit", стр. 411—451.

мы и отсылаемъ читателя. Здѣсь же мы напомнимъ только то, что весьма существенную часть этихъ церемоній, одинаково широко распространенную и въ Сѣверной и въ Южной Америкѣ, представляютъ постъ и истязанія; въ Южной Америкѣ къ этому очень часто присоединяется привѣшиваніе въ гамакѣ къ потолку; паціентъ долженъ вылежать тамъ болѣе или менѣе продолжительный срокъ и его даже привязываютъ иногда къ гамаку веревками. У женщинъ эти церемоніи совершаются обыкновенно при наступленіи *первыхъ* (и только при нихъ) менструацій, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы мы имѣли въ данномъ случаѣ очищеніе ея отъ нечистыхъ духовъ, которыми одержима, по народному повѣрью, роженица и менструирующая женщина. Тотъ фактъ, что этимъ церемоніямъ подвергаются кандидаты въ вожди и достигающіе зрѣлаго возраста мальчики, и что у женщинъ онѣ ограничиваются только первыми менструаціями, показываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ болѣе широкимъ явленіемъ. Этотъ же фактъ является возраженіемъ и противъ теоріи г. Рѣдько, объясняющаго истязанія отца, какъ лѣченіе его отъ нечистыхъ духовъ, перешедшихъ на него съ жены. Характеръ истязаній различенъ у разныхъ племенъ; у однихъ паціента подвергаютъ бичеванью, у другихъ ему раздираютъ кожу какими-нибудь рѣжущими предметами, у третьихъ подвергаютъ его многочисленнымъ укусамъ муравьевъ и т. д., но, кончено, суть явленія не мѣняется отъ такого разнообразія формъ. Любопытно, что эти церемоніи связаны съ кувадой не только сходствомъ средствъ, выбираемыхъ для причиненія страданія (раздираніе кожи, бичеваніе), но и тѣмъ еще, что и въ томъ и въ другомъ случаѣ паціентъ долженъ мужественно переносить эти страданія, не испустивъ ни одного крика. Эти аналогіи даютъ намъ основаніе видѣть въ кувадѣ церемонію, справляемую при переходѣ изъ одного возраста въ другой; въ кувадѣ мы имѣемъ только ту особенность, что эта церемонія нѣсколько отсрочена и пріурочена не къ наступленію взрослаго состоянія, а къ рожденію перваго ребенка. Но и это обстоятельство не должно насъ смущать въ виду той важной роли, которую многіе народы приписываютъ рожденію перваго ребенка. Если у цѣлаго ряда народовъ (въ томъ числѣ у многихъ изъ русскихъ инородцевъ) женщина перестаетъ быть дѣвушкой не со дня вступленія въ замужество, а со дня рожденія перваго ребенка или со времени наступленія первой беременности и только тогда надѣваетъ костюмъ замужней женщины вмѣ-

сто прежняго дѣвичьяго, то вполнѣ понятно, что индѣецъ Южной Америки тоже пріурочиваетъ для мужчины переходъ въ классъ взрослыхъ людей не къ наступленію физической зрѣлости, а къ рожденію перваго ребенка. Подтвержденіемъ правильности нашего вывода является и то, что у Плосса нѣтъ ни одного примѣра того, чтобы мальчики при наступленіи зрѣлости подвергались какимъ-нибудь церемоніямъ у тѣхъ народовъ, гдѣ происходятъ постъ и истязанія отца при рожденіи перваго ребенка; у этихъ народовъ такія церемоніи распространяются только на дѣвочекъ, но зато истязанія, которымъ онѣ подвергаются, вполнѣ аналогичны истязаніямъ отца при кувадѣ.

Теперь третья группа явленій, кувада въ узкомъ смыслѣ этого слова или мужскіе роды, когда отецъ ложится въ постель, принимаетъ поздравленія и какъ бы изображаетъ изъ себя роженицу. Самъ по себѣ фактъ лежанія въ постели говоритъ очень мало; если бы мужскіе роды ограничивались только имъ, тогда ихъ легко можно было бы свести даже къ діэтѣ мужа и объяснить съ одной стороны желаніемъ избѣжать утомленія въ интересахъ ребенка, а съ другой тѣмъ, что вынужденный бездѣйствовать отецъ отъ нечего дѣлать ложится въ постель. Еще легче мужскіе роды можно было бы связать съ постомъ и истязаніемъ отца. Уже самый постъ требуетъ, чтобы постящійся человѣкъ дѣлалъ какъ можно меньше движеній, чтобы сократить по возможности расходы организма, а кромѣ того лежаніе въ постели, иногда даже въ связанномъ видѣ, составляетъ, какъ мы видѣли, очень существенную часть церемоній, справляемыхъ по достиженіи молодыми людьми зрѣлаго возраста. Мы признали аналогичность другихъ частностей этихъ церемоній тѣмъ подробностямъ, которыя наблюдаются при кувадѣ, признали даже аналогичность самой кувады этимъ церемоніямъ, такъ что, казалось, слѣдовало бы отождествить и эту послѣднюю черту и признать лежаніе въ постели при кувадѣ аналогичнымъ лежанію въ постели при переходѣ изъ дѣтскаго возраста во взрослый. Отъ этого вывода насъ останавливаютъ только два обстоятельства. Во-первыхъ, отецъ ложится въ постель иногда и у такихъ народовъ, которые справляютъ извѣстными обрядами переходъ мальчика въ классъ взрослыхъ людей, хотя, правда, число такихъ случаевъ не велико. Во-вторыхъ, путешественники, описывающіе мужскіе роды, даютъ при этомъ такія подробности, которыя очень плохо вяжутся съ постомъ и истязаніемъ отца; именно, какъ только отецъ ложится въ постель, къ нему

сходятся сосѣди съ поздравленіями, даютъ ему иногда особую питательную пищу и ухаживаютъ какъ за больнымъ; самъ отецъ иногда испускаетъ крики, лежитъ въ непристойной позѣ и даже подражаетъ родовымъ конвульсіямъ. Въ виду этихъ подробностей мы не считаемъ себя въ правѣ отождествить мужскіе роды съ постомъ и истязаніями отца и предпочитаемъ пока оставить вопросъ открытымъ. Значеніе лежанія въ постели при церемоніяхъ, сопровождающихъ достиженіе зрѣлаго возроста, намъ совсѣмъ неясно, а потому трудно высказать какое-нибудь опредѣленное мнѣніе относительно роли этого обряда и въ другихъ случаяхъ. Несомнѣнно одно, что тѣ попытки объясненія кувады, которыя имѣютъ въ виду именно «мужскіе роды», страдаютъ важными недочетами. Теорія Баховена [1]) принятая очень многими изслѣдователями [2]) и объясняющая куваду какъ подражаніе родамъ, необходимое для того, чтобы установить родство между отцомъ и ребенкомъ, находится въ самомъ вопіющемъ противорѣчіи съ фактами и вполнѣ заслуживаетъ рѣзкій отзывъ Даргуна, который говоритъ: «почти непонятно, какъ первоклассные изслѣдователи могли развивать или принимать подобное объясненіе. Кувада, правда, настолько похожа на обычное въ цивилизованныхъ странахъ послѣродовое лежаніе (Wochenbett), что всякій замѣтитъ это съ перваго взгляда. Но тѣмъ народамъ, у которыхъ въ полномъ ходу мужскіе роды, послѣродовое лежаніе женщины обыкновенно такъ же мало извѣстно, какъ и крестьянкамъ многихъ мѣстностей Европы. Если бы кувада была подражаніемъ послѣродовому лежанію, то прежде всего должно было бы существовать послѣднее. А такъ какъ послѣродового лежанія нѣтъ, то прямо абсурдно объявлять куваду копіей или «снимкомъ» съ поведенія роженицы. Всѣ разсказы согласны въ томъ, что у большинства естественныхъ народовъ женщины прямо послѣ родовъ приступаютъ къ своимъ обыкновеннымъ занятіямъ; обыкновенно это даже особенно подчеркивается, какъ интересная противоположность кувадѣ» [3]). Немного помогутъ и тѣ видоизмѣненія, которыя сдѣланы Летурно [4]). Онъ думаетъ, что кувада своими

---

1) Bachofen. Mutterrecht (2 изд.) § 116.

2) Girand Teulon, Wilken, M. Ковалевскій и др.; къ этому же мнѣнію присоединился и Тэйлоръ, отказавшись отъ своего прежняго объясненія кувады.

3) L. Dargun. Mutterrecht und Vaterrecht, S. 20.

4) Ch. Letourneau. L'évolution du mariage et de la famille, p. 398.

рѣзкими и бросающимися въ глаза формами должна была закрѣпить въ памяти членовъ племени фактъ рожденія ребенка отъ даннаго отца и, такъ сказать, замѣнить наши метрическія книги. Очевидно, что кувада не могла быть придумана съ этой цѣлью, такъ какъ мы не знаемъ ни одного примѣра, гдѣ бы дикари совершали какія-нибудь непонятныя вещи только ради того, чтобы удержать въ памяти извѣстное событіе. Самое большее, что указываемая Летурно сторона кувады могла быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ причиной сохраненія и продолженія кувады, да и то это сомнительно; возникновеніе же этого явленія такимъ путемъ необъяснимо. Наконецъ, мы имѣемъ еще попытку объяснить мужскіе роды, попытку сдѣланную г. Рѣдько. Указавъ на нѣсколько случаевъ, когда вмѣсто жены родовыя боли чувствуетъ мужъ, и констатировавъ существованіе (правда только въ Россіи) повѣрья о возможности такого перехода родовыхъ страданій съ роженицы на мужа, онъ приходитъ къ выводу, что въ кувадѣ «мы имѣемъ дѣло съ переходомъ страданій родильницы на ея мужа. Какъ логическій результатъ—усвоеніе, въ большей или меньшей степени, поведенія свойственнаго родильницѣ-женщинѣ» [1]). Правда, отдѣльные подобные случаи вполнѣ возможны, такъ какъ психологія знаетъ много примѣровъ, когда подъ вліяніемъ какого-нибудь внушенія человѣкъ чувствуетъ несуществующую боль и, наоборотъ, не ощущаетъ самаго реальнаго страданія, но чтобы у многихъ народовъ женщины перестали, какъ общее правило, ощущать родовыя боли и чтобы эти боли сдѣлались, наоборотъ, достояніемъ мужчинъ, чего-нибудь подобнаго психологія совершенно не знаетъ, и потому такой невѣроятный фактъ можно было бы принять только въ томъ случаѣ, если бы онъ былъ констатированъ несомнѣнными и прямыми доказательствами. Приходить къ подобнымъ выводамъ путемъ косвенныхъ доказательствъ даже болѣе обильныхъ, чѣмъ у г. Рѣдько,—пріемъ слишкомъ рискованный.

Мы до сихъ поръ нарочно ничего не говорили о томъ фактѣ, который побудилъ Тэйлора отказаться отъ своего прежняго объясненія кувады и присоединиться къ мнѣнію Бахофена, а именно о признаніи сосуществованія между кувадой и переходной эпохой отъ материнскаго права къ отцовскому. Изъ 28 случаевъ кувады, извѣстныхъ Тэйлору, 20 относятся къ переходному моменту, а 8 къ періоду отцовскаго права. Эпоха материнскаго права не знаетъ ни одного слу-

[1]) А. Рѣдько, loc. cit., стр. 103; ср. стр. 107—108.

чая кувады [1]). За этимъ фактомъ трудно признать рѣшающее значеніе уже потому, что точность его отчасти подлежитъ сомнѣнію. Старке (стр. 49) приводитъ два примѣра сосуществованія кувады съ материнскимъ правомъ (arowakes и macusis), и что ужъ совсѣмъ непонятно, эти примѣры прекрасно извѣстны самому Тэйлору, такъ какъ въ прежнія времена онъ приводилъ именно материнское право у этихъ же самыхъ arowakes и macusis, какъ аргументъ противъ теоріи Бахофена [2]). Да и помимо этого, будь даже фактъ сосуществованія кувады съ переходной эпохой констатированъ вполнѣ точно, онъ все же говоритъ очень мало, т. к. совмѣстимъ съ любымъ объясненіемъ кувады. Липпертъ, несогласный съ теоріей Бахофена, тѣмъ не менѣе пріурочиваетъ ее къ эпохѣ замѣны материнскаго права отцовскимъ, то же дѣлаетъ и Леббокъ, раздѣляющій прежніе взгляды Тэйлора. Дѣйствительно, если матерински-правовые народы не связываютъ съ рожденіемъ ребенка никакихъ обязательствъ для отца, то это вполнѣ понятно, потому что въ эту эпоху придается слишкомъ мало значенія отношеніямъ между отцомъ и ребенкомъ. Не имѣя правъ на ребенка, отецъ не станетъ принимать и мѣръ, направленныхъ къ благополучію этого ребенка, тѣмъ болѣе, что для самого отца эти мѣры болѣе или менѣе стѣснительны. Точно такъ же, пока родству отца съ сыномъ придается мало значенія, не имѣетъ смысла пріурочивать къ моменту рожденія ребенка переходъ отца въ классъ взрослыхъ людей. Сомнѣнія можетъ возбуждать только сравнительная рѣдкость кувады у отцовски-правовыхъ народовъ, но и эти сомнѣнія устранятся, если мы примемъ во вниманіе, что наиболѣе развита кувада у индѣйцевъ Южной Америки, а здѣсь относительное число отцовски-правовыхъ народовъ гораздо меньше, чѣмъ для всего человѣчества. Тэйлору слѣдовало бы провѣрить свой выводъ на однихъ южно-американскихъ народахъ, тѣмъ болѣе, что во многихъ случаяхъ кувады (у иберійцевъ, корсиканцевъ, тибареновъ, въ Карнданданѣ) внѣ Америки мы такъ и не знаемъ въ точности, принадлежатъ ли они народамъ, живущимъ въ материнскомъ правѣ, или уже вступившимъ въ переходный періодъ, или же, наконецъ, вполнѣ перешедшимъ къ отцовскому праву.

А. Н. Максимовъ.

---

[1]) Э. Тайлоръ. О методѣ изслѣдованія развитія учрежденій. Этн. Об. V, 12—13. Напомнимъ кстати, что, по вычисленіямъ, половина народовъ живетъ въ отцовскомъ правѣ, немного больше четверти въ переходномъ періодѣ и нѣсколько меньше четверти въ материнскомъ правѣ.

[2]) Tylor. Researches into the early history of mankind.

Грамотность въ горахъ Дагестана.

На всемъ Кавказскомъ перешейкѣ трудно подыскать страну, столь мало извѣстную читающей публикѣ, какъ Дагестанская область; между тѣмъ, она представляетъ во многихъ отношеніяхъ весьма интересный уголокъ не только на Кавказѣ, но и во всей Европѣ. Стоитъ взглянуть на ея орографическій и геологическій характеръ, хоть поверхностно ознакомиться съ различными языками жителей, ее населяющихъ, съ ихъ своеобразными обычаями, обрядами и разнообразными занятіями въ хозяйственныхъ и промышленныхъ отрасляхъ, чтобы убѣдиться въ справедливости моихъ словъ.

На небольшой территоріи [1]), занимаемой Дагестанской областью, сплотились около 30 различныхъ народностей, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ: «лезгины» [2]); каждая изъ этихъ народностей, населяя какой-нибудь округъ (уѣздъ) Нагорнаго-Дагестана или часть уѣзда, или всего 2—3 аула (селенія), живетъ почти совершенно изолированно отъ другихъ; занимается скотоводствомъ, садоводствомъ, пчеловодствомъ, шерстяными издѣліями [3]) и разными кустарными промыслами; кромѣ того, еще разрабатываетъ разбросанные по высокимъ горамъ и глубокимъ ущельямъ луга и пашни. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе трудности сообщеній черезъ высокія каменистыя скалы, которыми прорѣзана вся Дагестанская область, за исключеніемъ прибрежья Каспійскаго моря, составляющаго сѣверо-восточную часть Дагестана, обмѣнъ продуктовъ указанныхъ занятій идетъ крайне туго.

Вотъ объ этомъ заброшенномъ уголкѣ Кавказа я думаю сообщить кое-какія свѣдѣнія. Право назвать Дагестанскую область заброшеннымъ уголкомъ Кавказа даетъ мнѣ то, что для ея характеристики имѣется сравнительно мало литературныхъ источниковъ; хотя въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ можно встрѣтить кое какія свѣдѣнія о Дагестанѣ, но, къ сожалѣнію, и этотъ небольшой запасъ страдаетъ существенными недостатками: во-первыхъ онъ сообщенъ,

---

[1]) Поверхность Даг. обл. = 26.159 кв. в. или 2.724.358 дес. съ густотою населенія 234 чел. об. пола на кв. версту.

[2]) Сюда не входятъ кумыки и другія племена, живущія по берегамъ Каспійскаго моря.

[3]) Объ этомъ свидѣтельствуетъ отчетъ о Всероссійской художественно-промышленной выставкѣ 1882 г. (т. V стр. 103—110).

за немногими исключеніями, людьми мало знакомыми съ характеромъ мѣстности и съ основными чертами описываемыхъ ими народовъ; а во-вторыхъ, свѣдѣнія главнымъ образомъ относятся къ стратиграфіи Дагестана. Болѣе счастливый жребій палъ на долю Дагестана въ области изслѣдованія по лингвистикѣ. И дѣйствительно, въ этомъ отношеніи имѣются цѣлые ученые трактаты выдающихся ученыхъ дѣятелей, барона Услара, акад. Шифнера и другихъ..

Послѣ всего сказаннаго не могу не указать здѣсь на крайне несообразное и непонятное причисленіе Дагестанской области по административному дѣленію къ Закавказскому краю, несмотря на то, что вся эта область лежитъ по сію (сѣверную) сторону главнаго Кавказскаго хребта. Та же участь постигла и часть Бакинской губер., весь Кубинскій уѣздъ.

Обращаю вниманіе на это въ нѣкоторыхъ случаяхъ весьма важное обстоятельство, потому что оно, во-первыхъ, рѣзко бросается въ глаза при осмотрѣ карты Кавказа, а во-вторыхъ, ведетъ къ заблужденію и недоразумѣнію среди людей, сколько-нибудь заинтересованныхъ Дагестанской областью. Со словами «Закавказье» и «Сѣверный Кавказъ» связано понятіе о тѣхъ или другихъ частяхъ Кавказскаго перешейка, расположенныхъ къ сѣверу или къ югу отъ главнаго хребта его. Позднее завоеваніе Дагестанской области русскими—фактъ не настолько важный, чтобы изъ-за этого причислять ее къ Закавказскому краю.

Изъ массы интересныхъ и любопытныхъ вопросовъ о Дагестанской области я выбралъ ученіе арабской грамоты и Корана Могамеди, такъ какъ въ настоящее время многочисленныя народности этого уголка сильно чувствуютъ недостатокъ въ азбукахъ, правильно поставленныхъ по отношенію преподаванія и соотвѣтствующихъ звукамъ ихъ языковъ; арабская же азбука, съ давнихъ поръ пустившая глубокіе корни среди дагестанскихъ горцевъ, далеко не выполняетъ этой задачи, кромѣ того, черезчуръ обильна над- и под-буквенными знаками, сильно испещряющими и затрудняющими письмо. Разобрать эту азбуку въ фонетическомъ отношеніи, указать на достоинства и недостатки ея—дѣло филологовъ, лингвистовъ, я же намѣчу здѣсь только методъ преподаванія ея въ горахъ Дагестана.

Въ первой половинѣ VIII вѣка, во время могущества халифовъ, юго-восточныя части Кавказскаго перешейка находились подъ властью арабовъ; халифы назначали для управленія ими своихъ намѣстниковъ, которые нерѣдко порабощали завоеванныя ими племена, брали съ нихъ натурою непосильную дань и въ концѣ концовъ обращали ихъ въ исламъ.

Арабскій полководецъ Абу-Муссимъ, укрѣпившись въ Дербентѣ, въ то время главномъ городѣ Дагестана, быстро одно за другимъ покорилъ всѣ племена, населявшія эту страну, а въ 733 году поставилъ тамъ своихъ правителей, между которыми въ Казикумухъ былъ назначенъ Шахъ-Баалъ, отъ имени котораго, какъ полагаютъ,

произошла династія Шамхаловъ, столь извѣстная въ настоящее время среди дагестанцевъ. Въ продолженіе среднихъ вѣковъ о Дагестанѣ и судьбѣ его горцевъ неизвѣстно почти ничего, а если даже изрѣдка и встрѣчаются кое-какія смутныя указанія, относящіяся исключительно къ ихъ военной жизни, то они не даютъ никакого понятія о томъ, сохранили ли горцы исламъ, принесенный къ нимъ арабами, затѣмъ—кому они подчинялись или же жили независимо.

Въ пользу послѣдняго есть указанія, свидѣтельствующія, что горцы (лезгины) нападали на сосѣднія страны, грабили ихъ, затѣмъ укрывались въ своихъ непроходимыхъ горахъ. Съ XVI столѣтія до окончательнаго завоеванія Дагестана русскими въ 1859 году, когда былъ взятъ Шамиль, имамъ Дагестана, каждая изъ многочисленныхъ подгруппъ лезгинскаго племени занимала извѣстную часть Нагорнаго-Дагестана, имѣла избранныхъ изъ своей среды хановъ, т.-е. правителей. Ханы управляли народомъ, рѣшали спорныя дѣла, и каждый самостоятельно, независимо отъ другихъ хановъ, могъ вести войны съ сосѣдними племенами или заключать съ ними миръ и вступать въ союзъ. Время это было самое тяжелое для народа: не было конца междоусобнымъ войнамъ, каждый ханъ хотѣлъ расширить свое владѣніе насчетъ другого и подчинить его себѣ. Такое раздробленіе Дагестана на мелкія ханства и вражда между его ханами какъ нельзя лучше благопріятствовали вторженію сюда турокъ, персовъ, грузинъ и русскихъ. Дагестанъ въ то время служилъ театромъ войны у восточныхъ народовъ: горныя рѣчки превратились въ кровавые потоки, темныя глубокія ущелья переполнились трупами правовѣрныхъ лезгиновъ, храбро защищавшихъ свою самостоятельность; больше всего пострадали они отъ персидскаго царя Шахъ-Надыра, пролетѣвшаго по Кавказу, какъ огненный метеоръ, предавая огню и мечу все встрѣчаемое имъ по пути; грозный шахъ не щадилъ ни грудныхъ дѣтей, ни сѣдыхъ стариковъ, стоявшихъ у гробовой доски.

Въ 40 и 50 годахъ настоящаго столѣтія Шамиль, которому въ то время подчинялась вся Дагестанская область, части нынѣшнихъ губерній: Тифлисской, Елизаветпольской, Бакинской, Терской области и Закатальскаго округа, всячески старался сохранить въ народѣ чистоту арабскаго ученія; онъ, въ продолженіе 25-лѣтняго своего владычества надъ Дагестаномъ, энергически стремился къ уничтоженію суда по *адату*, т.-е. по обычаямъ, существовавшимъ въ Дагестанѣ еще до прихода арабовъ, а взамѣнъ этого пытался ввести во всей своей полнотѣ *шаріатъ*, т.-е. рѣшеніе дѣлъ по предписаніямъ Корана. Впрочемъ, многіе ученые муллы, разбиравшіе духовные вопросы, въ угоду имаму (Шамилю) допускали нѣкоторыя отступленія отъ шаріата; такъ, напримѣръ, по опредѣленію Корана всѣ правовѣрные магометане, гдѣ бы они ни были, должны молиться въ день пять разъ: первый разъ рано утромъ, часа за два до восхода солнца, второй—въ полдень, третій—предъ закатомъ солнца, четвертый—послѣ заката, при появленіи звѣзды, и, наконецъ, пятый—около 9—10

часовъ вечера; все это, съ сопряженными съ этимъ каждый разъ омовеніями рукъ, ногъ и лица, крайне тяжело и затруднительно во время войны, потому Шамиль, при осадѣ Салти русскими войсками, собралъ ученый совѣтъ и предложилъ имъ вопросъ: «можно ли въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ пріурочить исполненіе обязательныхъ молитвъ къ одному удобному времени, или же, во всякомъ случаѣ, должно совершать каждую молитву въ свое назначенное время?» Всѣ ученые единогласно отвѣтили: «Шаріатъ не допускаетъ пропускать молитву въ свое время». Тогда Закаллау, извѣстный ученый мулла въ Дагестанѣ, сказалъ Шамилю: «Можно, мой сынъ, можно соединять». Ему возразили, что въ Ибнъ-Гажарѣ (арабская книга) говорится: «нельзя». На это Закаллау отвѣтилъ довольно остроумно: «Если бы въ то время, когда авторъ этой книги писалъ сіи строки, налетали бы къ нему вотъ этакія штуки, указывая на летѣвшую тогда по воздуху бомбу, то повѣрь, твой авторъ написалъ бы, что не только можно соединять нѣсколько молитвъ въ одну, но прибавилъ бы еще, что при такихъ обстоятельствахъ даже цѣлый годъ можно совсѣмъ не молиться».

Сдѣлавъ такой краткій очеркъ характеристики Дагестана и принесенія туда ислама, я приступлю къ изложенію метода изученія арабской грамоты и Корана въ горахъ этой области; при этомъ буду имѣть въ виду однихъ лаковъ или казикумухцевъ, которые мнѣ наиболѣе знакомы; дѣлаю такое ограниченіе еще потому, что все, что будетъ сказано мною о казикумухцахъ, смѣло можно примѣнить и къ другимъ подгруппамъ лезгинскаго племени, вслѣдствіе общности этихъ народовъ, какъ въ этомъ, такъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ; отличія здѣсь черезчуръ мелки, детальны, и останавливаться на нихъ нѣтъ надобности.

Въ Казикумухскомъ округѣ ученіе арабской грамоты и Корана можно раздѣлить на два періода: въ первый періодъ учатся только ясно и свободно читать (безъ перевода на родной языкъ) одну священную книгу Коранъ и изучаютъ основные догматы магометанской вѣры. Большею частью ученики (99 изъ 100) этимъ и заканчиваютъ свое образованіе, если только одно *простое* умѣніе читать Коранъ можно назвать образованіемъ. Во второй періодъ приступаютъ къ болѣе или менѣе правильному разбору арабской грамматики и другихъ книгъ, преимущественно духовнаго содержанія.

Разсмотримъ тотъ и другой періодъ. Начнемъ съ перваго.

Каждый порядочный горецъ-семьянинъ считаетъ священнымъ долгомъ обучать дѣтей своихъ бѣглому и свободному чтенію Корана, чтобы они могли прочитывать каждое утро и вечеръ, оставаясь дома или идя къ могиламъ родителей и близкихъ родныхъ, по нѣскольку главъ выученнаго ими Корана. Обучаютъ главнымъ образомъ мальчиковъ, дѣвочки большею частью лишены возможности заниматься

изученіемъ Корана; обыкновенно только богатые люди, князья и ханы, обучаютъ и ихъ этой священной книгѣ.

Подобное отношеніе къ дѣвочкамъ среди казикумухцевъ, да и вообще всего лезгинскаго племени, вполнѣ понятно и естественно; иначе и быть не могло, такъ какъ дѣвочки здѣсь съ раннихъ лѣтъ являются помощницами хозяйки: убираютъ комнаты, присматриваютъ за грудными дѣтьми, помогаютъ матерямъ въ стряпнѣ, сопровождаютъ ихъ во всѣхъ полевыхъ работахъ, или остаются дома, чтобы съ помощью какой-нибудь доброй сосѣдки, которая въ этихъ случаяхъ пособляетъ имъ, приготовить и подать обѣдъ остающимся дома мужчинамъ семьи. Мужчины въ горахъ только въ рѣдкихъ случаяхъ принимаютъ участіе въ полевыхъ работахъ: пахать, косить и связывать вьюки вотъ ихъ дѣло; вся же остальная тяжесть въ высшей степени утомительныхъ полевыхъ и хозяйственныхъ занятій падаетъ цѣликомъ на голову женщинъ, созданныхъ, по мнѣнію казикумухцевъ, самимъ Богомъ для служенія перлу созданія, т. е. мужчинѣ. Поэтому-то мужчины во всемъ казикумухскомъ округѣ считаютъ оскорбительнымъ для себя работать вмѣстѣ съ женщинами одну и ту же работу или помогать имъ въ хозяйственныхъ занятіяхъ; кромѣ того, частыя войны съ сосѣдями заставляли ихъ быть въ каждую минуту наготовѣ, т. е. вооруженными, чтобы охранять свое имущество отъ нападенія чужеземцевъ и мюридовъ, которые въ критическіе моменты грабили и своихъ единовѣрцевъ.

Въ послѣднее время и многіе мальчики не могутъ обучатся Корану вслѣдствіе того, что имъ также съ раннихъ лѣтъ приходится въ качествѣ подмастерьевъ сопровождать своихъ отцовъ въ ихъ отхожихъ промыслахъ. Ежегодно изъ казикумухскаго округа ѣдутъ на заработки внѣ предѣловъ Дагестанской области около 12 тыс. мужчинъ.

Помимо указанныхъ обстоятельствъ, служащихъ помѣхой къ изученію Корана, не мало препятствуютъ этому еще помѣщенія (училища) учениковъ и сами учителя—муллы. Муллы, которымъ отдаютъ дѣтей на обученіе въ полное ихъ распоряженіе, буквально не подготовлены къ своей дѣятельности и не менѣе учениковъ своихъ нуждаются въ образованіи: многіе изъ нихъ, обладая красивымъ почеркомъ и бѣглымъ чтеніемъ Корана, мало-мальски научившись съ грѣхомъ пополамъ переводить арабскія книги и аккуратно посѣщая мечети во время службы, находятъ себѣ мѣста при мечети въ качествѣ дибира, т. е. священника, и тѣмъ самымъ, такъ сказать, пріобрѣтаютъ права открывать училище и принимать дѣтей.

Для открытія училища не требуется никакого труда и капитала; собственно говоря, училища въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово употребляется, вовсе не существуетъ во всемъ казикумухскомъ округѣ: мулла—единственное лицо въ учительскомъ персоналѣ—по своему усмотрѣнію отдѣляетъ для этой цѣли ту или другую заброшенную часть своего дома или просто какой-нибудь сарай. На этомъ я подробно остановлюсь нѣсколько позже, теперь же скажу кое-что о судь-

бѣ учениковъ, изучающихъ Коранъ; заранѣе спѣшу сдѣлать маленькую оговорку, что я буду говорить только о тѣхъ ученикахъ, которые заканчиваютъ свое образованіе заучиваніемъ читать Коранъ, не понимая его и самыхъ основныхъ началъ магометанской религіи. [1]) Кстати объ этихъ основныхъ началахъ религіи слѣдуетъ замѣтить, что они не всегда проходятся въ училищахъ у муллы; этому обучаютъ дѣтей сами родители.

Здѣсь на первомъ планѣ стоятъ вопросы: что даетъ такимъ ученикамъ въ смыслѣ ихъ будущности изученіе Корана? какими правами и преимуществами они пользуются по прохожденіи этой книги? занимаютъ ли они какія нибудь общественныя положенія? и наконецъ отличаются ли они по своему развитію хоть сколько-нибудь отъ другихъ лицъ, не обучавшихся Корану? На всѣ эти вопросы можно отвѣтить отрицательно. Если это такъ, если изученіе Корана не даетъ никакихъ правъ и преимуществъ и ничуть не расширяетъ кругозоръ умственнаго развитія (наоборотъ, притупляетъ свѣжій дѣтскій умъ) лицъ владѣющихъ чтеніемъ Корана, то спрашивается: чѣмъ объяснить все-таки довольно значительный процентъ дѣтей, изучающихъ его?

Несомнѣнно, причиной этому сильный религіозный фанатизмъ, господствующій въ Дагестанѣ надъ всѣми другими человѣческими проявленіями и страшно тормозящій прогрессъ среди горцевъ. Изъ сказаннаго мною вовсе не слѣдуетъ, что не нужно изучать Коранъ, напротивъ, каждому могометанину, тѣмъ болѣе цивилизованному, получившему европейское образованіе, необходимо знать и понимать свое евангеліе, т. е. Коранъ; но только ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ безтолково тратить столько времени (2—3 г.) на то, чтобы мальчикъ только выучился читать, не понимая того, что онъ читаетъ.

За послѣднее десятилѣтіе религіозная ненависть дагестанскихъ горцевъ ко всѣмъ прочимъ народностямъ не магометанскаго вѣроисповѣданія, которыхъ они называютъ общимъ именемъ „гяуры" (неправовѣрные, заблудшіеся), весьма сильно ослабѣла; это ослабленіе прежде всего замѣчается въ близкихъ торговыхъ, промышленныхъ и другихъ сношеніяхъ дагестанцевъ съ другими племенами неодинаковаго съ ними вѣроисповѣданія. Единственно тѣмъ же ослабленіемъ фанатизма можно объяснить замѣтное увеличеніе въ послѣдніе годы числа горцевъ, поступающихъ въ русскія среднія учебныя заведенія. Къ сожалѣнію, у меня сейчасъ нѣтъ подъ руками никакихъ цифровыхъ данныхъ, относящихся къ этому отрадному явленію въ жизни дагестанскихъ горцевъ, чтобы убѣдительнѣйшимъ образомъ фактически доказать сильное стремленіе ихъ къ русскому образованію. Недостатокъ же статистическаго матеріала не позволяетъ мнѣ

---

[1]) Замѣтимъ еще и то, что ученикъ, употребивъ часто на заучиваніе Корана года 2—3, не научается написать письмо ни на арабскомъ, ни на своемъ родномъ языкѣ.

констатировать еще и тотъ фактъ, въ существованіи котораго я не сомнѣваюсь, что послѣ завоеванія Дагестана русскими арабское ученіе начинаетъ падать здѣсь изъ года въ годъ, уступая свое мѣсто наиболѣе цѣлесообразному европейскому образованію. Что и само населеніе этой страны, если не поняло благотворное вліяніе названнаго образованія, то по крайней мѣрѣ видитъ въ немъ цѣлесообразность (средство для достиженія извѣстной цѣли—погоны), свидѣтельствуетъ Темиръ-Ханъ-Шуринское реальное училище. Въ началѣ 70 годовъ, когда оно было еше прогимназіей, горцевъ чуть ли не насильно упрашивали отдавать туда своихъ дѣтей для обученія на казенный счетъ; въ настоящее же время это единственное учебное заведеніе во всемъ Дагестанѣ, которое одно только можетъ хоть сколько-нибудь улучшить положеніе горцевъ и измѣнить ихъ устарѣлые взгляды, за неимѣніемъ средствъ (?) закрываетъ свои двери болѣе $^3/_4$ горцевъ, жаждущихъ образованія.

Коснувшись русскаго образованія среди дагестанскихъ горцевъ, не могу не упомянуть объ отрадномъ явленіи, замѣчаемомъ нынѣ въ Дагестанской области—это открытіе сельскихъ школъ исключительно для однихъ горцевъ. Въ настоящее время во всѣхъ, болѣе или менѣе населенныхъ, аулахъ имѣются такъ называемыя горскія школы; къ несчастью всѣ онѣ страдаютъ весьма крупнымъ и существеннымъ недостаткомъ: учителями этихъ школъ назначены лица, не знающія ни одного слова горскаго языка, на которомъ говорятъ ученики-горцы, вслѣдствіе чего учителя и ученики буквально не понимаютъ другъ друга; послѣдніе не могутъ усвоить не только примѣненія самыхъ элементарныхъ правилъ русской грамматики, но не понимаютъ даже и смысла этихъ правилъ, равно какъ и объясненій и разсказовъ учителей. Бываютъ случаи, что ученикъ отвѣчаетъ свой урокъ блистательно (на взглядъ учителя), но это еще не доказываетъ, знаетъ ли онъ его, понимаетъ ли, какъ слѣдуетъ. Онъ, привыкши безотчетно читать Коранъ, по тому же образцу заучиваетъ и правила русской грамматики. Для полноты своего изложенія мнѣ необходимо прежде, чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію методы изученія Корана, указать еще, какъ смотрятъ горцы на русское образованіе, что заставляетъ ихъ отдавать своихъ дѣтей въ русское учебное заведеніе. Въ большинствѣ случаевъ горецъ-отецъ, отдавшій сына своего въ какое-нибудь русское училище, не знаетъ, чему учатъ его тамъ; онъ думаетъ, что первымъ долгомъ его обучаютъ христіанской религіи (Евангелію), а затѣмъ уже преподаютъ и другіе предметы, по его мнѣнію, совершенно лишніе, кромѣ ружейныхъ пріемовъ, которые онъ также считаетъ входящими въ курсъ преподаванія. Несмотря на все это, отецъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что сынъ его рано или поздно пріѣдетъ къ нему на родину въ блестящемъ военномъ мундирѣ, съ желтыми погонами, представляющими въ глазахъ горца громадныя преимущества предъ бѣлыми, какіе бы эти послѣдніе ни были: под-

поручикъ съ желтыми погонами занимаетъ среди дагестанскихъ горцевъ болѣе почетное мѣсто, чѣмъ капитанъ съ бѣлыми, если бы даже этотъ послѣдній былъ военный докторъ съ университетскимъ образованіемъ и съ прекраснымъ содержаніемъ. Въ Дагестанѣ одни только инженеры могутъ конкуррировать съ армейскимъ офицеромъ въ желтыхъ погонахъ; горцы думаютъ, и не безъ основанія, что инженеръ неистощимый запасъ золота и серебра.

Ва Дагестанской области съ бѣлыми погонами ходятъ главнымъ образомъ только офицеры туземнаго конно-иррегулярнаго полка, получившіе офицерскіе чины за долгую и усердную службу русскому правительству или за храбрость, оказанную ими во время турецкой войны. Эти офицеры носятъ національный кавказскій костюмъ, получаютъ очень маленькое содержаніе, а самое главное—не командуютъ русскими солдатами, потому они и считаются стоящими несравненно ниже другихъ офицеровъ съ желтыми погонами, носящихъ военный мундиръ съ блестящими металлическими пуговицами и къ довершенію всего этого командующихъ ротою солдатъ.

Вотъ какими соображеніями руководствуется горецъ, отдавая своего сына въ русское училище; о способности его и успѣхахъ по предметамъ ученическаго курса онъ судитъ по разстоянію: чѣмъ дальше находится его сынъ отъ своей родины по направленію къ Петербургу или Москвѣ, слѣдовательно чѣмъ ближе къ этимъ послѣднимъ тотъ городъ, въ которомъ учится онъ, тѣмъ, по мнѣнію горца, выше или способнѣе его сынъ.

Иногда отецъ для повѣрки знаній своего сына задаетъ ему задачи: сколько иголокъ уложится по длинѣ отъ такого-то мѣста до такого? или сколько шаговъ отъ одного пункта до другого? По русскому языку спрашиваетъ: какъ называется (по-русски) такой-то предметъ? или, что значитъ такое-то русское слово? При этомъ и русское понимается въ самомъ широкомъ значеніи его: сюда входятъ не только мѣстныя (малороссійскія и другія), провинціальныя, техническія и другія спеціальныя слова, но также и иностранныя, вошедшія въ употребленіе въ русскомъ языкѣ, которыя горцы исковеркиваютъ страшнымъ образомъ. Однажды горецъ спросилъ меня:

— Что значитъ мурса?

— Не знаю, отвѣтилъ я.

— Столько лѣтъ учится русскому языку и до сихъ поръ не знаетъ, что такое мурса,—сказалъ онъ, обратившись къ другому горцу.

— Такого слова нѣтъ въ русскомъ языкѣ.—возразилъ я.

— Какъ нѣтъ!—вскипятился онъ.—Если ты отдашь или подаришь что нибудь какому нибудь господину, то что скажетъ онъ тебѣ?

— Спасибо.

— Нѣтъ, такъ только мужики говорятъ, а порядочный человѣкъ скажетъ мурса (merci).

Очертивъ такимъ образомъ взглядъ горцевъ на русское образова-

ніе, я обращусь опять къ разсмотрѣнію изученія Корана въ Казикумухскомъ округѣ. Было указано раньше, что дибиры (муллы, служащіе при мечети) принимаютъ дѣтей для обученія Корану. Во времена ханскаго правленія этихъ вольнонаемныхъ муллъ, кажется, обязывали обучать дѣтей Корану, нынѣ же они сами занимаются этимъ дѣломъ, находя его все же выгоднымъ для себя. Каждый мулла имѣетъ въ среднемъ числѣ около 40 учениковъ и ученицъ и получаетъ отъ каждаго ученика или ученицы, по прохожденіи имъ полнаго курса, продолжающагося иногда 2-3 года, чистыми деньгами отъ 2 р. 50 к. до 10 руб. Можетъ казаться страннымъ, почему мулла, получая такое мизерное вознагражденіе за свой трудъ, все же таки считаетъ выгоднымъ заниматься съ учениками каждый день съ ранняго утра до вечера?

Если принять во вниманіе бѣдность экономическихъ условій жизни въ Казикумухскомъ округѣ, неограниченную власть, данную муллами пользоваться учениками и ученицами, какъ рабочими силами, тотъ, въ общей сложности, немалый доходъ, который получаетъ мулла въ видѣ подарковъ отъ родителей учащихся, и наконецъ еще то, что помѣщеніе учениковъ и ученицъ ему обходится необыкновенно дешево (оно ничего не стоитъ ему),—тогда намъ станетъ ясно, почему мулла не перестаетъ и теперь заниматься обученіемъ дѣтей Корану. Мулла для помѣщенія учениковъ и ученицъ отдѣляетъ ту или другую половину своей скромной сакли; большею частью для этой цѣли онъ выбираетъ какой нибудь сарай или всего чаще узенькій, продолговатый дворъ, $^2/_3$ котораго находится подъ крышею. Такъ какъ послѣдняго рода помѣщеніе всего чаще встрѣчается, то я его и опишу.

По длинѣ всего двора, вдоль 2 противоположныхъ стѣнъ, вырыты канавы въ $^2/_3$ аршина ширины и столько же глубины. Дно выстлано соломой или сѣномъ, чтобы грѣть ноги учениковъ, сидящихъ въ этихъ канавахъ спиною къ прилегающей стѣнѣ. Предъ учениками, по длинѣ всей канавы, тянется сплошное невысокое возвышеніе, обложенное сверху большими каменными плитами, на которыя ученики во время занятія могутъ класть свои книги. Въ неурочные часы книги оставляются въ маленькихъ четыреугольныхъ ямкахъ, сдѣланныхъ тутъ же въ стѣнѣ, къ которой ученики упираются спиной, сидя на своихъ мѣстахъ. По такой канавѣ мулла размѣщаетъ учениковъ въ слѣдующемъ порядкѣ: на одномъ концѣ канавы, ближе къ воротамъ, сажаетъ самаго младшаго (наименѣе способнаго), по другую сторону отъ этого, на противоположномъ концѣ той же канавы, помѣщаетъ наиболѣе способнаго (самаго старшаго), а всѣхъ остальныхъ располагаетъ между этими двумя учениками, смотря по старшинству, ближе къ первому или ко второму.

Такъ какъ каждый мулла кромѣ учениковъ имѣетъ въ то же время и ученицъ, то онъ для этихъ послѣднихъ назначаетъ другую канаву, вырытую также вдоль стѣны противоположной первой, у которой си-

дятъ ученики; она снабжена такими же приспособленіями, какъ для учениковъ; порядокъ размѣщенія ученицъ по канавѣ также ничѣмъ не отличается отъ порядка размѣщенія учениковъ; дворъ муллы-учителя съ двухъ сторонъ представляется занятымъ учениками и ученицами, сидящими вдоль стѣнъ, одни противъ другихъ, лицомъ къ лицу. Вслѣдствіе такого ихъ положенія, между ними проходитъ всякій, кто имѣетъ надобность къ муллѣ и его семьѣ; кромѣ того, посреди учащихся неизбѣжно долженъ пройти весь домашній скотъ муллы. Не трудно представить себѣ, какія прелестныя картины открываются ученикамъ и ученицамъ во время ихъ занятій. Въ холодные зимніе дни ученики и ученицы должны приносить изъ дома кизяки и дрова, чтобы развести среди двора большой костеръ и, сидя вокругъ него, учить свои уроки; а въ ясные теплые дни мулла перемѣщаетъ учениковъ и ученицъ на плоскую крышу своей сакли.

Разсмотримъ, каково и это, такъ сказать, временное училище.

Во всемъ Казикумухскомъ округѣ по краямъ крышъ складываютъ правильно сложенныя кучи кизяковъ; онѣ, имѣя $^2/_3$ аршина въ толщину (толщина стѣнъ) и $2^1/_2$ въ высоту, составляютъ продолженіе наружныхъ стѣнъ зданія и окружаютъ такимъ образомъ крышу его обыкновенно съ трехъ сторонъ; только южную или восточную часть оставляютъ открытою, т. е. здѣсь не складываютъ кучъ кизяковъ. На крыши кладутъ также дрова и сѣно; при этомъ поступаютъ такъ: два домовладѣльца, живущіе на одной улицѣ, одинъ какъ разъ противъ другого, по обоюдному соглашенію перебрасываютъ черезъ улицу нѣсколько толстыхъ бревенъ на разстояніи около аршина одно отъ другого; бревна упираются одними концами на крышу одного домохозяина, другими—на крышу другого; поперекъ этихъ толстыхъ бревенъ ставятъ болѣе тонкія, затѣмъ уже сверху послѣднихъ накладываютъ сѣно или дрова. И каждый домохозяинъ занимаетъ ту половину, которая ближе къ нему. На такихъ крышахъ ученики и ученицы каждый отдѣльно сидятъ, поджавъ подъ себя ноги, какъ вообще сидятъ горцы, и прислонившись спиною къ кучамъ кизяковъ. Рядъ учениковъ почти смыкается съ рядомъ ученицъ; ихъ отдѣляетъ маленькое, никѣмъ не занятое пространство. Самъ учитель мулла помѣщается, сидя на маленькой горской табуреткѣ, или по срединѣ учениковъ и ученицъ, или на одномъ концѣ ихъ, или же въ крестообразномъ углубленіи, сдѣланномъ на стогѣ сѣна. Подобное помѣщеніе учениковъ и ученицъ на крышѣ хотя имѣетъ ту дѣйствительно выгодную сторону, что учащіеся находятся на свѣжемъ воздухѣ, но не лишено также своего рода прелестей. Во-первыхъ, нерѣдко вышеупомянутыя кизяковыя кучи вслѣдствіе тѣхъ или другихъ причинъ, отъ вѣтра или отъ сильнаго надавливанія на нихъ спинами учениковъ, обваливаются прямо на головы самихъ учениковъ, или на сосѣднюю улицу. Во время своей ученической жизни мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ одной такой картины; на этотъ разъ куча упала не на головы учениковъ, а на самого муллу, послѣ чего онъ проклялъ эту крышу со всѣми на-

ходящимися тамъ горючими матеріалами и больше никогда до конца своей жизни не пускалъ туда учениковъ и самъ не ходилъ.

Во-вторыхъ, лѣстница, по которой приходится влѣзать на крышу, деревянная, узкая, безъ перилъ, съ тонкими круглыми ступенями, едва удерживающими человѣческую тяжесть, такъ что каждый, идущій по ней, рискуетъ если не жизнью, то по крайней мѣрѣ получить сильный ушибъ. Лѣстница эта временная, ее можно снять во всякое время, чѣмъ и пользуется мулла, чтобы ученики не бѣгали изъ училища въ его отсутствіи. Несмотря на всѣ предосторожности, принимаемыя муллою, чтобы ученики самовольно не отлучались изъ училища, они очень часто бѣгутъ оттуда, въ особенности по четвергамъ (базарный или рыночный день въ Казикумухѣ). Въ такихъ случаяхъ мулла посылаетъ за виновниками полдюжины наиболѣе сильныхъ учениковъ привести ихъ къ нему и расправляется съ ними по своему: пускаетъ въ ходъ розги, оставляетъ на нѣсколько дней безъ обѣда, заставляетъ чистить дворъ (училище), посылаетъ по воду къ рѣчкѣ и т. д. Изъ этихъ наказаній самое тяжелое—это оставленіе безъ обѣда (послѣ предварительнаго угощенія розгами), потому что въ этомъ случаѣ ученикъ не отдѣлывается однимъ наказаніемъ муллы, ему и дома достается отъ отца не меньше, чѣмъ отъ муллы. Мулла можетъ заставить, и очень часто заставляетъ, работать своихъ учениковъ и ученицъ не въ видѣ наказанія, а просто по своему желанію; потому они помогаютъ ему молотить хлѣбъ на току, утрамбовывать и укладывать сѣно въ сарай, очищать крышу и дворъ отъ снѣга. Кромѣ того, онъ посылаетъ кого нибудь изъ учащихся пѣшкомъ за 15—20 верстъ съ порученіемъ въ какой нибудь аулъ, такъ что мулла страшнымъ образомъ эксплуатируетъ своихъ учениковъ и ученицъ: захочетъ—занимается съ ними, не заблагоразсудится ему—не станетъ, и вмѣсто занятія заставитъ учащихся работать какую нибудь утомительную физическую работу, и никто изъ родителей не вздумаетъ препятствовать муллѣ обращать учениковъ въ чернорабочихъ.

Каждый, желающій отдать сына своего или дочь для обученія Корану, приходитъ во всякое время къ муллѣ вмѣстѣ съ сыномъ. Отъ новопоступающаго ученика не спрашивается никакихъ бумагъ и свидѣтельствъ: ни метрическаго, ни о привитіи оспы, ни о званіи и состояніи отца; не требуется также, чтобы отецъ подалъ какое нибудь письменное заявленіе о своемъ желаніи помѣстить сына или дочь въ училище. Все это замѣняется дружественной бесѣдой муллы съ отцомъ новопоступающаго ученика и тѣмъ подаркомъ, который дѣлаетъ этотъ послѣдній при этомъ муллѣ. На этотъ подарокъ ни въ какомъ случаѣ нельзя смотрѣть, какъ на средство избавленія отъ документовъ и свидѣтельствъ, которые у большинства горцевъ совсѣмъ не имѣются. Отецъ, подойдя къ муллѣ, привѣтствуетъ его обычными словами: «саламун — алайкум» (здравствуй)!—«Воалай-куму салам» (здравствуй и ты), добро пожаловать, отвѣчаетъ мулла, и крѣпко жметъ ему руку.

Потомъ слѣдуютъ взаимные разспросы о житьѣ-бытьѣ и здоровьѣ всѣхъ членовъ семьи. Затѣмъ мулла тутъ же записываетъ крупнымъ шрифтомъ арабскую азбуку на продолговатой четырехугольной дощечкѣ. За этимъ мулла, попросивъ новопоступающаго ученика слѣдить за нимъ, нѣсколько разъ тихо и отчетливо произноситъ каждую букву азбуки, а затѣмъ заставляетъ его вслѣдъ за собой повторять каждую букву такъ, какъ выговариваетъ ее самъ мулла. Когда такимъ образомъ новопоступающій ученикъ трехкратно прочтетъ всю арабскую азбуку, мулла вручаетъ ему упомянутую дощечку и сажаетъ его на самомъ послѣднемъ краю канавы. Этимъ кончается пріемъ ученика. Тогда отецъ крѣпкимъ пожатіемъ руки благодаритъ муллу, проситъ его бить и наказывать сына, если онъ будетъ плохо заниматься, и самъ, строгимъ взглядомъ внушивъ сыну во всемъ слушаться муллы, уходитъ домой.

Когда ученикъ пройдетъ арабскую азбуку со всевозможными способами перестановки и сочетанія ея буквъ, тогда онъ приступаетъ къ изученію Корана, написаннаго также на арабскомъ языкѣ. Прежде, чѣмъ разсмотрѣть изученіе Корана, для пониманія дальнѣйшаго изложенія необходимо сказать нѣсколько словъ о подраздѣленіяхъ этой книги.

Коранъ, состоящій изъ CXIV отдѣльныхъ главъ, посвященныхъ тому или другому случаю человѣческой жизни, раздѣляется на 31 джузовъ, т. е. частей или книжекъ. Всѣ они по своей величинѣ или объему почти одинаковы, только число главъ, входящихъ въ составъ ихъ, различно; такъ, напримѣръ, одинъ джузъ имѣетъ болѣе 30 главъ а другой—составляетъ всего третью часть одной главы; затѣмъ конецъ (послѣнія страницы или строки) одной главы составляютъ начало джуза, а начало другой главы—конецъ его. Коранъ, состоящій изъ 31 отдѣльныхъ джузовъ, можно встрѣтить во всѣхъ мечетяхъ Казакумухскаго округа; мечеть пріобрѣтаетъ его для того, чтобы раздавать при похоронахъ на кладбищѣ каждому читающему мужчинѣ по одному джузу, за что прочитавшій такой джузъ получаетъ отъ 10 до 20 коп. сер. или $^1/_2$ аршина какой-нибудь матеріи.

Изъ всѣхъ 31 джузовъ богатъ множествомъ отдѣльныхъ мелкихъ главъ послѣдній *Асима* джузъ, почему изученіе Корана и начинается съ него, т. е. съ конца Корана. Этотъ и слѣдующій за нимъ *Табарака* джузъ ученики проходятъ по складамъ. Когда такимъ образомъ они основательно ознакомятся съ арабской азбукой, мулла позволяетъ имъ учить остальную часть Корана, прочитывая каждую главу по нѣсколько разъ до тѣхъ поръ, пока ученикъ не будетъ въ состояніи совершенно свободно и бѣгло читать ее, при чемъ ученикъ не понимаетъ ни одного слова изъ пройденнаго Корана: перевода Корана мулла имъ не дѣлаетъ, считая это противобожественнымъ, поэтому ученики заучиваютъ его просто читать какъ китайскую или какую нибудь другую непонятную имъ книгу. Можетъ казаться страннымъ: какъ это тамъ люди учатъ года 2 — 3 одну не-

большую книжку и въ концѣ концовъ ничего не понимаютъ изъ нея. Какъ бы это ни казалось страннымъ, въ дѣйствительности это такъ, и вдобавокъ еще къ этому они не научаются даже правильно читать Коранъ. Впрочемъ этого и слѣдовало ожидать, это само собою вытекаетъ изъ перваго, какъ слѣдствіе изъ причинъ безтолковаго заучиванія Корана. И въ самомъ дѣлѣ, спрашивается: можетъ ли горецъ, говорящій только на своемъ картавомъ языкѣ и не знающій ни одного слова арабскаго, на которомъ написанъ Коранъ, научиться правильно читать эту книгу? Мнѣ кажется, нѣтъ. Я даже могу это сказать съ увѣренностью, потому что лица (не горцы), умѣющія переводить Коранъ, не понимаютъ его, когда читаетъ его горецъ. Между тѣмъ каждый горецъ - отецъ готовъ отдать свои послѣднія трудовыя копейки, чтобы сынъ его зналъ хоть просто читать эту священную книгу.

За обученіе Корана учитель мулла, какъ я сказалъ, получаетъ отъ каждаго ученика или ученицы чистыми деньгами отъ 2 р. 50 к. до 10 руб., кромѣ того тѣми или другими вещами или хорошимъ кушаньемъ родители учащихся дѣлаютъ ему подарки еще при слѣдующихъ случаяхъ:

1) Когда ученикъ пройдетъ арабскую азбуку и приступитъ къ изученію собственно Корана.

2) Когда онъ дойдетъ до третьей главы Корана „Кольпу", считая снизу или съ конца Корана, такъ какъ обученіе его начинается съ конца.

3) Когда выучитъ бѣгло читать I Асима и II Табарака джузъ (опять считая съ конца).

4) Когда пройдетъ 1/4, 1/2 и 3/4 Корана.

5) И наконецъ наиболѣе цѣнный подарокъ получаетъ мулла, когда ученикъ совсѣмъ кончитъ курсъ ученія Корана, который состоитъ въ томъ, что нужно прочесть Коранъ извѣстное число разъ отъ начала до конца и обратно: разъ съ помощью учителя муллы, а другіе раза—обращаясь къ нему за разъясненіемъ въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

Въ училищахъ ученіе начинается съ ранняго утра, часомъ раньше восхода солнца, и продолжается вплоть до сумерекъ съ двумя маленькими перерывами (одинъ на завтракъ, спустя часа два послѣ восхода солнца, другой—ровно въ полдень).

Начало и конецъ ученія опредѣляется не по часамъ, которыхъ горцы, въ особенности муллы, за рѣдкими исключеніями, совсѣмъ не носятъ или по крайней мѣрѣ не носили лѣтъ 15 тому назадъ, а возможностью разобрать безъ освѣщенія арабскія рукописныя книги.

Муллы до сихъ поръ считаютъ ношеніе часовъ черезъ шею на цѣпочкѣ или снуркѣ подобіемъ ношенія креста, потому и избѣгаютъ ихъ употреблять; а если даже и носятъ, то кладутъ ихъ въ боковой карманъ безъ цѣпочки. Уроки, которые ученики должны тутъ же въ училищѣ приготовить и отвѣтить, задаются въ день три раза: пер-

вый разъ утромъ до отпуска на домъ къ завтраку; второй—въ полдень; третій—вечеромъ предъ окончаніемъ занятій. Ученикъ, неудовлетворительно отвѣтившій урокъ, лишается отпуска до тѣхъ поръ, пока онъ не выучитъ его. Спрашиваетъ и задаетъ уроки каждому ученику отдѣльно самъ мулла только тогда, когда у него есть на это совершенно свободное время. Обыкновенно съ учениками онъ занимается приблизительно только до 10 часовъ утра, а все остальное время онъ, то служа въ мечети, то вмѣстѣ съ населеніемъ разбирая какой нибудь общественный вопросъ, то занимаясь своимъ хозяйствомъ, никогда не просиживаетъ съ ними до конца занятій. Въ отсутствіи муллы его роль исполняетъ или жена, или сынъ, или дочь его, или же старшій изъ учениковъ, которые, пользуясь довѣріемъ муллы, страшно терзаютъ и мучатъ младшихъ учениковъ: бьютъ, колотятъ ихъ, выдергиваютъ волосы на вискахъ и т. д.

Задающій урокъ, будь онъ самъ мулла или лицо, которому онъ поручаетъ учениковъ въ своемъ отсутствіи, призываетъ къ себѣ каждаго ученика по порядку старшинства, спрашиваетъ старый урокъ, и, задавая каждому ученику отдѣльно новый, не объясняетъ ему ни содержанія, ни смысла урока, а слѣдитъ лишь только за бѣглымъ чтеніемъ. Послѣ каждаго такого задаванія и спрашиванія уроковъ муллѣ приходится дѣлать нѣкоторыя измѣненія въ размѣщеніи учениковъ по ихъ мѣстамъ: отставшаго отъ другихъ учениковъ отодвигать, перегнавшаго—передвигать къ наиболѣе способному (старшему) ученику, занимающему самое почетное мѣсто въ ряду, т.-е. сидящему во главѣ всѣхъ учениковъ.

Ученики приготовляютъ свои уроки, читая ихъ громко во все горло, при этомъ каждый старается по возможности сильнѣе качать голову и туловище, чтобы этимъ показать муллѣ свое усердіе; мулла, сидя на горской табуреткѣ съ длинной палкой въ рукѣ, слѣдитъ за учениками.

Какъ только кто нибудь изъ учениковъ кончитъ курсъ Корана—пройдетъ его одинъ разъ съ конца до начала, слѣдовательно, когда онъ произнесетъ послѣднее слово первой главы Корана, всѣ остальные ученики на перебой спѣшатъ къ родителямъ его сообщить имъ объ этомъ радостномъ извѣстіи. Мать или отецъ окончившаго курсъ Корана ученика даритъ вышитый золотомъ и серебромъ кисетъ тому, кто первый сообщитъ имъ объ этомъ извѣстіи, а остальнымъ ученикамъ раздаетъ фрукты. Затѣмъ ученики возвращаются обратно въ училище, берутъ толстое круглое бревно, сажаютъ на немъ верхомъ окончившаго курсъ товарища и съ шумомъ и крикомъ подъ звуки зурны везутъ его на-домъ; подойдя къ воротамъ дома, они требуютъ отъ родителей вынести къ нимъ цѣнный подарокъ сыну, благополучно окончившему курсъ Корана, и не ссаживаютъ своего товарища съ бревна до тѣхъ поръ, пока не удовлетворятъ ихъ требованія. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ родители дарятъ сыну въ полную его собственность хорошее старинное оружіе или добраго коня.

Ученики, какъ только исполнятъ ихъ требованіе, вносятъ своего товарища на рукахъ въ прекрасно убранную для нихъ комнату, гдѣ имъ задаютъ хорошій обѣдъ. Въ этотъ день домъ родителей счастливо окончившаго курсъ Корана принимаетъ самый праздничный видъ: въ немъ обѣдаютъ около 150 человѣкъ, кромѣ учениковъ и ученицъ, а по окончаніи обѣда начинаются національныя пѣсни и танцы „лезгинка".

Кончившему курсъ дается недѣля на отдыхъ, послѣ чего онъ снова долженъ ходить къ муллѣ мѣсяца полтора для повторенія пройденнаго, т.-е. напрактиковаться къ бѣглому чтенію Корана. Большая часть горцевъ этимъ и заканчиваетъ свое образованіе, только самая незначительная доля ихъ (около $1/2$ %) продолжаетъ образованіе еще дальше: кромѣ Корана, изучаютъ арабскую грамматику и нѣсколько другихъ книгъ, преимущественно духовнаго содержанія.

Туземецъ.

ИЗЪ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

VI [1]).

Этнографія и исторія.

(*Hans F. Helmolt. Weltgeschichte. Band I, стр. VII+630,8°, Leipzig u. Wien, 1899*).

На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ, что обширный томъ, носящій заглавіе „Всемірная исторія“, служитъ предметомъ обсужденія на страницахъ „Этнографическаго Обозрѣнія“, къ тому же въ отдѣлѣ западно-европейской *этнографической* литературы. Причина этого лежитъ въ самомъ характерѣ труда, изданнаго Гельмольтомъ, вѣрнѣе, въ его точкѣ зрѣнія на правильную постановку изученія исторіи человѣчества. Эта точка зрѣнія носитъ, если такъ можно выразиться, этнографо-географическій характеръ. Гельмольтъ отмѣчаетъ тѣснѣйшую связь исторіи съ этнографіей, ставитъ выводы послѣдней въ основу историческаго изученія, удѣляетъ научнымъ положеніямъ такъ называемой общей и спеціальной этнографіи слишкомъ выдающееся мѣсто, чтобы не признать вышеназванный трудъ по меньшей мѣрѣ одинаково интереснымъ и важнымъ какъ для историка, такъ и для этнографа.

Въ постановкѣ вопроса на этнографическую почву, въ утвержденіи, что исторія человѣчества не можетъ быть изучаема, если она претендуетъ на серьезность, внѣ этнографическихъ данныхъ и условій обстановки, заключается главный интересъ книги Гельмольта для этнографа. Къ его взглядамъ и высказываемымъ имъ положеніямъ мы перейдемъ ниже. Прежде всего необходимо сказать нѣсколько словъ о задачѣ самаго труда. Въ настоящій моментъ передъ нами только первый томъ обширной „Всемірной исторіи“. Естественно, что при новой постановкѣ вопроса одному лицу было бы не подъ

---

1) См. „Этногр. Обозр.“ XL—XLI.

силу рѣшать многочисленныя задачи, поставленныя во „Всемірной исторіи“ Гельмольта. Къ участію въ работѣ были приглашены по разнымъ вопросамъ многочисленные спеціалисты, одни имена которыхъ уже способны внушить интересъ къ новому изданію. Каждый крупный отдѣлъ перваго тома обработанъ отдѣльнымъ лицомъ: Колеръ, Ранке, Ратцель, Геблеръ и Вейле дали крупныя статьи, составляющія съ предисловіемъ и введеніемъ Гельмольта содержаніе обширнаго перваго тома. Не слѣдуетъ думать, чтобы разнообразіе авторовъ придавало книгѣ болѣе или менѣе пестрый характеръ; онъ замѣчается только въ стилѣ. Но всѣ статьи проникнуты одной мыслью, потому что всѣ авторы раздѣляютъ въ существенномъ точку зрѣнія издателя; вслѣдствіе этого вышедшій трудъ оставляетъ впечатлѣніе цѣльности.

Самый планъ этого обширнаго изданія, имѣющаго наполнить восемь томовъ, составленъ оригинально и во всякомъ случаѣ рѣзко отличается отъ обычныхъ пріемовъ расположенія матеріала въ трудахъ по „всеобщей“ исторіи. Мы слишкомъ свыклись, что исторія начинается съ зари жизни культурныхъ племенъ, съ Месопотаміи и береговъ Нила, и что затѣмъ изложеніе сосредоточивается на Европѣ. Остальныя народности вводятся или постольку, поскольку съ ними сталкивались европейцы, или соединяются съ исторіей Европы лишь механически. Въ изданіи Гельмольта исторія человѣчества начинается съ Америки, которая лишь весьма поздно примкнула къ исторіи Европы. Эта оригинальная постановка плана находитъ себѣ объясненіе въ слѣдующихъ соображеніяхъ Гельмольта, изложенныхъ имъ въ предисловіи: получивъ въ 1894 г. предложеніе отъ Библіографическаго Института выработать планъ изложенія всемірной исторіи, Гельмольтъ отчасти подъ вліяніемъ усвоенныхъ имъ точекъ зрѣнія Ратцеля рѣшилъ, что всеобщая исторія человѣчества должна въ настоящее время покоиться на другихъ основахъ, чѣмъ тѣ, которыя ей давались въ большинствѣ предшествующихъ трудовъ. Всемірная исторія не можетъ обойти молчаніемъ ни данныхъ доисторической археологіи, ни хода развитія такъ называемыхъ дикарей до ступени народностей полукультурныхъ. Эта задача могла быть рѣшена лишь подъ условіемъ расположенія матеріала съ точки зрѣнія этнографо-географической. За исходную точку Гельмольтъ рѣшился принять американскій материкъ: къ этому приводитъ его основная мысль, что исторія человѣчества можетъ быть начата не съ наиболѣе цивилизованныхъ народностей, а, наоборотъ, съ племенъ наименѣе культурныхъ. Сопоставляя этнографическую и географическую точки зрѣнія, Гельмольтъ приходитъ къ убѣжденію, что тихоокеанско-американская область наиболѣе характерна для изученія этого рода. Америка занимаетъ восточную, крайнюю часть этой области. Она, поэтому, болѣе всего пригодна для исходной точки всемірной исторіи человѣчества, если смотрѣть на послѣднее какъ на нѣчто цѣльное, а не ограничивать этотъ терминъ лишь такъ называемыми историческими расами.

Мы не отрицаемъ, что противъ этой точки зрѣнія можно сдѣлать не мало возраженій. Но разъ мы признаемъ правильность основного положенія Гельмольта, что изученіе исторіи человѣчества должно разсматривать послѣднее въ широкихъ предѣлахъ этнографо-географическихъ областей, придется одновременно признать, что выборъ Америки въ качествѣ исходнаго пункта оказывается довольно удачнымъ. Обширность материка, разнообразіе племенъ, а главное—фактъ, что эти племена и народности находятся на самыхъ разнообразныхъ ступеняхъ цивилизаціи, начиная отъ народностей еле знакомыхъ съ металлами и кончая развитыми представителями европейской культуры, далѣе, фактъ самостоятельнаго развитія американскихъ народностей отъ примитивныхъ стадій до созданія сравнительно цивилизованныхъ обширныхъ государственныхъ организмовъ и т. д., — все это даетъ этнографу и антропогеографу богатый и разнообразный матеріалъ для научныхъ изысканій и провѣрки научныхъ выводовъ, а для историка служитъ обширнымъ введеніемъ въ исторію человѣчества, позволяющимъ ему расширить научную перспективу своего предмета. Но, останавливаясь прежде всего на Америкѣ, издатель „Всемірной исторіи" спѣшитъ оговориться, что онъ не раздѣляетъ мнѣнія, будто американская культура хронологически древнѣе европейской, а тѣмъ менѣе склоненъ присоединиться къ непровѣренному выводу, высказываемому нѣкоторыми изслѣдователями Новаго Свѣта, будто въ американскомъ материкѣ слѣдуетъ искать колыбели человѣческаго рода. Первый томъ новаго труда посвященъ, такимъ образомъ, исторіи Америки. Слѣдующій томъ имѣетъ быть посвященнымъ Океаніи, восточной Азіи и области Индійскаго океана, третій — будетъ содержать исторію западной Азіи и Америки, четвертый будетъ посвященъ народностямъ средиземноморского бассейна, пятый — юговосточной Европѣ и славянскимъ народностямъ, шестой—германскимъ и романскимъ племенамъ, седьмой—исторіи Европы до 1800 г. и, наконецъ, восьмой — исторіи Европы въ XIX вѣкѣ съ добавленіемъ объ исторической роли Атлантическаго океана. Планъ изданія, такимъ образомъ, чрезвычайно широкій и имѣетъ въ виду дать читателю исторію человѣчества, а не монографію объ историческихъ судьбахъ ограниченнаго клочка земного шара.

Мы не имѣемъ въ виду давать критическую оцѣнку вышедшаго въ свѣтъ тома „Всемірной исторіи" Для этнографовъ главный интересъ заключается въ основной точкѣ зрѣнія Гельмольта о связи между исторіей и этнографіей. На изложеніи этой точки зрѣнія мы и остановимся. Съ ней можно познакомиться изъ обстоятельной статьи Гельмольта, представляющей введеніе къ 1-му тому и озаглавленной: „Предметъ и цѣли всемірной исторіи". Его положенія сводятся къ слѣдующему:

1) Въ настоящее время представляется возможнымъ думать объ осуществленіи мысли созданія всемірной исторіи. Къ этому привелъ прогрессъ знаній о бытѣ и жизни внѣевропейскихъ народностей.

Авторъ напоминаетъ, что для Катона вся исторія человѣчества ограничивалась исторіей Рима, что китайцы, благодаря тому же взгляду на судьбы человѣчества, называютъ свое отечество „срединнымъ царствомъ", что нѣмецкіе хронисты XIII вѣка ничего не могли сообщить о туркахъ, и наконецъ, что даже въ XVII вѣкѣ едва ли нашелся бы образованный европеецъ, признававшій Россію равноправнымъ членомъ историческихъ европейскихъ народовъ. Прогрессъ знаній сдѣлалъ невозможнымъ такую узкую постановку вопроса. Современная всеобщая исторія—это исторія развитія человѣчества, какъ единаго цѣлаго. Авторъ предвидитъ возраженіе, что въ настоящій моментъ нѣтъ еще достаточныхъ данныхъ для исполненія этой задачи, такъ какъ работа по собиранію необходимыхъ подготовительныхъ матеріаловъ еще не окончена Но нѣтъ основанія останавливаться передъ этимъ возраженіемъ: написать въ совершенствѣ исторію человѣчества—это идеалъ, который никогда не будетъ достигнутъ. Чѣмъ дальше подвигаются впередъ изслѣдованія, тѣмъ больше поднимается новыхъ неожиданныхъ вопросовъ, которые раскрываютъ новыя перспективы. Но къ исполненію труда, претендующаго только на значеніе предварительной работы для универсальной исторіи, накопилось достаточно матеріала.

2) Каждое историческое изученіе жизни обширныхъ людскихъ общежитій предполагаетъ знакомство съ методами изслѣдованія этнологіи, психологіи и физіологіи. Кто хочетъ заниматься исторіей человѣчества, не можетъ обойтись безъ выводовъ общей этнографіи (этнологіи). Безплодная задача – рѣзко разграничивать общую этнографію отъ исторіи, выключать ее изъ историческаго описанія. Появленіе историческаго повѣствованія не оказывается еще дѣйствительнымъ признакомъ перехода народности въ разрядъ „историческихъ". Принимая послѣдній признакъ, пришлось бы много народностей, игравшихъ видную роль въ исторіи культуры человѣчества, исключить изъ рамокъ исторіи. Въ человѣчествѣ не существуетъ народовъ, не имѣвшихъ исторіи. Гельмольтъ одинаково возстаетъ и противъ тѣхъ мыслителей, которые держатся мнѣнія, будто человѣческая цивилизація, достигшая въ Европѣ наиболѣе полнаго расцвѣта, предназначена къ распространенію европейскими народностями на все человѣчество, такъ и противъ тѣхъ, которые предвидятъ уничтоженіе особенностей цивилизаціи разныхъ культурныхъ странъ и наступленіе періода гармоніи и равенства въ культурѣ человѣчества. Эти „пророчества" не имѣютъ ничего общаго съ наукой. Наука не должна, по словамъ автора, увлекаться фантастическими построеніями. Чтобы избѣгнуть этого недостатка, историкъ долженъ принимать во вниманіе всѣ отрасли человѣчества, не исключая ни одной, только оттого, что она причисляется къ разряду „внѣисторическихъ". Чтобы возбудить интересъ историка, пишетъ Гельмольтъ, вовсе не требуется, чтобы народность исполняла блестящую роль на міровой сценѣ. Въ общей культурѣ человѣчества исчезаетъ только матеріальное; духовное достояніе, плодъ

человѣческой мысли не гибнетъ, несмотря на перемѣну исторической сцены. Такимъ образомъ, связь явленій міровой исторіи можетъ быть понята только благодаря изученію быта и хода развитія всѣхъ племенъ и народностей.

3) Гельмольтъ рѣзко выступаетъ противъ телеологической концепціи историческихъ событій: онъ считаетъ вообще неосмотрительнымъ подгонять исторію человѣчества къ телеологической философской теоріи. Эта послѣдняя всегда будетъ смотрѣть на явленія человѣческой жизни съ предвзятой точки зрѣнія, почему всякимъ предвзятымъ философскимъ теоріямъ въ историческихъ вопросахъ Гельмольтъ предпочитаетъ знаніе, основанное на опытѣ и точномъ, безпристрастномъ изученіи фактовъ. Исторія человѣчества, если она хочетъ быть научной, должна быть, если такъ можно выразиться, нейтральной; она же должна быть и по возможности полной. Вліяніе народностей другъ на друга совершалось многообразнымъ и подчасъ незамѣтнымъ путемъ. Но самый фактъ, что это взаимодѣйствіе имѣло мѣсто, что оно подвигалось самыми разнообразными путями приводитъ къ требованію, чтобы во „всеобщей исторіи“ не было пробѣловъ въ изложеніи, а отсюда вытекаетъ еще разъ необходимость ввести въ кругъ наблюденія такъ называемыя внѣисторическія и застывшія народности, безжизненныя и не давшія культурныхъ ростковъ племени. Авторъ еще готовъ извинить ошибку прежнихъ историковъ, именно исключеніе изъ круга изученія жителей острововъ Тихаго океана или негровъ, такъ какъ роль ихъ въ общемъ развитіи человѣчества была не блестяща, но онъ считаетъ совершенно непростительнымъ, что Индія и народности восточной Азіи исключались изъ программъ прежнихъ сочиненій или что исторія Америки начиналась избитыми заглавіями „Исторія открытій“ либо „Война за независимость“. Данныя общей и спеціальной этнографіи должны такимъ образомъ лечь въ основу исторіи, потому что безъ знанія ихъ невозможно понять историческій ходъ болѣе позднихъ временъ и болѣе высокой культуры.

4) Группировать матеріалъ для всеобщей исторіи, покоящейся на этнографической основѣ, можно или основываясь на дѣленіи по расамъ, или по культурнымъ ступенямъ, или по географическимъ районамъ. Гельмольтъ откидываетъ группировку по расамъ, такъ какъ всѣ существующія расы оказываются результатомъ смѣшенія и такъ какъ само понятіе о расѣ не достаточно точно опредѣлено. Онъ считаетъ также неудобной группировку по культурнымъ ступенямъ, такъ какъ это привело бы неизбѣжно къ раздробленности изложенія и къ частымъ повтореніямъ: пришлось бы переходить отъ Австраліи, Филиппинскихъ острововъ, Суматры, Цейлона, Андаманскихъ острововъ къ южной Африкѣ и южной Америкѣ. Для болѣе высокой ступени культуры пришлось бы изучать одновременно и племена крайняго Сѣвера, Кавказа, горныхъ частей Индіи и Полинезіи. Въ виду этого Гельмольтъ предпочитаетъ остановиться на

дѣленіи по географическимъ районамъ. Онъ дѣлаетъ это не только оттого, что географія—естественное основаніе для исторіи въ виду теснѣйшей связи населенія съ территоріей и вліянія на это населеніе географическихъ особенностей, среды, но и оттого, что при подобной классификаціи матеріала дается возможность ввести въ качествѣ объекта изученія всѣ народности, крупныя и мелкія, культурныя и некультурныя. Нами уже было указано, почему авторъ беретъ за исходную точку изложенія «всемірной исторіи» Америку и какого плана онъ намѣренъ держаться при дальнѣйшемъ изложеніи матеріала.

Авторъ не считаетъ себя, конечно, новаторомъ при постановкѣ вопроса изученія всеобщей исторіи на этнографо-географическую почву: онъ указываетъ на своихъ многочисленныхъ предшественниковъ, начиная съ древности. Но недостатокъ матеріала препятствовалъ имъ осуществить намѣченныя задачи съ желательной полнотой: это оказалось возможнымъ только за послѣднее время. Далѣе, Гельмольтъ не смотритъ на руководимое имъ изданіе, какъ на завершительную работу: накопится новый матеріалъ, откроются новыя перспективы—и научная мысль пойдетъ впередъ, но пойдетъ по пути, такъ надѣется Гельмольтъ, намѣченному его «Всемірной исторіей». Соглашаясь, что Гельмольтъ не можетъ быть признанъ ни новаторомъ въ дѣлѣ этнографо-географическаго изученія исторіи человѣчества, ни родоначальникомъ отстаиваемаго имъ направленія, мы, однако, не можемъ не отмѣтить, что представители новаго направленія впервые выступаютъ съ такимъ монументальнымъ трудомъ по исторіи всего человѣчества. Подобнымъ работамъ можно по справедливости придать нѣмецкій эпитетъ «bahnbrechend»—прокладывающимъ новые пути въ наукѣ, и уже мысль издать подобный трудъ по всеобщей исторіи свидѣтельствуетъ, что для исторической науки не прошли безслѣдно новѣйшія работы по общей и спеціальной этнографіи, доисторической археологіи, географіи и антропогеографіи.

Какъ отнесутся историки къ новому труду—вопросъ, который пока слѣдуетъ оставить открытымъ, хотя есть полное основаніе предполагать, что нѣкоторая часть историковъ будетъ привѣтствовать взгляды Гельмольта не менѣе, чѣмъ это могутъ сдѣлать этнографы. Географическія и этнографическія данныя чуть не съ древности оказывали нѣкоторое вліяніе на ходъ работы историковъ, при чемъ одни обращали преимущественно вниманіе на географическія условія и въ нихъ искали ключа къ выясненію историческихъ процессовъ; другіе, наоборотъ, принимали во вниманіе главнымъ образомъ этнографію и ставили своей задачей изученіе человѣчества по расамъ. Появившаяся за послѣднее время новая научная дисциплина, удачно названная Ратцелемъ антропогеографіей, изучающая вліяніе географическихъ условій на человѣка и изслѣдующая человѣка въ его обстановкѣ, опредѣляемой физическими свойствами среды, занимаетъ

мѣсто среднее между географіей и этнографіей. Антропогеографія успѣла уже обратить на себя вниманіе историковъ, хотя новизна самой антропогеографіи уже является причиной недостаточной выясненности ея значенія для цѣлей исторической науки.

Такимъ образомъ намѣтились въ числѣ прочихъ три теченія въ исторіи: географическое, этнографическое и антропогеографическое. Не входя въ разсмотрѣніе, какъ пользовались историки каждой изъ указанныхъ наукъ для своихъ цѣлей, какъ они понимали каждую изъ трехъ наукъ, мы ограничимся замѣчаніемъ, что Гельмольтъ уже въ томъ отношеніи дѣлаетъ шагъ впередъ сравнительно съ своими предшественниками, что ищетъ ключа къ объясненію исторіи одновременно во всѣхъ трехъ наукахъ: этнографіи, географіи и антропогеографіи,— онъ ставитъ ихъ въ основу всякаго историческаго изученія. Но этого мало: онъ понимаетъ этнографію значительно шире, чѣмъ это дѣлали историки, начиная съ Монтескье и Юма и кончая Гобино и Гельвальдомъ. Гельмольтъ не ставитъ, какъ мы это указывали, расу въ основу своего изученія, и поступаетъ тѣмъ правильнѣе, что вопросъ объ опредѣленіи расы въ ея естественно-историческомъ значеніи не входитъ въ кругъ занятій этнографовъ: это задача антропологовъ. Этнографія имѣетъ дѣло съ проявленіями культуры независимо отъ расы и стремится установить законы развитія человѣчества на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи. Въ этомъ значеніи понимаетъ этнографію и Гельмольтъ: онъ имѣетъ въ виду законы этнографіи, научные выводы ея и потому называетъ ее повсюду этнологіей—терминомъ, означающимъ законы, добытые благодаря описательному изученію отдѣльныхъ племенъ и народностей. Слово этнологія возникло, какъ извѣстно, въ качествѣ корректива термина этнографія, этимологическій составъ котораго заключаетъ въ себѣ понятіе объ описаніи (γράφειν—писать) а не о наукѣ (λόγος). Оба термина употребляются, однако, какъ равнозначущіе многими англійскими этнографами, равно и Фридрихомъ Мюллеромъ. Этнографія, понимаемая въ качествѣ простого описанія, относится къ этнологіи, какъ матеріалъ къ выводамъ, добытымъ благодаря накопленію описательнаго матеріала, почему во избѣжаніе путаницы въ пониманіи обоихъ терминовъ и въ виду органической связи матеріала съ выводами мы предпочитаемъ этнологію называть «общей этнографіей», а описательную этнографію—«спеціальной этнографіей».

Выводы общей этнографіи и имѣютъ для Гельмольта наиболѣе важное значеніе: его главной задачей является прослѣдить ходъ передачи культурнаго запаса отъ одного племени къ другому въ предѣлахъ большихъ географическихъ районовъ; этимъ онъ вводитъ географическій факторъ въ исторію. Далѣе, въ виду невозможности уяснить культурный ходъ человѣчества въ предѣлахъ географическаго района, не изучивъ одновременно вліяніе среды на народность или племя, онъ выдѣляетъ въ историческомъ изученіи широкое поле для выводовъ антропогеографіи. Впрочемъ, при распредѣленіи имѣю-

щихъ выйти въ свѣтъ томовъ эта основная точка зрѣнія Гельмольта какъ бы терпитъ нѣкоторое нарушеніе: за изложеніемъ хода всемірной исторіи на этнографической основѣ въ предѣлахъ большихъ географическихъ районовъ: Америки, Океаніи, восточной и западной Азіи и т. д., Гельмольтъ какъ бы предполагаетъ измѣнить планъ и классифицировать матеріалъ сначала по крупнымъ этническимъ единицамъ (славяне, романцы, германцы), а затѣмъ по хронологическимъ (Европа до 1800 г. и XIX в.). Мы думаемъ, однако, что эта невыдержанность плана только кажущаяся и будетъ заключаться въ заглавіяхъ, а не въ сущности изложенія. Исторія Европы, наиболѣе интересной для насъ части земного шара, слишкомъ сложна, чтобы ввести ее цѣликомъ въ общую рамку; подраздѣленіе на рубрики необходимо.

«Всемірная исторія» Гельмольта оказывается однимъ изъ наиболѣе крупныхъ трудовъ, въ которомъ признано необходимымъ не только воспользоваться данными общей этнографіи для исторіи, но и положить ихъ въ основу историческаго изученія человѣчества. Гельмольтъ идетъ даже далѣе, отмѣчая, что общую этнографію нельзя строго отдѣлять отъ исторіи. Подобный взглядъ, естественно, могъ появиться только въ новѣйшее время, когда этнографія въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій сдѣлала громадные успѣхи, обратила вниманіе на изученіе законовъ человѣческаго развитія на низшихъ ступеняхъ культуры, сдѣлала открытіе этихъ законовъ своей цѣлью и задачей и частью уже выставила эти законы, частью намѣтила ихъ болѣе или менѣе успѣшно. И если исторія человѣчества имѣетъ въ виду человѣчество, какъ цѣлое, она, естественно, не можетъ не считаться съ общей этнографіей, обрисовывающей бытъ и ходъ развитія человѣчества того періода, который не могъ быть зарегистрированъ ни памятниками ни лѣтописями, который даже въ языкѣ народности не оставилъ подчасъ никакихъ слѣдовъ. Этотъ періодъ былъ изученъ этнографами, если и не всегда носившими это званіе оффиціально, то во всякомъ случаѣ этнографами по научному методу, по матеріалу, изъ котораго они черпали свои выводы, и по преслѣдуемымъ задачамъ и цѣлямъ, составляющимъ предметъ общей этнографіи. Работы Бахофена, Тэйлора, Спенсера Лёббока, Поста, Штарке, Гроссе, Шурца, Липперта, Фрэзера, Ланга и др. имѣли цѣлью открыть исторію развитія человѣчества на низшихъ ступеняхъ культуры, безразлично—работали ли они исключительно съ цѣлью выяснить этнографическія задачи, или преслѣдовали при этомъ цѣли спеціально историческія и соціологическія, или, наконецъ, искали въ нихъ ключа къ пониманію явленій экономической, правовой или религіозной жизни первобытнаго человѣчества. Совершенно такъ-же, какъ открытіе новыхъ земель и новыхъ государствъ, ознакомленіе европейцевъ съ западной Азіей, Индіей, Китаемъ и Японіей вынудили историковъ считаться съ исторіей этихъ областей и хотя бы механически вставлять въ обобщающихъ

трудахъ исторію государственныхъ организмовъ Азіи или Америки (Мексика и Перу), такъ точно и выводы общей этнографіи заставляютъ ихъ въ настоящее время пользоваться ими для установленія болѣе широкихъ, общечеловѣческихъ, историческихъ перспективъ. То и другое—результатъ прогресса знаній: первое—расширенія знакомства со странами прежде извѣстными немного болѣе, чѣмъ по наслышкѣ, второе—прогресса научной мысли, сумѣвшей изъ показаній отдѣльныхъ путешественниковъ, миссіонеровъ, собирателей и изслѣдователей создать особую научную систему—этнографію, дающую возможность заглянуть въ жизнь человѣчества неизмѣримо глубже, чѣмъ это позволяли сдѣлать даже древнѣйшіе памятники Месопотаміи и Египта. Съ послѣднихъ въ свое время должно было начинаться изученіе исторіи человѣчества, потому что слѣдовъ болѣе древняго быта не было на лицо, и эти памятники въ свое время, дѣйствительно, знаменовали «зарю человѣчества». Странные обычаи дикарей и нѣкоторыхъ такъ называемыхъ полукультурныхъ народовъ не могли быть привлекаемы историками, такъ какъ разбросанный матеріалъ не подвергался ни объединенію, ни критической оцѣнкѣ, такъ какъ, наконецъ, истинный смыслъ этихъ обычаевъ не былъ еще выясненъ. Въ настоящее время дѣло измѣнилось, и историкъ, пользуясь данными общей этнографіи, можетъ расширить рамки своего предмета и приступить къ «исторіи» съ момента начальной жизни человѣчества, со стадіи культуры, которая такъ же, если не болѣе, далека отъ древней—египетской, какъ эта послѣдняя отъ современной культуры Европы. Мы не останавливаемся на томъ, что выводы общей этнографіи, примѣненные къ учрежденіямъ и быту такъ наз. «историческихъ» народовъ въ началѣ появленія о нихъ памятниковъ, даютъ возможность освѣтить съ совершенно новой точки зрѣнія ихъ институты и способствуютъ болѣе правильному пониманію строя и религіи египтянъ, грековъ или римлянъ, германцевъ или славянъ, чѣмъ это было возможно до нахожденія въ этнографіи научнаго критерія: до этого изслѣдователи были еще вынуждены фантазировать и строить остроумныя, но несостоятельныя гипотезы о происхожденіи «дикихъ» обычаевъ среди «культурныхъ» народовъ древности и современности. Связь исторіи съ новой, но уже давшей богатые результаты, наукой—этнографіей, такимъ образомъ, кажется намъ установленной съ достаточной ясностью; мы не думаемъ, чтобы нашелся въ настоящее время серьезный историкъ, занимающійся исторіей хотя бы только одной народности, который бы сознательно обошелъ безъ вниманія выводы этнографіи и не почерпнулъ бы въ нихъ ключа для объясненія многихъ явленій быта изучаемаго народа, если онъ изучаетъ его цѣликомъ, а не ограничивается монографіей по вопросу, поставленному въ узкую хронологическую, біографическую и т. п. рамку.

Только въ этомъ смыслѣ мы понимаемъ утвержденіе Гельмольта, что отдѣленіе общей этнографіи отъ исторіи было бы напрасной задачей. Этнографія и исторія часто сливаются другъ съ другомъ, но изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы этнографія была не болѣе, какъ отдѣломъ исторіи. Современное научное движеніе привело къ дифференціаціи наукъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ право на самостоятельность, служа одновременно подспорьемъ для цѣлаго ряда другихъ наукъ. Каждая научная дисциплина имѣетъ свой, опредѣляемый матеріаломъ, объектъ изслѣдованія, часто собственный методъ, и какъ таковая оказывается самостоятельнымъ цѣлымъ. Но такъ какъ едва ли есть наука, которая можетъ строить прочные выводы и устанавливать законы, не прибѣгая къ помощи другихъ, то проведеніе границъ, отдѣляющихъ одну научную дисциплину отъ смежной, принадлежитъ къ числу наиболѣе трудныхъ, запутанныхъ и, пожалуй, безплодныхъ задачъ. Въ этомъ отношеніи группа близкихъ наукъ можетъ быть сравнена со спектромъ, гдѣ каждый лучъ имѣетъ свой опредѣленный цвѣтъ, но гдѣ переходы отъ одного цвѣта къ другому почти незамѣтны для глаза. Исторія пользуется этнографіей, какъ и этнографія исторіей; такъ, напримѣръ, изученіе т. н. варварскихъ правдъ—дѣло историковъ, но они прибѣгали къ выводамъ этнографіи для объясненія многихъ другихъ чуждыхъ современному быту институтовъ; съ другой стороны, этнографъ пользуется многими данными варварскихъ правдъ для доказательства своихъ положеній или для распространенія послѣднихъ на народы, оставившіе намъ эти памятники, но онъ получаетъ возможность пользоватся ими только оттого, что они были объектомъ серьезнаго изученія со стороны историковъ. Этнографія, такимъ образомъ, не является наукой подчиненной исторіи: обѣ, пользуясь выводами другъ друга, равноправны и свободны; онѣ обѣ служатъ общей цѣли, какъ служатъ ей и многія другія науки, изучающія человѣческія аггрегаціи, каждая съ своей точки зрѣнія.

Такое же соотношеніе существуетъ между этнографіей и доисторической археологіей, которую Гельмольтъ считаетъ также одной изъ основъ историческаго изслѣдованія человѣчества. Если бы изслѣдователи доисторической археологіи не пользовались данными этнографіи, они не были бы въ состояніи дать объясненіе многимъ изъ открываемыхъ ими древностей; имъ приходится, кромѣ того, прибѣгать къ помощи этнографіи, чтобы дополнить картину быта человѣчества, относящуюся подчасъ къ отдаленному историческому періоду и открываемую далеко неполно археологическими раскопками. Въ свою очередь, и этнографія, провѣряя свои выводы о матеріальной культурѣ на низшихъ ступеняхъ развитія, пользуется данными археологіи, и это позволяетъ не только расширить область своего изслѣдованія, но и уяснить себѣ нѣкоторые темные вопросы развитія матеріальной культуры, опредѣляемые естественными памятниками, которыми занимается доисторическая археологія. Между тѣмъ и этнографія и до-

историческая археологія оказываются совершенно самостоятельными научными системами, лишь взаимно служащія другъ другу опорою.

Наше столѣтіе съ особенной интенсивностью трудится надъ разрѣшеніемъ задачи опредѣленія исторіи развитія человѣка, вѣрнѣе человѣческихъ аггрегацій. Къ этой цѣли стремится рядъ наукъ, изъ которыхъ многія оказываются еще очень молодыми, могущими подчасъ насчитать не болѣе сотни полторы лѣтъ своего существованія. Тѣмъ не менѣе, каждая изъ нихъ самостоятельна. Но такъ какъ онѣ всѣ стремятся къ одной цѣли—онѣ въ суммѣ представляютъ нѣчто единое и цѣльное. Мы позволимъ себѣ пока употеребить сравненіе съ солнечными лучами: каждый лучъ имѣетъ свою окраску, но только общее соединеніе ихъ даетъ блестящій свѣтъ; науки, занимающіяся человѣческими обществами, слитыя въ единое цѣлое, образуютъ подобный же лучъ свѣта, позволяющій ясно видѣть исторію и судьбы всего человѣчества безъ различія расъ и національностей, уничтожая самомнѣніе однихъ и отдавая должное даже наиболѣе скромнымъ.

Этого, очевидно, хотѣлъ достигнуть Гельмольтъ, предпринимая изданіе „Всемірной исторіи"; удѣляя особенно много мѣста этнографическимъ даннымъ, онъ, такъ сказать, проводитъ болѣе рѣзко тѣ мысли, которыя только частично, а подчасъ и робко высказывались въ трудахъ его предшественниковъ, иногда не отдававшихъ себѣ достаточно отчета въ значеніи этнографіи для исторической науки, отчасти оттого, что ихъ труды появлялись въ то время, когда наука этнографіи еще не успѣла развиться въ стройную и прочную систему, отчасти благодаря и недостаточному знакомству съ выводами общей этнографіи. Заслуга Гельмольта—стремленіе исправить этотъ недостатокъ исторической науки. Издаваемый имъ трудъ точно опредѣляетъ новое этнографо-антропогеографическое теченіе во всеобщей исторіи, которое въ противоположность прежнему „этнографическому" теченію обращаетъ главное вниманіе не на расу, а на примитивную культуру человѣчества, открываемую благодаря трудамъ по общей этнографіи, съ удѣленіемъ широкаго поля географіи, въ ея значеніи научной системы, изучающей среду и вліяніе послѣдней на культуру.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о содержаніи перваго тома „Всемірной исторіи" Гельмольта. Разъ выводы этнографіи поставлены въ основу историческаго изученія человѣчества, вполнѣ естественно, что издатель въ самомъ началѣ знакомитъ читателя съ важнѣйшими положеніями науки этнографіи. Этому предмету посвящена прекрасная статья *Колера*: „Основныя понятія исторіи развитія человѣчества"; большая часть этой статьи занята очерками намѣченныхъ этнографіей законовъ развитія матеріальной и духовной культуры человѣчества на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи, равно и эволюціи общественныхъ формъ до зачатковъ государственныхъ орга-

низмовъ у примитивнаго человѣчества. Слѣдующая статья, имѣющая также вводный характеръ и вытекающая изъ придаваемаго Гельмольтомъ значенія антропогеографіи для исторіи, принадлежитъ *Ратцелю:* она посвящена изложенію „основъ антропогеографіи". Точка зрѣнія Гельмольта на исторію человѣчества дѣлаетъ, наконецъ, естественнымъ и помѣщеніе чрезвычайно обстоятельной статьи *Ранке*: „Доисторическій бытъ человѣчества"; въ ней авторъ сжато объединяетъ данныя, добытыя доисторической археологіей о жизни человѣчества, какъ въ т. н. палеолитическій, такъ и въ неолитическій періоды.

Указанныя три первыя статьи служатъ какъ бы введеніемъ въ общую исторію человѣчества; въ самомъ дѣлѣ, лишь по ознакомленіи съ важнѣйшими дисциплинами, лежащими въ основѣ всемірной исторіи, читатель можетъ сознательно приступить къ изученію многотомнаго труда, издаваемаго Гельмольтомъ.

Главное содержаніе книги составляетъ исторія Америки, составленная *К. Геблеромъ.* Авторъ обстоятельно обрисовываетъ культуру туземцевъ южной и сѣверной Америки, намѣчаетъ движеніе племенъ и достигнутыя ими культурныя пріобрѣтенія, которыя они переносили при миграціяхъ, выясняетъ далѣе источники культуры цивилизованныхъ туземныхъ государствъ Америки и даетъ обстоятельное описаніе строя и быта древ. Мексики и Перу. Комбинируя свѣдѣнія объ Америкѣ испанскихъ завоевателей съ добытыми новѣйшими археологическими раскопками и изученіемъ этнографіи туземныхъ племенъ, К. Геблеру удается дать настолько ясное представленіе о прошломъ Новаго Свѣта, что его трудъ можно поставить на одно изъ первыхъ мѣстъ среди работъ, посвященныхъ доисторическому прошлому Америки. Лишь ознакомивъ читателя съ туземной культурой и съ ходомъ ея развитія, авторъ переходитъ къ эпохѣ открытія и завоеванія Америки европейцами, къ образованію самостоятельныхъ государственныхъ единицъ на сѣверѣ и югѣ материка („Открытіе Америки и завоеваніе ея", „Испанское колоніальное государство", „Англійское колоніальное государство", „Борьба за независимость на сѣверѣ и югѣ", „Государства южной Америки до настоящаго времени", „Средняя Америка и Бразилія", „Сѣверная Америка въ XIX в."). Заключительной статьей является трудъ *Вейле*: „Историческое значеніе Тихаго океана"; эта статья уясняетъ значеніе громаднѣйшаго воднаго бассейна земного шара въ исторіи и очерчиваетъ его роль въ эпоху до Магелана и послѣ него до новаго времени, равно и открытіе Тихаго океана европейцами. Работа Вейле позволяетъ бросить ретроспективный взглядъ на исторію Америки; она одновременно служитъ также какъ бы введеніемъ къ слѣдующимъ томамъ, которые будутъ посвящены исторіи западной части Тихаго океана. Этимъ какъ бы приподнимается завѣса на событія, которыя послѣдовали за открытіемъ Новаго Свѣта и опредѣлили движеніе европейцевъ.

Относительно вышедшаго, равно и слѣдующихъ томовъ критика укажетъ недостатки и пробѣлы новаго изданія „Всемірной исторіи". Но какъ бы ни былъ выполненъ общій планъ этого капитальнаго труда, основная точка зрѣнія Гельмольта не потеряетъ своего значенія. Онъ взялъ въ союзницы для исторіи общую этнографію, и, поскольку рѣчь можетъ итти о первомъ томѣ, онъ старался доказать, какъ много можетъ извлечь историкъ изъ выводовъ и законовъ этнографіи Одного этого, кажется намъ, будетъ достаточно, чтобы обратить вниманіе тѣхъ историковъ, которые еще съ нѣкоторой сдержанностью относятся къ этнографической наукѣ, на молодую и полную силъ дисциплину, способную облегчить имъ рѣшеніе многихъ изъ задачъ, входящихъ въ область историческихъ изысканій.

Н. Харузинъ.

СМѢСЬ.

Изъ народныхъ игръ.

I.

Игра въ лодыжки въ г. Курскѣ.

Между народными играми, распространенными среди жителей Курска и подгородныхъ слободъ, а также, насколько мы знаемъ, и вообще во всей Курской губерніи, безспорно, первое мѣсто занимаетъ игра въ лодыжки. Разнообразіе способовъ игры, точность и детальность правилъ, доступность и оживленность, сдѣлали эту игру любимою для самыхъ разнообразныхъ возрастовъ.

Игра въ лодыжки (кости или бабки) въ то же время пользуется весьма значительною распространенностью и въ другихъ губерніяхъ Россіи, а потому болѣе подробное знакомство съ нею, какъ намъ кажется, небезынтересно для изученія народной жизни. Русскія народныя игры вообще изучены мало, а между тѣмъ въ нихъ, съ одной стороны, нерѣдко слышатся отзвуки, «преданья старины глубокой», а съ другой, вырабатываются тѣ качества силы, ума и характера, съ которыми вступаетъ въ жизнь человѣкъ, вышедшій изъ возраста игръ. Вліяніе дѣтскихъ игръ сказывается долгіе годы, и взрослые люди не даромъ съ такимъ интересомъ и смотрятъ на дѣтскія игры, и охотно принимаютъ участіе въ нихъ. И въ этомъ отношеніи игра въ лодыжки первенствуетъ между извѣстными намъ курскими народными играми, и напрасно д-ръ Е. А. Покровскій [1]) говоритъ, что «игры этого рода не требуютъ ни особой быстроты, ни силы, ни особеннаго умѣнья». Все это требуется въ изобиліи, и только при этихъ качествахъ игра и становится интересною.

Д-ръ Е. А. Покровскій въ указанномъ своемъ классическомъ сочиненіи описываетъ цѣлый рядъ этихъ игръ, изъ которыхъ намъ нѣкоторыя вовсе неизвѣстны, но описаніе другихъ мы имѣемъ возможность по-

[1]) См. „Дѣтскія игры, преимущественно русскія“. Д-ра *Е. А. Покровскаго.* Изд. 2. М. 1895. Стр. 319.

пополнить значительными подробностями. Лѣтъ двадцать тому назадъ мы сами съ увлеченіемъ играли въ Курскѣ въ лодыжки и съ познаніями, пріобрѣтенными въ этой своеобразной практикѣ, мы и хотимъ ознакомить читателей.

I.

Лодыжки представляютъ собою не что иное, какъ кости животныхъ, а именно суставы изъ нижней части ноги. Въ каждой лодыжкѣ различается нѣсколько сторонъ, а именно: если лодыжка лежитъ выпуклой стороной, спинкой, вверхъ, опираясь на выступы противоположной стороны, то говорятъ, что она лежитъ «жогомъ», или что это «жогъ»; если лодыжка лежитъ на болѣе плоскомъ боку, то говорятъ, что она лежитъ «плоцомъ», или что это «плоцъ», «плоцка»; если она лежитъ на другомъ, округленномъ, боку или на спинкѣ, то говорятъ, что она лежитъ «ничкой», или что это «ничка», «ника», «ляка», «лячка», «ляцка». Наконецъ, болѣе тонкій конецъ всякой лодыжки называется «головкой», а болѣе широкій, на который она ставится, имѣетъ названіе не совсѣмъ цензурное; впрочемъ, для приличія, ребятишки измѣняютъ коренную гласную этого словечка и тогда произносятъ его смѣло, не краснѣя.

Лодыжки обыкновенно допускаются въ игру и съ значительными дефектами, пострадавшія въ игрѣ, т.-е. съ трещинами или даже съ вовсе отколотымъ кускомъ бока; такія лодыжки называются «расколухами». Но вовсе не допускаются въ игру лодыжки съ разбитой головкой или, тѣмъ болѣе, съ отбитой нижней частью.

Чаще всего для игры употребляются лодыжки отъ крупнаго рогатаго скота; къ нимъ-то въ Курскѣ и относится названіе «лодыжекъ» и онѣ-то и считаются настоящимъ матеріаломъ для серьезной игры, тогда какъ къ прочимъ, болѣе мелкимъ сортамъ завзятые игроки относятся съ оттѣнкомъ презрѣнія, считая ихъ годными для дѣтской забавы, а не для «взаправдошной» игры, и, играя въ нихъ, немножко совѣстятся.

Изъ этихъ болѣе мелкихъ сортовъ, однако, довольно часто попадаются въ употребленіи лодыжки мелкаго рогатаго скота, «баранчики» или «барасики», и несравненно рѣже лодыжки отъ телятъ и свиней, «телюхи» и «свинухи»; лодыжки лошадей для игры никогда не употребляются, такъ какъ ихъ форма нѣсколько отличается отъ вышеописанныхъ. Въ баранчики, телюхи и свинухи играютъ точно такъ же, какъ и въ большія лодыжки, а потому мы къ нимъ при описаніи игръ возвращаться не будемъ.

Всѣ игры въ лодыжки основаны на попаданіи въ разставленныя на землѣ лодыжки и сбиваніи ихъ лодыжкой же, которая называется «биткой». Хотя общая форма всѣхъ лодыжекъ и одинаковая, но каждая изъ нихъ имѣетъ свои характерныя индивидуальныя отличія какъ въ очертаніяхъ, такъ и въ величинѣ и вѣсѣ. Отсюда понятно, что выборъ битки «по рукѣ» играетъ весьма важную роль и что битки бываютъ разнообразныхъ типовъ. Прежде всего между лодыжками различаются «правшаки» и «лѣвшаки»: если лодыжка лежитъ на спинкѣ, головкой вверхъ и

«плоцкой» будетъ правая сторона, то передъ вами «правшакъ», въ иномъ случаѣ вы имѣете «лѣвшакъ», «лѣвшачёкъ». Правшаки обыкновенно предпочитаются, такъ какъ ихъ удобнѣе держать въ рукѣ; а держать надо такъ: три пальца правой руки, начиная съ мизинца, слегка прижимаются къ ладони, на средній ложится своей плоской стороной битка, головкой вверхъ, на разрѣзъ головки ложится конецъ указательнаго пальца, а выступающая ножка округленнаго бока лодыжки опирается на внутреннюю сторону большого пальца, нѣсколько пониже сгиба его, подушка же большого пальца подпираетъ основаніе битки. Держа такимъ образомъ лодыжку, ее подносятъ, головкой вверхъ, къ правому глазу, прищуриваютъ лѣвый, прицѣливаются и затѣмъ, отведя руку назадъ и стараясь все время держать битку на одномъ уровнѣ, сильнымъ и быстрымъ движеніемъ бросаютъ ее впередъ. Мѣткость, которой достигаютъ игроки, бываетъ поразительна.

Затѣмъ различаютъ лодыжки длинныя и узкія, обыкновенно небольшой величины, такъ называемые «длиннячки», и, наоборотъ, широкія, съ наростами и зачастую очень большія, называемыя «курбастыми», «курбанчиками», «курбанами». Послѣднія обыкновенно предпочитаются, хотя хорошіе игроки нерѣдко находятъ, что длиннячками цѣлить лучше.

Въ большинствѣ игръ предпочитаются крупныя битки, какъ болѣе массивныя. Чтобы еще болѣе увеличить вѣсъ битокъ, ихъ очень часто наливаютъ свинцомъ, и тогда онѣ называются «свинчàтками». Процедура наливанія свинчатокъ—дѣло весьма важное и серьезное, чуть не священнодѣйствіе, и изстари ведется по извѣстному шаблону, отъ котораго не отступаютъ ни на шагъ, несмотря на то, что можно было бы легко все дѣло упростить; но тогда половина интереса пропала бы для истинныхъ игроковъ.

Итакъ, прежде всего нужно добыть свинцу (или олова, которое мальчишки не отличаютъ отъ свинца). Въ виду этого у любителей лодыжечнаго спорта заботливо сохраняются оловянныя и свинцовыя бумажки отъ шоколаду, чаю и т. п., пломбы отъ разныхъ товаровъ, куски свинца отъ разбитыхъ прежнихъ свинчатокъ и вообще всякіе кусочки свинца, случайно попавшіе имъ въ руки; если всего этого мало, приходится обращаться къ другимъ игрокамъ и вымѣнивать у нихъ свинецъ за лодыжки, а если, что бываетъ не очень-то часто, у игрока есть копеекъ десять наличными, то онъ можетъ отправиться на «толчокъ» (толкучій рынокъ), гдѣ торговцы старымъ желѣзомъ позаботились собрать для него такой же негодный свинцовый хламъ, чтобы содрать съ неопытнаго покупателя, по крайней мѣрѣ, вдвое больше того, что онъ долженъ былъ бы заплатить по вѣсу за хорошій свинецъ.

Но вотъ, такъ или иначе, свинецъ добытъ и идутъ строгіе выборы битокъ для наливанія. На первый планъ выступаютъ курбаны или крупные длинняки, при чемъ принимается во вниманіе и то обстоятельство, для какой игры будетъ служить биткà, почему — мы увидимъ ниже. Нельзя только брать лодыжки свѣжія, отъ недавно убитаго животнаго: въ нихъ много жира, который, закипѣвъ отъ расплавленнаго свинца, можетъ

далеко расплескать капли раскаленнаго металла и причинить сильные ожоги неосторожному. Шрамъ на рукѣ отъ такого ожога намъ и сейчасъ напоминаетъ, какъ мы наливали лодыжки слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ.

Сдѣлавъ выборъ битокъ, надо ихъ «провертѣть», т.-е. продѣлать отверстіе въ ихъ внутреннюю яйцевидную полость, черезъ которое и придется наливать битку. Отверстіе это дѣлается всегда въ нижней части лодыжки, между ея ножками, и просверливается навертеой, если она имѣется, или одной ножкой ножницъ, за что затѣмъ слѣдуетъ нагоняй отъ матери, или, наконецъ, просто большимъ гвоздемъ съ нѣсколько обломаннымъ концомъ; большихъ затрудненій эта работа не представляетъ, такъ какъ кость лодыжки довольно мягка и упруга Очень часто просверливаются еще дополнительныя отверстія: на плецовой сторонѣ — одно, рѣже два, — и довольно рѣдко во впадинѣ между передними выступами ножекъ; цѣль этихъ дополнительныхъ отверстій — отчасти еще увеличить вѣсъ битки налитымъ въ нихъ свинцомъ, отчасти сдѣлать болѣе тѣсною связь кости съ металломъ.

Просверливъ отверстія, добываютъ полоски бумаги шириною вершка въ два, сахарной или писчей, и обертываютъ ею въ нѣсколько разъ битку, слѣдя за тѣмъ, чтобы бумага охватывала какъ можно плотнѣе нижнюю часть лодыжки, выставляясь надъ нею на половину или на цѣлый вершокъ. Если бумага гдѣ нибудь прилегаетъ не плотно, то эти мѣста забиваютъ жеваной или мокрой бумагой, а иногда смачиваютъ и всю бумагу, но такъ, чтобы вода не попала въ полость лодыжки. Обернутую бумагой лодыжку обвязываютъ ниткой и затѣмъ крѣпко привязываютъ веревочкой къ ножкѣ опрокинутой вверхъ дномъ табуретки. Иногда наливаютъ ладыжку и „изъ рукъ“, т.-е. не привязывая ее ни къ чему, а держа въ лѣвой рукѣ, обернутой мокрой тряпкой, но эта смѣлость иногда доводитъ до страшныхъ ожоговъ.

Теперь остается расплавить свинецъ, а для этого нужна „черепушка“, т.-е. дно отъ разбитаго глиняннаго горшка. Въ нее кладутся горячіе уголья, а на уголья куски свинца, и затѣмъ угли раздуваютъ ртомъ до тѣхъ поръ, пока не расплавится и не скопится на днѣ черепка весь свинецъ; въ этомъ удостовѣряются пробуя его консистенцію желѣзнымъ гвоздемъ. Наступаетъ рѣшительный моментъ: лишніе угольки сдуваются или сбрасываются гвоздемъ, черепокъ берутъ въ правую руку, не переставая раздувать остающіеся угольки, и затѣмъ быстрымъ—такъ какъ свинецъ застываетъ, и ловкимъ движеніемъ вливаютъ желаемое количество свинцу, заглядывая въ бумажную воронку издали, чтобы не обжечь лица брызнувшей нечаянно капелькой расплавленнаго металла. Чтобы свинецъ скорѣе остылъ, нетерпѣливый спортсменъ наливаетъ сверху холодной воды и спустя немного минутъ разворачиваетъ бумагу и любуется своимъ блестящимъ произведеніемъ. Иногда свинецъ тонкими струйками заливается между бумагой и поверхностью лодыжки, но весь этотъ излишекъ легко отломить пальцами или отрѣзать ножомъ.

Битка рѣдко наливается лишь въ уровень съ отверстіемъ; чаще подъ

основаніемъ лодыжки образуется болѣе или менѣе крупная прибавка, имѣющая очень неблагозвучное названіе, то же, о которомъ мы упоминали выше. Небольшая прибавка считается дѣломъ хорошимъ, а большая, хотя и является извѣстнаго рода шикомъ, но качества битки лишь ухудшаетъ: полетъ ея дѣлается тяжелымъ и, главное, неровнымъ; впрочемъ, большая свинцовая прибавка обыкновенно скоро сама отрывается отъ битки и идетъ въ складъ свинца для будущихъ битокъ. Изрѣдка, когда не хватаетъ свинца, одна изъ битокъ наливается не до краевъ и получается „свистунъ", при полетѣ котораго слышится характерное рычаніе.

Недостатокъ свинца приводитъ къ придумыванію суррогатовъ свинчатокъ, къ такъ называемымъ „гвоздянкамъ". Для приготовленія ихъ или загоняютъ гвоздь въ высверленную въ лодыжкѣ дырку, или предварительно набрасываютъ туда мелкихъ гвоздиковъ, а потомъ уже забиваютъ гвоздемъ или завинчиваютъ винтомъ.

Сравнительно рѣдко у дѣтей-игроковъ встрѣчаются „чугунки", т.-е. битки, вылитыя въ формѣ лодыжки на заводѣ изъ чугуна. Чаще ихъ употребляютъ взрослые игроки и, главнымъ образомъ, рабочие съ чугунно-литейныхъ заводовъ. Ихъ тяжесть и сравнительная дороговизна заставляютъ молодыхъ игроковъ относиться къ чугункамъ съ большимъ уваженіемъ.

Взрослыми игроками-мастеровыми употребляются еще иногда, какъ битки, „болты" съ навинченными на нихъ гайками; они еще тяжеле чугунокъ, для битья ими требуется много силы, но ими далеко нельзя бить такъ мѣтко, какъ чугунками или свинчатками.

Лодыжки представляютъ собою капиталъ игрока; начинающій долженъ ими обзавестись да и играющему нерѣдко приходится проиграться въ пухъ и прахъ и подумывать о томъ, гдѣ раздобыть себѣ новый запасъ. И вотъ приходится прибѣгать къ покупкѣ. Обыкновенно покупка не представляетъ затрудненія, разъ есть на что купить, потому что рѣдко кто держитъ у себя слишкомъ большое количество лодыжекъ (паръ 30—40 это почти максимумъ наличнаго запаса, а средній запасъ колеблется отъ 10 до 20 паръ) и охотно сбываетъ за деньги излишекъ. Такимъ образомъ въ обращеніи игроковъ находится довольно постоянный запасъ; приростъ этого запаса отъ вновь убиваемыхъ животныхъ въ значительной степени уравновѣшивается тѣмъ, что лодыжки разбиваются, теряются, а порою утаскиваются голодными собаками и не менѣе голодными тряпичниками у зазѣвавшихся мальчугановъ.

Замѣчательно то, что эта костяная монета находится въ необыкновенно постоянномъ соотношеніи по цѣнности съ настоящею монетою. Какъ двадцать и болѣе лѣтъ тому назадъ, такъ и теперь, въ Курскѣ на копейку покупаются три пары, или „шестерá" лодыжекъ. Въ очень исключительныхъ случаяхъ, не знаю чѣмъ обусловливаемыхъ, курсъ ихъ падалъ, и за копейку давалось вмѣсто шести—семь штукъ или, по курскому вы-

раженію, „шестерá съ лáнчикомъ“ („ланъ“, „лашка“, „ланчикъ“—одна лодыжка), или, наоборотъ, повышался до двухъ паръ съ ланчикомъ, т. е. до пяти штукъ на копейку. Но подобные кризисы, составлявшіе эпоху въ жизни юнаго населенія города Курска, бывали и очень рѣдки, и непродолжительны. Курсъ, приравнивающій цѣнность одной лодыжки къ одной шестой долѣ копейки, до того постояненъ, что при ставкѣ лодыжекъ допускается, при недостаткѣ ихъ, ставить прямо деньги, обыкновенно монетки въ одну копейку, и если ставить приходится меньше шести лодыжекъ, то игрокъ, поставивъ копейку, разницу беретъ съ общей ставки лодыжками, и въ этомъ ему никто и не подумаетъ прекословить.

Что касается хорошихъ битокъ (не налитыхъ), т.-е. курбановъ и т. п., то при покупкѣ на нѣсколько копеекъ онѣ обыкновенно идутъ въ счетъ какъ простыя лодыжки, при маленькой же покупкѣ или при обмѣнѣ съ товарищемъ оцѣниваются въ двѣ—три простыхъ лодыжки, по взаимному соглашенію.

Свинчатки покупаются или промѣниваются рѣдко; обыкновенно ихъ наливаетъ каждый для себя или же для товарища его свинцомъ изъ-за удовольствія, доставляемаго работой. При покупкѣ цѣна свинчатки опредѣляется въ двѣ или три копейки.

Чугунки пріобрѣтаются или у игроковъ, или у мастеровыхъ на чугунно-литейныхъ заводахъ по 10, 15 или даже 20 копѣекъ, что для мальчишки-игрока представляетъ весьма крупный капиталъ.

Мелкіе сорта ладыжекъ постоянствомъ цѣны не отличаются. Баранчиковъ на копейку даютъ 10—15 паръ, а телюхи и свинухи продаются крайне рѣдко.—Впрочемъ, кромѣ покупки, есть еще одинъ способъ пріобрѣтенія собственно баранчиковъ. Съ этимъ способомъ я однажды ознакомился на практикѣ и этого случая я и до сихъ поръ не могу забыть. Разъ я, тогда мальчикъ лѣтъ восьми, жившій на черезчуръ уже полной свободѣ, прослышалъ съ своимъ товарищемъ, что можно добыть сколько угодно баранчиковъ на кожевенномъ и клеевомъ заводѣ близъ города. И вотъ въ одно прекрасное утро мы запаслись холщевыми мѣшечками и заостренными съ одного конца коротенькими палочками и явились на грязный дворъ этого антисанитарнаго учрежденія. Уплативши какому-то начальству пять копеекъ за право раскопокъ на опредѣленное время, мы пошли въ тотъ уголъ двора, куда намъ указалъ пріявшій мзду, и торопливо принялись копаться въ толстомъ слоѣ разлагающихся органическихъ остатковъ—мяса, крови, шерсти, костей. Смрадъ былъ удушающій, но надо было торопиться и я, слѣдуя примѣру товарища, быстро откапывалъ и пряталъ въ мѣшокъ неочищенные баранчики. Минутъ черезъ десять послѣдовалъ окрикъ начальства, былъ внесенъ новый пятакъ, а еще минутъ черезъ пять мы, не выдержавъ, бѣжали стремглавъ домой изъ этой Ветлянки Разстаться съ баранчиками намъ было не подъ силу, но недѣли двѣ намъ пришлось ихъ мыть, кипятить, зарывать въ землю, чистить пескомъ и т. п., чтобы наконецъ вполнѣ обеззаразить ихъ. Разумѣется, эта прогулка больше не повторялась.

II

Какъ уже сказано выше, игра въ лодыжки имѣетъ много поклонниковъ. Главный контингентъ, конечно, состоитъ изъ дѣтей простого класса горожанъ, но онъ расширяется, захватывая съ одной стороны болѣе зрѣлые возрасты, а съ другой—дѣтей болѣе „благородныхъ" сословій. Впрочемъ, надо замѣтить, что въ лодыжки играютъ исключительно мальчики; дѣвочка, для забавы принявшая участіе въ игрѣ, у себя на дворѣ, съ своими братьями или родными, на взглядъ посторонняго игрока—явленіе въ высшей степени странное и ненормальное...

Играть начинаютъ съ самаго ранняго возраста: трех-четырехлѣтній карапузъ уже силится подражать игроцкимъ пріемамъ своихъ старшихъ братьевъ, а къ семи-восьмилѣтнему возрасту всѣ тонкости игры изучены вполнѣ основательно, игра обращается въ страсть, и ни крики матерей, ни угрозы отцовъ не могутъ прекратить надоѣдливое для посторонняго слуха постукиваніе въ заборъ лодыжекъ и громкіе возгласы игроковъ. Заразительный примѣръ простыхъ мальчугановъ, устраивающихъ игру чуть не на каждомъ дворѣ и ужъ непремѣнно въ каждомъ переулкѣ, подъ конецъ увлекаетъ и господскихъ дѣтей, «барчуковъ», и въ одно прекрасное утро барыня-мать съ ужасомъ открываетъ въ углу дѣтской кучу грязныхъ лодыжекъ, вновь заведенное сокровище своего сынка. И надо имѣть родителямъ много характера и настойчивости, чтобы пресѣчь зло въ самомъ зародышѣ: потомъ борьба съ нимъ почти немыслима.

Въ общемъ интеллигентные классы враждебно смотрятъ на эту мальчишескую игру, главнымъ образомъ потому, что она скоро дѣлается страстью, но все-таки немного найдется курянъ, которые, будучи дѣтьми, не попытали бы свои силы въ лодыжкахъ.

Во дворѣ среднихъ учебныхъ заведеній игра подвергается безпощадному остракизму, во дворахъ школъ хотя офиціально она и не допускается (я говорю здѣсь про то, что было назадъ тому лѣтъ двадцать), но учителя смотрятъ обыкновенно на нарушеніе запрещенія сквозь пальцы. Ведутъ съ игрой посильную и не особенно настойчивую борьбу и дворники во дворахъ, а также и городовые, такъ какъ нерѣдко игра переходитъ изъ дворовъ на улицы, при чемъ ноги прохожихъ подвергаются немалой опасности.

Маленькія дѣти часто начинаютъ играть съ баранчиковъ, подростки, считающіе себя настоящими игроками, на баранчики начинаютъ смотрѣть свысока. Только лодыжки наполняютъ ихъ азартныя головушки и широкіе карманы панталонъ, и игра въ лодыжки дѣлается такимъ же существеннымъ элементомъ ихъ жизни, какъ игра хотя бы въ винтъ дѣлается существеннымъ элементомъ жизни для лицъ, которыя и не думаютъ ставить себя на одну доску съ мальчишками... Съ возрастомъ и появленіемъ разныхъ трудовыхъ заботъ страсть поневолѣ остываетъ у большинства, но порою даже развивается у людей болѣе праздныхъ. Между ними появляются иногда даже игроки-спеціалисты, у которыхъ игра обращается

въ средство наживы, хотя довольно таки мудрено заработать въ этой игрѣ болѣе 10—15 копеекъ въ день. По праздникамъ число игроковъ зачастую пополняется взрослыми мастеровыми и т. п. людомъ.

Играютъ въ лодыжки исключительно въ теплое время года и всегда на открытомъ воздухѣ. Самое лучшее мѣсто — это убитая немощеная земля, дворъ или дорога, хотя и мостовая или тротуаръ при нуждѣ могутъ быть допущены. Пространство для игры, обусловливается самымъ видомъ игры, которую мы сейчасъ опишемъ. Наконецъ для большинства игръ желательно помѣститься недалеко отъ какого-нибудь забора или стѣнки, чтобы лодыжки не залетали слишкомъ далеко и не терялись. Играть можно съ утра, но лучше всего подъ вечеръ, когда свалитъ жаръ, однако пока еще не стемнѣло, такъ какъ необходимо отчетливо видѣть лодыжки на довольно большомъ разстояніи.

III.

Послѣ этихъ предварительныхъ поясненій мы можемъ, наконецъ, приступить къ описанію разныхъ способовъ игры въ лодыжки, различныхъ отдѣльныхъ игръ. Игръ этихъ очень много; у д-ра Е. А. Покровскаго приведенъ длинный списокъ ихъ, но мы опишемъ только тѣ, въ которыя играли сами и которыя помнимъ до сихъ поръ. Впрочемъ для провѣрки собственныхъ воспоминаній и въ виду того, что въ Курскѣ мы давно уже не были, мы просили собрать свѣдѣнія и получили сообщеніе отъ г-жи А. К. Якубовской, сдѣланное въ настоящемъ году на основаніи разсказовъ мальчиковъ, учениковъ ея частной начальной школы. При этомъ оказалось, что ни малѣйшихъ измѣненій не внесено въ правила игры за цѣлую четверть вѣка. Такая устойчивость служитъ съ одной стороны признакомъ большой древности игры, а съ другой стороны говоритъ о незыблемости того народнаго обычнаго права, которое весьма рельефно проявляется въ законахъ народныхъ игръ. Въ самомъ дѣлѣ, оффиціальный законъ знать не хочетъ этихъ игръ, а между тѣмъ законы ихъ регламентированы необыкновенно ясно и подробно и признаются безпрекословно всѣми, какъ ни одинъ писанный законъ. Мало того, къ нимъ съ привычнымъ уваженіемъ относятся и люди взрослые, въ игрѣ участія не принимающіе, и, правду сказать, они заслужили это уваженіе, какъ замѣчательно справедливые и соблюдающіе равенство шансовъ въ своей маленькой области. Только ловкость и умѣнье, пріобрѣтенныя опытомъ, подчасъ горькимъ и дорогимъ, пользуются покровительствомъ этихъ законовъ; слѣпому счастью отводится, по возможности, малая роль, а всякая попытка сплутовать жестоко наказуется.

Изъ всѣхъ игръ въ лодыжки мы знаемъ лишь одну, которая не имѣетъ въ виду выигрыша или проигрыша,—мы опишемъ ее подъ конецъ,—всѣ же остальныя конечною цѣлью имѣютъ выигрышъ лодыжекъ, которыя и поступаютъ въ полную собственность побѣдителя. Конечно, очень часто играютъ и безъ такой коммерческой цѣли, только ради удо-

вольствія, при чемъ обыкновенно всѣ лодыжки принадлежатъ одному изъ игроковъ, которому и возвращаются послѣ игры, но такая игра не считается настоящей. и завзятый игрокъ не станетъ играть «изнарочну», а только «взаправду».

Самая употребительная и любимая игра въ лодыжки — это *„конъ"*. Число игроковъ въ нее вполнѣ неограничено, начиная съ двоихъ; въ ней играютъ одинаковую роль и сила, и ловкость, и потому она представляетъ интересъ для игроковъ всякаго возраста; взрослые игроки обыкновенно только въ конъ и играютъ. Конъ — это длинный рядъ лодыжекъ, поставленный по одной прямой линіи. Ставятъ лодыжки парами, обыкновенно смыкая въ каждой парѣ лодыжки плоцовыми поверхностями; если остается одна лодыжка, лапчикъ, то ее или ставятъ сбоку, или же ставятъ или кладутъ на одну изъ паръ, обыкновенно среднюю; послѣднее называется «городить». Пары не слѣдуетъ «лѣпить», т. е. ставить слишкомъ тѣсно, но не слѣдуетъ и «рѣдить»; нормальная густота должна быть такова, чтобы головка средней величины битки проходила между средними частями двухъ сосѣднихъ паръ, но вся лодыжка не проходила: каждый игрокъ имѣетъ право учинить подобную провѣрку, но къ этому приходится прибѣгать рѣдко: настолько развивается глазомѣръ у игроковъ. Разстановка лодыжекъ идетъ быстро, особенно на гладкой, но не мощеной землѣ. Конъ почти всегда ставится передъ какой-нибудь стѣнкой, но на разстояніи по крайней мѣрѣ 5—6 аршинъ отъ нея.

Каждымъ игрокомъ руководитъ желаніе выиграть, т. е. сбить съ кона какъ можно больше лодыжекъ своими битками, и потому прежде всего каждый заявляетъ, сколькими битками онъ желаетъ бить или «на сколько паръ онъ идетъ», такъ какъ за каждую битку онъ долженъ поставить на конъ пару лодыжекъ. Ходятъ на одну, двѣ, три, рѣдко на четыре, еще рѣже на пять и почти никогда на большее число паръ. Иногда прямо обусловливается, чтобы больше, чѣмъ на три пары, не ходить. Затѣмъ ставится конъ и опредѣляется мѣсто, откуда каждой биткой придется бить, а для этого надо свои битки «загонять».

«Загнать»—значить стать позади кона и, положивъ плашмя на ладонь правой руки лодыжку, бросить или покатить ее впередъ на то мѣсто, съ котораго хочешь бить; разумѣется, бросить лодыжку какъ разъ на опредѣленное мѣсто далеко не легкое дѣло. Бить придется по порядку, начиная съ самой дальней битки, и потому интересно знать, гдѣ лягутъ битки противниковъ, т. е. интересно гнать свою битку позже другихъ. Отсюда выработались сложныя правила относительно очереди загонянья. Преимущество имѣетъ тотъ, кто идетъ на большее число битокъ: онъ, правда, начинаетъ загонъ одной изъ битокъ, но онъ же и кончаетъ послѣднею биткою; въ виду этого всѣ игроки получаютъ наименованія «одиночекъ» (т. е. идущихъ на одну битку), «двойниковъ», «тройниковъ» и т. д., но каждаго разряда можетъ быть по нѣсколько игроковъ, а потому здѣсь очередь рѣшается посредствомъ «чуранья». И вотъ раздаются крики: «между двойниками чуръ не мнѣ» (т. е. не мнѣ

гнать битку первому), «между одиночками чуръ не мнѣ» и т. д. или же «во послѣднихъ» (т. е. гнать послѣднему), «во вторыхъ» (т. е. отъ конца) и т. д. Затѣмъ происходитъ нѣсколько споровъ относительно того, кто крикнулъ первый, споры рѣшаются свидѣтелями, и наконецъ очередь установлена. Теперь гонятъ битки имѣющіе ихъ наиболѣе, пока по числу остающихся они не сравняются съ слѣдующей категоріей, тогда гонятъ по одной биткѣ эти категоріи и т. д. Напримѣръ, если играютъ по одному тройнику, двойнику и одиночкѣ, то очередь будетъ такая: тройникъ, двойникъ, тройникъ, одиночка, двойникъ, тройникъ. Болѣе смѣлые и ловкіе игроки гонятъ битки подальше, желая воспользоваться первою очередью, когда конъ цѣлъ и великъ, робкіе гонятъ поближе: отсюда попасть легче, но есть рискъ, что пока дойдетъ сюда очередь, весь конъ уже будетъ сбитъ, партія кончена и надежды на легкую добычу разрушены; вообще каждый гонитъ по вкусу и по характеру. Можно даже заявить, что «оставляешь (битку) въ головахъ» и бить послѣднему непосредственно сверху, стоя прямо надъ кономъ, находящимся между ногами и роняя (именно роняя) битку на головки лодыжекъ. Такъ поступаетъ обыкновенно лишь самый послѣдній по очереди игрокъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ послѣ тебя другой можетъ заявить: «а я у головкахъ сверху» и воспользоваться первой очередью между обоими остающимися. Изрѣдка разрѣшается послѣднему гонящему битку заявить, что онъ «остается дома», что предоставляетъ ему право забрать съ кона всѣ несбитыя погнавшими битки игроками лодыжки, но въ подобныхъ случаяхъ всѣ особенно стараются попадать, и конъ почти всегда бываетъ «добитъ». Заявленіе о томъ, что «остаюсь дома», иногда принимается даже отъ мальчика-зрителя, не рискующаго состязаться въ игрѣ, если онъ поставитъ на конъ и свою пару лодыжекъ.

Нерѣдко возникаютъ споры относительно того, чья битка лежитъ дальше отъ кона, т.-е. кому принадлежитъ первенство въ очереди битья. Этотъ вопросъ или рѣшается другими участниками на глазомѣръ, или по глазомѣру же проводятся отъ каждой битки линіи параллельныя кону, по этимъ линіямъ сближаютъ лодыжки, но какъ разъ въ томъ положеніи, въ какомъ онѣ легли, и вновь смотрятъ на нихъ; если и здѣсь является сомнѣніе, то лодыжки приподнимаютъ за головки, ставятъ на основаніе и вновь смотрятъ, не станетъ ли дѣло яснымъ теперь; но если лодыжки лежали основаніями въ одну сторону, то для рѣшенія спора надо «жоговаться», т.-е. бросать изъ руки лодыжки на землю до тѣхъ поръ, пока только одна изъ нихъ не ляжетъ жогомъ—этой биткѣ и принадлежитъ первенство. Споръ не имѣетъ мѣста въ томъ случаѣ, если битка гнавшаго позже ударилась, «цокнулась» о какую-нибудь уже загнанную битку; хотя бы эта послѣдняя отъ толчка и отлетѣла дальше цокнувшей, ее берутъ и кладутъ около послѣдней, но ближе къ кону.

Про битку, лежащую дальше другой, говорятъ, что она—«завсѣ», «завѣ» или «позавѣ» ея, а про ту, которая легла дальше всѣхъ, говорятъ, что она—«завѣ всѣхъ» или «завсѣ всѣхъ» (sic).

Когда всѣ битки загнаны, что дѣлается очень быстро, и очередь опре-

дѣлилась, то игроки бьютъ въ конъ, начиная съ тѣхъ битокъ, которыя лежатъ „завсѣ всѣхъ". Играя въ конъ, никогда не бьютъ съ мѣста, а подходятъ къ нему на два или три шага—это зависитъ отъ предварительнаго уговора. При томъ обязательно требуется, шагнувши условное число разъ, бить отнюдь не пріостанавливаясь; для этого нужна сноровка, такъ что начинающій плохо умѣетъ согласовать движеніе руки и ногъ.

Если бьютъ «на два шага», то начинать шагать необходимо съ правой ноги, если «на три», — то съ лѣвой, т.-е. такъ, чтобы въ концѣ концовъ впереди оказалась лѣвая нога. Строго соразмѣряя движенія, игрокъ подноситъ битку къ правому глазу, прицѣливается, потомъ, начиная шагать, одновременно заноситъ руку съ биткой назадъ и въ тотъ самый моментъ, какъ лѣвая нога на послѣднемъ шагѣ касается земли, битка несется впередъ, въ конъ. Шагать надо плавно и не особенно широко, иначе выигрышъ въ разстояніи ведетъ къ неустойчивости корпуса, неровному размаху руки и промаху, или, какъ говорятъ, «калдыку». Попадать надо непосредственно въ лодыжки; то, что сбито биткой или сбитой уже лодыжкой, отскочившими отъ стѣны, «съ отскоку», не идетъ въ счетъ и ставится обратно на конъ; точно такъ же не считается то, что можетъ упасть, если битка ударится передъ кономъ и въ конъ попадутъ кусочки земли, песчинки и т. п. — въ такомъ случаѣ говорятъ, что лодыжки сбиты «съ духу». Пускать лодыжку по землѣ «покотомъ» равнымъ образомъ не дозволяется. Вообще быстро достигается замѣчательная мѣткость и чистота удара: битка летитъ стремительно, не вращаясь въ воздухѣ, и, только отразившись отъ земли, продолжаетъ свой полетъ съ вращеніемъ, при чемъ свинчатки зачастую характерно «рычатъ». Хорошій игрокъ почти безъ промаху попадаетъ въ конъ на очень большомъ разстояніи, порою саженъ въ десять, и при удачномъ ударѣ въ разрѣзъ между двумя сосѣдними парами средней части кона сбиваетъ до десяти и болѣе паръ. Лодыжки берутся парами, хотя бы изъ пары упала всего одна лодыжка, но пары должны быть сбиты подъ рядъ; если случайно отпрыгнувшей биткой или сбитой лодыжкой будетъ сбита одна или нѣсколько паръ (или даже одна лодыжка) не подъ рядъ, а «черезъ лодыжку», таковыя ставятся обратно.

Послѣ каждаго удачнаго удара, если лодыжки сбиты не съ краю, а изъ средины кона, и образовались такъ называемыя «ворота» или «прогалы», то нужно составить конъ, чтобы промежутокъ заполнить. При этомъ во избѣжаніе споровъ, полагается, чтобы на мѣстѣ выбитыхъ паръ установилось такое же ихъ число, и потому обыкновенно берутъ нужное число паръ съ краевъ и ставятъ ихъ въ середку, для чего и существуетъ терминъ: «съ краю у середку».

Когда пробьютъ всѣ игроки, то обыкновенно одни будутъ въ выигрышѣ, другіе въ проигрышѣ, и сравнительно рѣдко случается, что каждому достанется то, что онъ поставилъ, что выйдетъ, по выраженію мальчишекъ, «всякъ по собакъ». Но чаще всего конъ не будетъ сбитъ весь, нѣсколько паръ остается, и тогда или добиваютъ конъ «изъ-за этихъ», снова загоняя битки, при чемъ очередь загона сохраняется прежняя, или

играютъ «съ приставкой». Въ послѣднемъ случаѣ всѣ приставляютъ съ каждой своей битки или по лодыжкѣ, «по ланчику», или же «по парѣ», «по своимъ». Въ послѣднемъ случаѣ партія считается новой, каждый имѣетъ право измѣнить число битокъ и измѣняется и очередь загона между каждой группой игроковъ, т.-е. тройниковъ, двойниковъ и одиночекъ. Кто гналъ первымъ, тотъ теперь гонитъ послѣднимъ, «выжидаетъ», очередь остальныхъ смѣщается на одну съ такимъ расчетомъ, что съ теченіемъ игры «выжидаютъ», всѣ поочередно. Такимъ образомъ игра продолжается, пока хватитъ охоты, а ея хватаетъ надолго, да лодыжекъ. Послѣднія быстро исчезаютъ у слабыхъ игроковъ, и для тѣхъ, которые очевидно приходятъ къ полному проигрышу, допускается льгота, которая доказываетъ, что и азартъ игры не заглушаетъ сострадательнаго отношенія къ неудачнику-противнику въ сердцѣ юнаго побѣдителя: именно, проигравшемуся дозволяется ставить одной лодыжкой меньше, чѣмъ слѣдуетъ, и, идя, напримѣръ, на одну битку, ставить только одну лодыжку, а идя на двѣ, ставить пару съ ланчикомъ и т. д. Этотъ обычай вошелъ въ законъ и порою ведетъ къ злоупотребленію снисходительностью товарищей: игрокъ, дѣлая видъ несчастнаго неудачника, утаиваетъ лодыжку за лодыжкой въ своихъ широкихъ карманахъ. Впрочемъ такое надувательство не долго укрывается отъ опытнаго глаза товарищей, и виновный получаетъ презрительное и обидное прозвище „жилы“. Но, наконецъ, и послѣднія лодыжки проиграны, и приходится покупать на копейку, на двѣ, или выпрашивать взаймы, или грустно отойти въ сторонку и сдѣлаться постороннимъ зрителемъ, такъ какъ уйти совсѣмъ почти никогда не хватаетъ духу у присмирѣвшаго отъ своего горя мальчугана. И вотъ онъ глядитъ на болѣе счастливыхъ игроковъ, слѣдитъ за полетомъ каждой битки, съ волненіемъ разсчитываетъ шансы игрока и такимъ образомъ принимаетъ полное участіе въ игрѣ, но участіе молчаливое, такъ какъ всякія замѣчанія, особенно неодобрительныя, раздражаютъ сосредоточенныхъ на своемъ дѣлѣ бойцовъ...

Игра „въ конъ“, какъ мы уже говорили, самая употребительная изъ игръ въ лодыжки, особенно игроками опытными. Въ нее не брезгуютъ играть люди совершенно взрослые, и мы нерѣдко были, въ свое время, свидѣтелями этой игры en grand. На одной изъ окраинъ Курска есть большой пустырь—Бородино Поле. Это обширная немощеная площадь, окруженная небольшими домиками, населенными небогатыми горожанами, ведущими довольно таки первобытный образъ жизни. Къ площади примыкаетъ нѣсколько немощеныхъ широкихъ улицъ съ такими же небольшими веселенькими домиками на фонѣ длинныхъ заборовъ, а то и плетней, окружающихъ безконечные курскіе фруктовые сады. Въ одной изъ этихъ улицъ жилъ и я въ дошкольномъ еще возрастѣ, прилежно занимаясь зимою катаньемъ на салазкахъ и ледянкахъ, а лѣтомъ игрою въ лодыжки. Почти каждый предпраздничный день я отправлялся на Бородино. Поле къ устью одной изъ впадающихъ въ него улицъ, гдѣ уже часовъ съ четырехъ-пяти вечера начиналась игра въ лодыжки. Но это была еще

игра предварительная, завязка настоящей баталіи, и въ ней принимали участіе пока лишь застрѣльщики-ребятишки, нетерпѣливо ожидавшіе грядущаго героическаго состязанія.

И вотъ наступало шесть часовъ, раздавался торжественный ударъ церковнаго колокола, немедленно заставлявшій всѣ головы обнажиться, а лица проясниться, а еще черезъ нѣсколько времени показывались оживленныя группы мастеровыхъ, кончившихъ свою работу на окружающихъ поле фабрикахъ и заводахъ. Теплый лѣтній вечеръ манилъ потрудившихся за недѣлю парней отдохнуть, разогнуть спину, и кто не шелъ въ церковь или въ домъ, тотъ усаживался на крылечкѣ или скамеечкѣ у забора со своими домашними и близкими, мирно толкуя и поглядывая на дѣтвору, сражающуюся въ лодыжки. Но такое посматриваніе не бывало продолжительнымъ: ретивое въ груди парней мало-по-малу разгоралось, и не проходило и получаса, какъ участниками въ игрѣ являлось нѣсколько здоровенныхъ рабочихъ, конъ паръ въ 40—50 отъ забора переносился на просторъ, на средину улицы, и рѣдкимъ повозкамъ или извощикамъ предоставлялось дѣлать крюкъ, направляясь въ сосѣдніе переулки. Юные и слабые игроки или проигрывались въ пять минутъ, или добровольно ретировались, съ удовольствіемъ присоединяясь къ зрителямъ, потому что подобное зрѣлище „настоящей“ игры для нихъ представлялось полнымъ захватывающаго интереса и поучительнымъ. А взрослые игроки входятъ все въ большій и большій азартъ, хотя и стараются сохранять видъ солидный, рычатъ свинчатки, гудятъ и свистятъ чугунки и болты, съ трескомъ разлетаются лодыжки, а крылечки, скамеечки, плетни и заборы полны пожилымъ и юнымъ народомъ, съ добродушными или взволнованными лицами слѣдящимъ за игрою и передающимъ другъ другу тихимъ голосомъ свои замѣчанія, а тихій, теплый вечеръ спускается и на поле, и на улицу, и на душистые сады, длинныя тѣни покрываютъ землю, мягкій сумракъ все болѣе и болѣе сгущается надъ утомленными бойцами, которые съ сожалѣніемъ расходятся по домамъ.

„Конъ“ считается игрою, въ которой наибольшее значеніе имѣютъ ловкость и выдержка игрока и наименьшее—счастье и случайность. Первыя качества всегда въ большомъ почетѣ у юнаго поколѣнія, они должны быть всегда вознаграждаемы и обладающій ими имѣетъ неоспоримое право на первенство во всѣхъ случаяхъ. Въ виду этого и при игрѣ «изнарочну», на лодыжки, принадлежащія одному изъ товарищей, такъ сказать угощающему игрой своихъ пріятелей, дѣлежъ нерѣдко производится не поровну, а «*съ кону*». Для этого всѣ выбираютъ себѣ по одной или по двѣ битки, смотря по условію, всѣ остальныя лодыжки ставятъ на конъ, чураются и бьютъ по правиламъ „кона“; кто что собьетъ, тотъ то и беретъ на свою долю, и такимъ образомъ конъ раздѣляется между игроками.

Очень рѣдко и обыкновенно тоже только ради дѣлежа при игрѣ «изнарочну» можно было увидѣть въ Курскѣ игру «*черезъ конъ*». Всѣ условія при началѣ ея одинаковы съ условіями игры въ конъ, но послѣ перваго загона и ударовъ битки не берутся игроками, а оставляются на

тѣхъ мѣстахъ, гдѣ легли, и считаются загнанными для слѣдующей очереди, когда бьютъ въ конъ уже съ противоположной стороны. Слѣдовательно, для этой игры мѣсто должно быть обязательно открытымъ съ обѣихъ сторонъ.—Игра требуетъ много сноровки и довольно стѣснительныхъ условій; слишкомъ сильный, молодецкій ударъ загонитъ черезчуръ далеко битку для слѣдующей очереди, надо думать и объ этомъ, надо осторожничать, а это претитъ вольному и смѣлому духу юныхъ витязей. Наоборотъ, при слишкомъ слабомъ ударѣ случается порою, что битка вовсе не долетитъ до кону, и тогда игрокъ или вовсе лишается права на ударъ въ слѣдующую очередь, или долженъ бить «со-слѣпу», т.-е. прицѣлиться, а потомъ шагать и бить, закрывши глаза.—Вообще игра «черезъ конъ» особенною любовью не пользуется.

Послѣ самой удалой и молодецкой игры «въ конъ» наибольшими симпатіями пользуется у ребятишекъ нѣсколько болѣе скромная, но требующая тѣхъ же качествъ отъ игрока—игра «*въ плоцы*» или «*въ кляцы*», какъ иногда любовно коверкаютъ слово мальчишки, относясь къ лодыжкамъ съ той же нѣжностью и разговаривая съ ними тѣмъ же чуднымъ языкомъ, какимъ ихъ матушки разговаривали съ своими баловнями нѣсколько лѣтъ до того... Въ плоцы играютъ или «по лашкѣ», или «по парѣ», т.-е. съ каждой битки ставятъ на конъ или по одной, или по парѣ лодыжекъ, при чемъ въ первомъ случаѣ опять-таки ставятъ или отдѣльными лодыжками, или парами.

На нѣкоторомъ разстояніи (отъ 3 до 5 аршинъ) отъ кона проводится черта, и условливаются какъ бить—на два или три шага, или прямо съ мѣста, не шагая,—и игра начинается. Чуранье, очередь загона, удары, составливанье лодыжекъ, приставка и т. п.—все это производится такъ же, какъ и въ игрѣ въ конъ, но очередь удара зависитъ не только отъ того, какъ далеко загнана битка, но и отъ того, какъ она легла, т.-е. плоцомъ, жогомъ, или ничкою. Первая очередь принадлежитъ *плоцамъ*, начиная съ самаго дальняго изъ нихъ, потомъ бьютъ *жоги*, и подъ самый конецъ *ничка*, причемъ послѣдними надо бить не съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онѣ лежали, а всѣми съ черты и лѣвою рукою; если же ни плоцомъ, ни жогомъ не было сбито ни одной лодыжки, то и ничками бьютъ съ ихъ мѣстъ, впрочемъ, до перваго удачнаго удара, послѣ чего остальные игроки бьютъ своими ничками уже съ черты. Слѣдуетъ еще замѣтить, что если всѣ битки легли ничками, то загонъ не считается и надо битки «перегнать», т.-е. загонять снова. Наконецъ, если загнанная битка легла ближе черты, то бьютъ въ очередь по общему правилу, но закрывши глаза, «со-слѣпу».

Какъ видно изъ сказаннаго, въ игрѣ имѣетъ очень большое значеніе выборъ битки, и битка «плоцовитая» составляетъ сокровище игрока, битка же «ляка́стая» считается негодной, какъ бы ни были хороши ея баллистическія качества. Мало того мальчишки порою рѣшаются на скверное дѣло—они подтесываютъ битку, т.-е., положивши ее плоцомъ на

камень или кафлю печки, сглаживаютъ всѣ неровности, мѣшающія биткѣ постоянно ложиться на желаемую сторону, а затѣмъ стертый бокъ тщательно вымазываютъ грязью, чтобы замаскировать поддѣлку. И послѣдняя заботливость далеко не лишняя: игроки относятся къ «подтёсуху» такъ же, какъ взрослые къ фальшивой кредиткѣ, оловянному двугривенному или крапленымъ картамъ, и плутишка сильно рискуетъ тѣмъ, что какой-нибудь проницательный товарищъ откроетъ секретъ его успѣховъ и запустить ему въ голову или куда попало его злополучную битку. Болѣе строгіе ревнители чистоты игроцкихъ нравовъ не допускаютъ подтесуховъ даже на конъ и безжалостно разбиваютъ ихъ камнемъ, чьей бы собственностью они ни оказались.. А между тѣмъ мы недавно получили изъ Курска для коллекціи Лубенскаго музея Е. Н. Скаржинской даже чугунку—подтесухъ; тотъ, кто пользовался ею, право, сильно рисковалъ оказаться съ проломленной головой!

Особенность игры требуетъ и особаго способа загона: загонять битку надо «покотомъ», надо «ссучить» ее съ рукъ, и тогда она очень рѣдко ложится ничкой, что бываетъ почти всегда, если лодыжку бросить такъ, чтобы она прыгала по землѣ, «кубыряя черезъ голову». Вообще загнать хорошо битку при игрѣ въ плоцы—искусство немаловажное. Кстати приходится упомянуть, что изрѣдка брошенная битка падаетъ стоймя, а иногда ложится въ неустойчивомъ равновѣсіи, въ положеніи среднемъ между жогомъ и плоцомъ или ничкою. Послѣднее положеніе имѣетъ характерное названіе и всегда вызываетъ улыбку на лицахъ игроковъ; примѣтивъ такой казусъ, всѣ выкрикиваютъ это словцо, точно бѣшеные срываются съ мѣстъ съ первой попавшейся лодыжкой въ рукѣ и наперерывъ мчатся къ покоящейся въ своей странной позѣ злополучной биткѣ съ тѣмъ, чтобы «перебить» ее. Перебить же значитъ ударить задумавшуюся надъ выборомъ своей позы битку своею биткою, послѣ чего первая принимаетъ вполнѣ опредѣленное положеніе. Почему-то подобный казусъ чрезвычайно увеселяетъ мальчишекъ; они съ такимъ азартомъ бросаются на чужую битку, съ такимъ остервенѣніемъ бьютъ ее, что хозяинъ битки находится въ волненіи и страхѣ за ея участь—и, дѣйствительно, отъ битки порою остаются для него лишь осколки, а въ обидѣ быть онъ не въ правѣ, потому что таковъ обычай.

Большой мѣткости требуетъ игра въ «*лашку за промашку*». Она состоитъ въ томъ, что одинъ изъ играющихъ ставитъ на опредѣленномъ мѣстѣ лодыжку, а остальные съ опредѣленной же черты поочередно бьютъ въ нее: попавшій беретъ сбитую лодыжку въ свою пользу, а въ случаѣ промаха бьющій отдаетъ одну лодыжку своему противнику. Какъ видно, эта игра не отличается большою оживленностью; въ нее играютъ обыкновенно два-три игрока въ ожиданіи, пока соберется компанія для кона или плоцовъ, но какъ упражненіе для выработки вѣрности удара и глазомѣра игра эта считается достойною полнаго уваженія со стороны хорошихъ игроковъ.

Нѣкоторое сходство съ предыдущею игрою имѣетъ игра, курскаго названія которой я никакъ не могу припомнить и подобную которой д-ръ Е. А. Покровскій (l. c. стр. 323) описываетъ подъ названіемъ «*штрафы*». Игру эту я видалъ довольно рѣдко, а состоитъ она въ слѣдующемъ: одинъ изъ играющихъ ставитъ нѣсколько паръ лодыжекъ въ одну линію, но не въ рядъ, а одну пару позади другой; остальные по очереди бьютъ съ опредѣленной черты, стараясь сбить лишь самую заднюю пару. Сбитая ловкимъ ударомъ, пара эта достается бившему, если же онъ собьетъ не одну, а больше паръ, то столько же паръ платитъ своему партнеру. Промахи въ счетъ не идутъ. Конечно, ставятся пары не вплотную, а на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, обыкновенно такомъ, что между ними можетъ быть положена средней величины лодыжка.

Въ гораздо большемъ ходу еще иное видоизмѣненіе той же игры, называемое «*городками*».

При игрѣ въ городки одинъ изъ играющихъ «городитъ», т.-е. исполняетъ какъ бы роль банкира, всѣ же остальные являются понтёрами. Банкиръ ставитъ на землю четыре лодыжки по угламъ а пятую въ центрѣ небольшого, вершка два въ поперечникѣ, квадрата. Впрочемъ такое расположеніе и взаимное разстояніе поставленныхъ лодыжекъ рѣдко считается обязательнымъ, а, напротивъ, зачастую и то, и другое предоставляется на полную волю городящаго, такъ какъ шансы его на выигрышъ или проигрышъ отъ этого не измѣняются. Всѣ остальные играющіе бьютъ въ городокъ съ опредѣленной черты, при чемъ или чередуются, или же пропускаютъ очереди по общему желанію, такъ что въ игру можно когда угодно вступить и когда угодно выйти изъ нея. Промахи не считаются, одна или три сбитыя лодыжки поступаютъ въ пользу бьющаго, за двѣ или четыре бьющій наоборотъ платитъ банкиру такое же число лодыжекъ; наконецъ, если сбиты всѣ пять лодыжекъ, то онѣ вмѣстѣ съ обязанностью быть банкиромъ передаются бьющему. Въ виду этого зачастую банкиръ, которому не везетъ, составляетъ наконецъ лодыжки городка вплотную, чтобы онѣ были сбиты непремѣнно всѣ заразъ.– Игра эта требуетъ большой мѣткости со стороны понтеровъ и большого искусства въ расположеніи лодыжекъ городка со стороны банкира; проходитъ она довольно оживленно, а переходъ лодыжекъ изъ кармановъ въ карманы происходитъ чуть ли не скорѣе, чѣмъ во всякой другой игрѣ.

Если игроковъ соберется немного, всего два-три, и мѣсто достаточно просторное, то нерѣдко затѣвается игра въ „*разжогъ*“, игра съ виду очень несложная и скучная, но на самомъ дѣлѣ требующая вѣрности удара, размѣренія силы и хорошаго глазомѣра; по всему этому хорошіе игроки никогда не прочь поиграть немного въ разжогъ. Чаще всего играющихъ бываетъ двое; каждый даетъ по биткѣ и одинъ изъ играющихъ бросаетъ обѣ на землю, обыкновенно такъ, чтобы лодыжки, ударившись о нее, покатились въ разныя стороны. При этомъ смотрятъ, какъ легли лодыж-

ки — жогомъ или никой (плоцъ въ этой игрѣ считается равнозначащимъ съ никой). Если обѣ лодыжки легли одинаково, надо перевѣдываться до тѣхъ поръ, пока одна не будетъ лежать жогомъ, а другая никой, и право на ударъ принадлежитъ жогу. Игрокъ начинаетъ съ «оббиванья» битки противника (надо замѣтить, что часто разрѣшается вѣдаться одной лодыжкой, а при битьѣ замѣнять ее другою), именно игрокъ долженъ ударить съ своего мѣста битку противника одинъ разъ, а съ того мѣста, гдѣ очутится его битка, въ другой. Бить надо не очень сильно, чтобы битка не отлетѣла слишкомъ далеко, но и не очень слабо, такъ какъ право на ударъ переходитъ къ противнику и въ случаѣ промаха, и въ случаѣ «спяденья»; «спядить» же—значитъ оставить свою битку такъ близко отъ битки противника, что тотъ можетъ, распяливъ какъ можно шире пальцы правой руки, тронуть одновременно концомъ большого пальца одну лодыжку, а концомъ средняго другую. Замѣтимъ кстати, что эта мѣра и называется «пядою», тогда какъ разстояніе между концами большого и указательнаго пальцевъ называется «четвертью» или, по произношенію курскихъ ребятишекъ, «чѐверью»... Когда, наконецъ, игроку удастся «оббить» битку противника, онъ съ мѣста, гдѣ окажется его битка, «разжигаетъ», т. е. швыряетъ свою лодыжку какъ можно сильнѣе, стараясь въ то же время опять цокнуть по чужой биткѣ. Если послѣднее ему удалось, то его соперникъ долженъ гнать «въ пяду», т. е. покатить свою битку такъ, чтобы она спядилась съ биткой противника или же цокнулась о нее; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ выигрываетъ лодыжку, а иначе проигрываетъ. Если же при разжиганьи сдѣланъ промахъ, то происходитъ своеобразный торгъ: разжигавшій, смотря по разстоянію, которое образовалось между обѣими лодыжками, предлагаетъ своему противнику гнать «въ пяду», или «въ двѣ», или больше; но если послѣдній не надѣется вогнать въ назначенное число пядъ, то предлагаетъ первому гнать самому, но съ надбавкою въ одну, двѣ пяды или даже въ одну четверть. Такъ продолжается торгъ, пока одинъ изъ играющихъ не рѣшится попробовать свое искусство и не погонитъ свою битку къ биткѣ партнера; если выйдетъ на его пяды и четверти меньше заказаннаго разстоянія, или если лодыжки цокнутся, то онъ выигрываетъ,—и наоборотъ; затѣмъ игра начинается снова.

Когда играетъ болѣе двухъ игроковъ, то вѣдаются, кому бить, слѣдующимъ образомъ: при трехъ биткахъ начинаетъ тотъ, чья битка упала жогомъ при остальныхъ двухъ ничкахъ. Получившій право на ударъ оббиваетъ битку одного изъ своихъ сторонниковъ, а выигравшій оббиваетъ битку третьяго игрока. При четырехъ начинаетъ одинъ жогъ при остальныхъ ничкахъ или одна ничка при остальныхъ жогахъ; если же выпадутъ два жога и двѣ нички, то право на ударъ рѣшается между двумя жогами, какъ при двухъ игрокахъ. И такъ далѣе, но впрочемъ, болѣе четырехъ игроковъ рѣдко играетъ въ разжогъ, а начинаютъ болѣе интересную игру въ плоцы или въ конъ.

Очень рѣдко при мнѣ происходила игра *„въ накатъ“*: каждый изъ игроковъ даетъ по лодыжкѣ и бросаютъ ихъ оземь, вѣдаясь какъ въ предыдущей, игрѣ; тотъ, кому въ разжогъ принадлежало бы право на первый ударъ забираетъ лодыжки противниковъ безъ игры. Какъ видно, для «наката» умѣнья никакого не требуется.

На стараніи «спядить» основана и другая игра «*въ забилушки*» или «*въ пристѣнокъ*». Играютъ обязательно около какой-нибудь стѣны или забора, на которомъ проводится мѣломъ или углемъ черта на высотѣ примѣрно 1—1 $^{1}/_{2}$ аршина; сперва чураются, при чемъ стараются не попасть въ первую очередь. По установленіи этой очереди, первый бросаетъ лодыжку объ стѣнку повыше черты, лодыжка падаетъ на землю и слѣдующій игрокъ старается такъ ударить своею лодыжкой объ стѣнку, чтобы она, падая, цокнулась о лежащую уже или спядилась съ ней; въ случаѣ удачи онъ и забираетъ ее, въ противномъ случаѣ и его лодыжка остается на землѣ. Тогда наступаетъ очередь слѣдующаго и т. д. Выигрывающій удерживаетъ за собою право на ударъ до промаха; если лодыжка спядилась одновременно съ двумя или тремя лежащими на землѣ, всѣ онѣ принадлежатъ счастливцу. Ударившій объ стѣнку ниже черты, во всякомъ случаѣ теряетъ свою битку; иногда и на землѣ параллельно стѣнкѣ проводится другая черта, ближе которой подходить къ забору нельзя.

Въ пристѣнокъ чаще всего играютъ начинающіе и нерѣдко баранчиками.

Начинающіе же играютъ обыкновенно и «*въ рачки*». «Ракъ», «лечь ракомъ»—это синонимъ терминовъ «жогъ», «лечь жогомъ». Въ этой игрѣ каждый изъ играющихъ ставитъ на конъ по одной лодыжкѣ отъ каждой битки, но лодыжки на кону располагаются не стоймя, а лежа на жогахъ, спинками вверхъ, въ одну непрерывную линію, головка къ головкѣ, основаніе къ основанію. Потомъ чураются и загоняютъ битки изъ-за кона, при чемъ, кромѣ разстоянія принимается въ соображеніе и положеніе битки, т.-е. легла ли она никою или жогомъ (плоцы въ этой игрѣ не считаются). Сперва бьютъ по очереди жоги, а потомъ ники, но всѣ правой рукой Если играющій ударитъ и не промахнется (онъ долженъ не только тронуть, но непремѣнно нарушить правильность линіи кона), то смотритъ, какъ легла послѣ удара и его битка, и лодыжки кона: если битка лежитъ жогомъ, то онъ забираетъ съ кона всѣ жоги, если никой—ему принадлежатъ всѣ ники. Слѣдующій игрокъ бьетъ, не составляя кона, что, разумѣется, труднѣе. Въ этой игрѣ очень многое зависитъ лишь отъ счастья, а потому хорошіе игроки относятся къ ней свысока.

Въ заключеніе намъ остается описать игру «*въ водилушки*», единственную, въ которой выигрыша въ виду не имѣется Играютъ въ нее на лодыжки, принадлежащія одному изъ игроковъ, т. е. «изнарочну»,

но тѣмъ не менѣе она доставляетъ великое удовольствіе даже самымъ заправскимъ игрокамъ и является вполнѣ общественной и самой оживленной игрой. Правила ея довольно сложны, но твердо извѣстны рѣшительно всѣмъ ребятишкамъ.

Въ этой игрѣ одинъ изъ участвующихъ исполняетъ служебную роль, онъ долженъ только ставить лодыжки, сбиваемыя его товарищами, или «водить». Всѣ остальные стараются подольше удержать его въ этой роли, а водильщикъ старается, конечно, избавиться отъ нея и навязать ее другому.

Кому начинать водить и вообще кому какую роль нести въ игрѣ— рѣшается слѣдующимъ образомъ: каждый изъ играющихъ выбираетъ битку по своему вкусу, а всѣ остальныя лодыжки ставятъ парами на конъ; чѣмъ больше выйдетъ конъ, тѣмъ лучше, но во всякомъ случаѣ игра интересна лишь тогда, когда на кону стоитъ не менѣе десяти-двѣнадцати паръ и когда играющихъ не менѣе пяти-шести человѣкъ. Поставивъ послѣднюю пару, немедленно чураются, причемъ кричатъ: «чуру во-первыхъ» и т. д., такъ какъ желательно завладѣть первыми очередями. Затѣмъ проводятъ впереди кона три черты: одну поближе—шаговъ на 10—12 отъ кона, другую подальше—шаговъ на 20 и третью еще дальше—шаговъ на 30. Всѣ игроки отправляются на самую дальнюю черту и оттуда по установившейся очереди бьютъ въ конъ съ двухъ или трехъ шаговъ, по условію; первый попавшій въ конъ получаетъ званіе «бабки», второй—«перваго дѣда», третій—«второго дѣда», и т. д., а послѣднему приходится «водить». Водильщикъ, какъ мы уже сказали, долженъ ставить лодыжки, сбиваемыя товарищами, но кромѣ того онъ ставитъ и свою битку—сзади, впереди или сбоку кона, гдѣ ему угодно; эта битка называется «чинéцъ» и играетъ большую роль въ водилушкахъ.

Бить въ конъ начинаетъ «первый дѣдъ»; если онъ промахнется, то идетъ къ кону, но не смѣетъ трогать свою битку, такъ какъ въ противномъ случаѣ стоитъ лишь водильщику ожечь его шапкой или просто крикнуть: «чуръ ожожки» и провинившійся долженъ смѣнить его. Если же дѣдъ попадетъ въ конъ, то бѣжитъ стремглавъ къ своей биткѣ и старается унести или выбросить ее изъ-за кону прежде, чѣмъ водильщикъ успѣетъ поставить сбитыя лодыжки, въ противномъ случаѣ дѣдъ остается за кономъ. Первый дѣдъ продолжаетъ бить до тѣхъ поръ, пока не останется за кономъ: тогда наступаетъ очередь второго дѣда, но если онъ попадетъ въ конъ и первый дѣдъ успѣетъ выбросить свою лодыжку изъ за кону, то очередь опять переходитъ къ послѣднему; такимъ образомъ первому дѣду приходится больше всѣхъ принимать участіе въ игрѣ. Когда всѣ дѣды «пробьются», т.-е. всѣ останутся за кономъ, то бабка должна ихъ выручать, на что она и имѣетъ шансы, такъ какъ ей бить приходится ближе отъ кону.

Но можетъ случиться, что всѣ бьющіе останутся за кономъ, тогда водильщикъ «выкупаетъ» себя: онъ забираетъ всѣ битки, отправляется на дальнюю черту и оттуда старается попасть въ конъ чьей-нибудь бит-

кою: хозяинъ ея и дѣлается водильщикомъ; если же будутъ всѣ промахи, водильщикъ остается прежній. Итакъ избавиться отъ непріятной обязанности водильщикъ можетъ разными способами, зависящими какъ отъ мѣткости его противниковъ, такъ и отъ собственной расторопности, умѣнья быстро собрать и поставить лодыжки, чтобы оставить за кономъ или даже ожечь кого-либо изъ своихъ не такихъ ловкихъ товарищей, а также въ значительной мѣрѣ отъ хладнокровія и выдержки въ игрѣ. Тотъ, кто торопится, мечется безъ толку, раздражается и унываетъ, тотъ рискуетъ долго остаться водильщикомъ; ловкіе удары повеселѣвшихъ товарищей, ихъ шутки и насмѣшки нерѣдко доводятъ тогда бѣднягу до полнаго отчаянія и слезъ; это называется «заводить».

Но у водильщика есть еще одна надежда на избавленіе отъ своего постылаго долга: если-кто нибудь изъ бьющихъ собьетъ чинца, но одного, безъ другихъ лодыжекъ, то сбившій долженъ водить. Надо, однако, замѣтить, что если водильщикъ, выкупая себя, самъ собьетъ чинца, онъ прекращаетъ свое выкупанье и вновь идетъ водить. Наконецъ, надо пояснить, какъ измѣняются роли игроковъ, когда перемѣняется водильщикъ; прежній водильщикъ дѣлается бабкою, бабка—первымъ дѣдомъ, первый дѣдъ—вторымъ дѣдомъ и т. д., такъ что въ теченіе игры обыкновенно всѣ перебываютъ въ разныхъ роляхъ.

Мы кончили описаніе всѣхъ тѣхъ игръ въ лодыжки, которыя мы ясно помнимъ и въ которыхъ сами въ дѣтствѣ принимали участіе; но мы далеко не исчерпали всего разнообразія этихъ игръ. Смутно мы помнимъ еще о цѣломъ рядѣ даже такихъ игръ, которыя вовсе не упомянуты въ цитированномъ нами цѣнномъ трудѣ д-ра Е. А. Покровскаго; мы ихъ не описываемъ, боясь неточностей и прямыхъ ошибокъ. Не описываемъ мы и цѣлаго цикла поговорокъ, присловій, мальчишескихъ обычаевъ и примѣтъ, который окружаетъ предметъ страсти ребятишекъ—лодыжки. Игры въ лодыжки строго регламентированы; постоянная практика выработала правила чуть ли не на всякій сомнительный случай—передать ихъ всѣ невозможно въ короткой статьѣ, тѣмъ болѣе, что они находятся въ тѣсной связи со многими другими явленіями жизни ребятишекъ. Мы уже говорили, что бываютъ попытки обойти эти правила, попытки, считающіяся нечестными и позорящія доброе имя мальчишки, въ глазахъ не только его товарищей, но и взрослыхъ. Кромѣ изготовленія плоцовитыхъ и жоговитыхъ подтесуховъ чаще всего вызываетъ нареканье такъ называемое скашиванье. «Скосить»—значитъ сдѣлать ударъ не по линіи перпендикулярной къ линіи кона, а нѣсколько сбоку, при чемъ, конечно, лодыжки, валясь въ бокъ, заставляютъ падать сосѣднія пары; такой ударъ даетъ блестящіе результаты, особенно съ близкихъ разстояній, но онъ считается неправильнымъ, и игроки заставляютъ часто «перебиться». Другимъ поводомъ къ несогласіямъ и ссорамъ является «калдыканье» и вообще говоренье «подъ руку». Сказать что-нибудь подъ руку, т.-е. когда игрокъ поднялъ уже руку для удара, и тѣмъ развлечь его вниманіе—считается дѣломъ непозволительнымъ, но если произнести

при этомъ слово: «калдыкъ», то игрокъ имѣетъ полное основаніе возмутиться до глубины своей души. Впрочемъ, ребятишки прекрасно знаютъ свою слабую струнку—желаніе подразнить раздражительнаго товарища, и въ виду этого очень часто передъ игрою объявляется уговоръ играть «съ калдыками» или же безъ нихъ. Въ первомъ случаѣ калдыкать не возбраняется, но тѣмъ не менѣе упорное дразненіе доводитъ порою до серьезной ссоры, во второмъ—не только на калдыкнувшаго обрушивается брань, а то и колотушки, но бившій имѣетъ право, если пожелаетъ, перебиться.

Итакъ, ссоры и даже драки возможны и при играхъ въ лодыжки, но въ общемъ онѣ бываютъ несравненно рѣже, чѣмъ при другихъ играхъ. Хорошимъ игрокомъ въ лодыжки считаютъ лишь того, кто съ мѣткостью удара соединяетъ выдержку, хладнокровіе, спокойное и въ то же время смѣлое до риску отношеніе къ игрѣ и исполненное достоинства, серьезное и привѣтливое отношеніе къ партнерамъ. Всѣ эти качества и стремится инстинктивно выработать въ себѣ каждый игрокъ, а эти качества цѣнятся не одними мальчишками и не въ однихъ играхъ. Всякій взрослый человѣкъ прошелъ черезъ ребяческій возрастъ и вступилъ въ борьбу съ жизнью, обладая извѣстнымъ характеромъ. Но характеръ этотъ выработался именно въ ребяческомъ возрастѣ, и игры въ выработкѣ его занимали роль первостепенную. Взрослые мало вглядываются въ дѣтскія игры, они рѣдко относятся къ нимъ серьезно, съ вниманіемъ и уваженіемъ, а между тѣмъ внимательнаго и уважительнаго отношенія вполнѣ заслуживаетъ этотъ своеобразный міръ, полный всѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается и индивидуальная и общественная жизнь человѣка...

1899 г. 7 октября.

С. К. Кулжинскій.

II.

Дѣтская игра „Кострома“ *).

Въ селѣ Ново-Животинномъ, Подгоренской волости, Воронежскаго уѣзда, мнѣ пришлось увидать очень оригинальную дѣтскую игру, называемую „Костромой“.

Дѣти въ устроенныхъ мною лѣтомъ ясляхъ часто играли въ нее съ большимъ оживленіемъ. Игра велась такимъ образомъ: одна дѣвочка садилась на землю; къ ней на колѣни ложилась другая дѣвочка; остальныя дѣти брались за руки, образуя вокругъ нихъ кольцо, и, распѣвая куплеты, обращались съ вопросами къ сидящей дѣвочкѣ—„матери Костромы“. Сама „Кострома“, лежащая дѣвочка, не принимала въ игрѣ никакого активнаго участія, отвѣты за нее давались ея матерью. Кружась дѣти пѣли:

---

*). Срв. *Е. А. Покровскаго*, „Дѣтскія игры, преимущ. русскія.“ Изд. 2. М. 1895, стр. 196—7. *Ред.*

„Костромушка, Кострома,
Ты жива ль, наша кума?
Какъ у нашей у кумы
На кануне на свече
Ели кашку съ молокомъ
И пышечку съ творогомъ.
Здорова ли, кума?“

На вопросы хора „мать Костромы“ отвечала отдельными фразами: „Здорова!“; „Въ поле ходила—ножку сломала“; „Въ погребъ ходила—захромала“; „Къ вечерне ходила—захворала“; „Подъ святыми лежитъ“; „Къ обедне понесли“; „Хоронить стали!“ После каждаго ответа начальный куплетъ дети пели сызнова. После ответа „хоронить стали“ кругъ детей быстро разрывался, они сбегались въ кучку и тащили лежащую „Кострому“ хоронить. „Кострома“ при этомъ оживала, и игра начиналась снова.

Сообщилъ земскій врачъ *А. Шингаревъ.*

III.

„Ангелъ и Врагъ“.

Детская игра въ Покровск. у. Владим. губ.

Изъ всехъ играющихъ выбираются двое, которые даютъ остальнымъ названія, обозначающія какой-нибудь костюмъ (напр.: шелковое платье, шерстяной платокъ, ситцевая рубаха и т. п.). Одинъ изъ выбранныхъ называется „ангеломъ,“ а другой „врагомъ,“ они подзываютъ къ себе поодиночке всехъ, при чемъ ангелъ задаетъ каждому вопросъ, врагъ подсказываетъ ответы, а спрашиваемый повторяетъ. Ангелъ, показывая вверхъ, спрашиваетъ: „Это что?“ Ответъ — „Небо“. Ангелъ показываетъ внизъ: „Это что?“— „Земля“. Указывается направо; ответъ —„Рай“. Налево—„Дедушкинъ (или кошкинъ) сарай“. Дальше ведется такой разговоръ: „Ты куда ходилъ?“—Къ царю зверей.—„Что тамъ делалъ?“—Туруньки игралъ.—„Поиграй!“ Спрашиваемый пальцемъ бренчитъ по губамъ.—„Засмейся!“ Если спрошенный сохраняетъ серьезный видъ, то отходитъ на сторону ангела, если же улыбнется, то поступаетъ къ врагу. Когда все такимъ образомъ поделятся, обе партіи становятся другъ противъ друга, берутся за руки и стараются перетянуть на свою сторону, кого придется. Перетянутый работаетъ уже съ новой партіей. Между борющимися есть какая-то, не определяемая заранее, черта которую нельзя переступать во время борьбы. Игра кончается, когда все перейдутъ на какую-нибудь сторону [1]).

Сообщено учительницей *Е. Сорокиной.*

---

[1]) Срв. игру „въ ангеловъ и чертей“ въ Величке. Wisla, t. XIII, zesz. 11—12, str. 656: *Ludw. Mlynck*, Wanioly i djobly. Zabawa dzieci Wiełickich.—*Ред.*

Одна изъ раннихъ записей былинъ.

Интересъ къ народной поэзіи въ значительной степени былъ присущъ и нашему XVIII вѣку, вопреки установившимся обычнымъ представленіямъ. Вѣянія національной старины, безсознательная, чисто стихійная народность очень замѣтны даже и въ дворянской средѣ, особенно провинціальной, конца XVIII и начала XIX в. Военные успѣхи Екатерининской эпохи значительно подняли національную гордость и приводили даже къ квасному патріотизму и національной исключительности. Демократизація европейскихъ литературъ, примѣръ такихъ писателей, какъ Мерсье, не могли не отразиться и на нашей поэзіи. Сантиментализмъ и въ особенности романтизмъ естественно подводили ее къ сближенію съ міромъ народной пѣсни и преданія. Можно указать рядъ записей и изданій народно-поэтическихъ произведеній этого времени, рядъ болѣе или менѣе удачныхъ попытокъ подражанія имъ у импер. Екатерины, Львова, Волкова, Радищева, Карамзина, Крылова и пр.

Этотъ процессъ нарастанія народно-поэтическихъ элементовъ въ книжной поэзіи, какъ извѣстно, нашелъ себѣ блестящее завершеніе въ стихотвореніяхъ Пушкина, Лермонтова и Кольцова.

Въ старыхъ журналахъ разсѣяно, но пока еще не собрано много интересныхъ фактовъ для исторіи этого знаменательнаго процесса. Обратимъ вниманіе на одинъ изъ нихъ—кажется, еще никѣмъ не отмѣченный.

Въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ 1827 г. (№ 21, часть VI, стр. 9) была напечатана пѣсня объ Ильѣ Муромцѣ, — повидимому, „съ невѣрнаго списка и потому съ большими ошибками“. Отмѣчая это, „Московскій Телеграфъ“ (1827, декабрь, XXIII, замѣтка Н. П.—конечно, Н. Полевого) рѣшилъ напечатать ее въ исправномъ видѣ, съ очень характернымъ предисловіемъ (стр. 108—109).

„Какъ повѣсть объ извѣстномъ русскомъ богатырѣ, она драгоцѣнна, и тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ пѣсенъ въ этомъ родѣ весьма немного; потому мы рѣшились представить ее публикѣ *съ хранящагося у насъ списка, составленнаго въ Сибири, гдѣ прежде была она народною.* Мы хотимъ со временемъ издать отдѣльною книжкою всѣ собранныя нами старинныя русскія пѣсни, хотя и охотно желаемъ, чтобы кто-нибудь изъ любителей отечественной поэзіи предупредилъ наше намѣреніе“.

Насколько мы знаемъ, до сихъ поръ еще въ научной литературѣ ничего не было извѣстно о записяхъ былинъ Полевого. Какая участь постигла ихъ? А онѣ представили бы очень большой научный интересъ.

Вотъ самая пѣсня въ его записи:

Ужъ какъ по морю, по морю, морю синему,
Здунинай Дунай морю синему [1]),
По синему было морю, по Хвалынскому,

---

[1]) Примѣчаніе Полевого: „припѣвъ и повтореніе каждаго слова должно быть послѣ каждаго стиха“.

Туда плаваетъ Соколъ корабль по тридцать лѣтъ.
Тридцать лѣтъ корабль на якорѣ не стаивалъ,
Ко крутому бережечку не причаливался,
И онъ желтаго песочку въ глаза не видалъ,
А бока то сведены по-туриному,
А нось да корма по-змѣиному,
Атаманомъ былъ на немъ Илья Муромецъ,
А на Муромцѣ кафтанъ рудожелтый цвѣтъ,
На кафтанѣ были пуговки злаченыя,
А на каждой-то пуговкѣ по лютому льву,
И напали на Соколъ корабль разбойнички,
Ужъ какъ злые то Татары со Калмыками,
И хотятъ они Соколъ корабль разбить, разгромить,
Илью Муромца хотятъ въ полонъ полонить.
Илья Муромецъ по кораблю похаживаетъ,
Своей тросточкой по пуговкамъ поваживаетъ:
Его пуговки златыя разгоралися,
Его лютые львы да разревѣлися,
Ужъ какъ злые то Татары испугалися,
Въ сине море Татары побросалися.

Въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ „Пѣсня объ Ильѣ Муромцѣ“ была напечатана безъ всякаго предисловія, въ такомъ видѣ:

По морю, по морю, по морю по синему,
По синему, по Хвалынскому,
Плыветъ Соколъ корабль ровно тридцать лѣтъ,
И на якорѣ Соколъ корабль не стаивалъ,
И желтого песочку въ глаза не видалъ.
Хорошо Соколъ корабль изукрашенъ былъ:
Бока сведены по-звѣриному,
А нось-атъ да корма по-змѣиному.
Кормою-то владѣетъ младъ Полканъ Богатырь,
А всѣмъ кораблемъ Илья Муромецъ.
На Ильѣ Муромцѣ кафтанъ рудожелтой камки.
Илья Муромецъ по кораблю похаживаетъ,
Онъ и тросточкой по пуговкамъ поваживаетъ.
И напали на Соколъ корабль разбойнички,
Горскіе Татары со Калмыками,
И хотятъ они кораблик разбить, разломить,
А онъ-то по кораблику похаживаетъ,
Онъ и тросточкой по пуговкамъ поваживаетъ;
Пуговки злаченыя разгремѣлися,
Лютые львы разревѣлися,
А разбойнички испужалися,
Во горы съ испугу разбѣжалися.

„Московскій Вѣстникъ“ вообще обращалъ большое вниманіе на народно-поэтическое творчество. Такъ, въ 1828 г. (т. VIII № 6, стр. 140) онъ печатаетъ народную пѣснь:

Какъ по садику, по зеленому
Добрый молодецъ похаживаетъ,
Онъ тугой лукъ натягиваетъ,
Калену стрѣлу накладываетъ,
Каленой стрѣлѣ приказываетъ:
„Ты лети, лети, каленая стрѣла,
Выше лѣсу по поднебесью,
Пронози, убей, каленая стрѣла,
Сиза голубя на каменной стѣнѣ,
Сизу утицу на Волгѣ на рѣкѣ,
Красну дѣвицу въ высокомъ терему.
Чтобъ досталася ни мнѣ и никому,
Ни разлучнику злодѣю моему,
Чтобъ досталась она матери сырой землѣ,
Чтобъ сырой землѣ досталась, гробовой доскѣ!“

Еще болѣе любопытна „старинная русская пѣсня“, помѣщенная въ 24-мъ № 1827 г., т. VI, стр. 389—391.

Она сопровождается характерной оговоркой—извиненіемъ: „Пѣсня сія многимъ изъ читателей покажется грубою: мы помѣщаемъ ее, какъ памятникъ старинной поэзіи и свидѣтельство образа мыслей тогдашняго времени; она должна принадлежать къ числу разбойничьихъ волжскихъ пѣсенъ. Журналистъ обязанъ сохранить подобные матеріалы для будущаго историка русской словесности“.

Отъ пѣсни вѣетъ глубокой архаичностью настроенія:

Перепелка пташечка
Примахала крылышки,
Плавальныя перышки:
Молодецъ Казанецъ,
Душа Астраханецъ,
Полюбилъ дѣвку,
Полюбилъ красну;
Полюбивши онъ дѣвицу,
За себя не взялъ,
За себя не взялъ,
Насмѣхаться сталъ:
„Ты не шей, красна дѣвица,
Шитыхъ, браныхъ пологовъ;
Ужъ мнѣ ли молодцу
Не сыпать въ пологу,
Не цѣловывать дѣвицу
Въ сахарныя уста;
Не трепать молодцу
По дѣвичьему тѣльцу.
Мнѣ трепать молодцу
Весломъ по водѣ,
Цѣловать, миловать
Матку Волгу рѣку“.
Ужъ тутъ красна дѣвица
Призадумалася;
Призадумавшись, дѣвица
Слово молвила,
Слово молвила,
Рѣчь говорила:
„Ужъ есть у меня
Да два братца родныхъ,
Я велю тебя поймать,

Волю тебя потерять.
Я изъ мяса твоего
Пироговъ напеку,
А изъ сала твоего
Я и свѣчъ налью,
Изъ буйной головы
Чашу выдѣлаю,
Изъ ясныхъ очей
Да двѣ чарочки,
Изъ костей же твоихъ
Я кровать смощу.
Созову ли я гостей,
Красныхъ дѣвицъ всѣдушей,
Загадаю имъ загадку,
Не хитру, не мудру,
Не хитру, не мудру,
Не отгадливу:
„Ужъ что таково?
Я на миломъ сижу,
И я милымъ подношу,
Милымъ подчиваю,—
Ахъ, милъ передо мною
Свѣчою горитъ?“
Тутъ одна красна дѣвица
Призадумалася,
Призадумавшись, дѣвица
Слово молвила,
Слово молвила,
Рѣчь говорила:
„Ужъ я тебѣ, братецъ,
Говаривала:
Не ходилъ бы ты, братецъ,
Поздно вечеромъ одинъ;
Не любилъ бы ты, братецъ,
Красной дѣвицы души“.

Намъ приходилось встрѣчать упоминанія объ этой пѣснѣ и, ея варіанты но въ такомъ полномъ грубаго и суроваго архаизма видѣ она встрѣчается намъ впервые.

В. Каллашъ.

Къ вопросу о прозвищѣ Ильи Муромца.

Относительно прозвища главнаго богатыря русскаго эпоса было высказано много догадокъ съ разныхъ точекъ зрѣнія. Но всѣ, писавшіе объ этомъ, исходили въ своихъ толкованіяхъ Муромца изъ географическихъ (Моровійскъ=Муромескъ, Муровъ=Муромъ) и историко-литературныхъ данныхъ (Бравлинъ=Моровлинъ) и на основаніи ихъ такъ или иначе рѣшали этотъ вопросъ. Въ своей замѣткѣ я попытаюсь разъяснить смыслъ г. Мурома, какъ географическаго названія, основываясь на показаніяхъ самихъ былинъ. Матеріаломъ мнѣ служатъ былины о боѣ Алеши Поповича съ Тугариномъ [1]) и Добрыни съ Ильей Муромцемъ. Въ первой былинѣ разсказывается о томъ, какъ Алеша со своимъ слугою пріѣхали къ перекрестку, гдѣ пересѣкались три доро и, ведущія къ разнымъ городамъ. Названіе городовъ довольно сильно варіируется. Въ двухъ пересказахъ [2]) упоминаются Муромъ, Черниговъ и Кіевъ; въ мезенскомъ

---

[1]) Начало былины у *Тихонравова* и *Миллера*, Русскія былины, II, 102—4. представляетъ собою вставку именно этого сюжета въ былину о боѣ Ильи съ сыномъ.

[2]) *Кирѣевскій*, Пѣсни, II, 70 и моя запись съ Зимняго берега Бѣлаго моря, № 47, печатающаяся въ сборникѣ Бѣломорскихъ былинъ, записанныхъ мною и А. Д. Григорьевымъ (сборникъ составитъ отдѣльное изданіе Этнографическаго Отдѣла).

варіантѣ [1]) дороги ведутъ въ Кіевъ, Черниговъ и къ *морю* (не искаженіе ли *Морова*-Мурома?); въ томскомъ [2])—въ Кіевъ и Путиловъ-градъ; въ другомъ томскомъ [3])—въ Черниговъ, въ Путérему (=къ Путерему) и въ Кіевъ; въ пересказѣ изъ Пинежскаго уѣзда Архангельской губ. [4])—«ко городу ко Крéмлеву», къ Чернигову и ко кн. Владиміру, въ Кіевъ. Пересказы, записанные въ Якутской области, особенно искажены; въ одномъ изъ нихъ упоминаются дороги (къ) Тугарину, на Вуйндину (?) и (къ) Владиміру (т. е. въ Кіевъ) [5]); въ другомъ—о перекресткѣ вовсе не упомянуто: Алеша со слугой ѣдутъ изъ Чернигова къ Кіеву [6]). Указанныя географическія названія отводятъ насъ въ южную Русь. Путиловъ-градъ есть, несомнѣнно, Путивль; въ двухъ другихъ пересказахъ ему соотвѣтствуютъ Путеремъ и Кремлевъ, въ которыхъ я вижу искаженное названіе того же города. Въ лѣтописяхъ на ряду съ формой Путивль встрѣчаются Путимль [7]) и Путимь [8]); отсюда, съ одной стороны, могъ быть такой переходъ: Путимль—Путемль—Путельмь—Путерьмь—Путеремъ; съ другой стороны, слова́: (дорога) «къ Пути (е) млю»—могли быть поняты какъ «путь къ Емлю», что̀ напомнило слово «кремль» и дало «ко Кремлеву». Итакъ, дороги отъ перекрестка идутъ или 1) въ Муромъ, Черниговъ и Кіевъ, или 2) въ Путивль, Черниговъ и Кіевъ. Во второмъ случаѣ географическое направленіе дорогъ очень ясно: онѣ идутъ къ тремъ городамъ, изъ которыхъ одинъ лежитъ на р. Сеймѣ, притокѣ Десны, другой на Деснѣ и третій на Днѣпрѣ, недалеко отъ устья Десны; разстоянія отъ Путивля до Чернигова и отъ Чернигова до Кіева почти одинаковы. Но что нужно разумѣть подъ г. Муромомъ въ первомъ случаѣ? Видѣть здѣсь просто эпическое перечисленіе городовъ нельзя, потому что Муромъ безъ отношенія къ Ильѣ упоминается лишь въ одной этой былинѣ; предполагать какую-нибудь ошибку пѣвцовъ тоже невозможно, такъ какъ перечисленіе дорогъ въ Муромъ, Черниговъ и Кіевъ находится въ двухъ варіантахъ, изъ которыхъ одинъ (Кирши) записанъ въ Сибири не позднѣе 1768 г., а другой (мой)—на Бѣломъ морѣ въ 1899 г., т. е. спустя не менѣе 130 лѣтъ послѣ перваго; наконецъ, считать Муромъ теперешнимъ городомъ этого имени, лежащимъ на Окѣ, не позволяетъ сама былина, потому что въ такомъ случаѣ между конечными пунктами дорогъ къ Мурому и Чернигову оказалось бы разстояніе въ 6 разъ большее, чѣмъ между Черниговомъ и Кіевомъ, и не могъ бы существовать перекрестокъ. Слѣд., *необходимо* въ «Муромѣ» этой былины видѣть давно уже указанный Моровійскъ, городъ

---

1) *Тихонр.* и *Милл.* II, 103.
2) Ibid, 282.
3) Ibid, 93.
4) Запись А. Д. Григорьева, № 6, изъ числа Бѣломорскихъ былинъ.
5) *Тихонр.* и *Милл.* II, 98.
6) Этнографич. Обозрѣніе, кн. XXIX–XXX, 90.
7) Напр., подъ 1170 г. Живая Старина, г. III, вып. IV, 461, 446, прим. 1; подъ 1404 г. Рускій Времянникъ. М. 1820. I, 268.
8) П. С. Р. Л. X, 90, подъ 1225 г. „князи Путимьскіа".

Черниговскаго княжества, лежавшій на Деснѣ, между Черниговомъ и Кіевомъ, и впослѣдствіи (въ XVI—XVII вв.) извѣстный подъ именемъ Муромеска [1]).

Если въ разсмотрѣнной мною былинѣ Муромъ является въ ряду южнорусскихъ городовъ, то въ былинѣ о боѣ Добрыни съ Ильей Муромцемъ обстановка уже другая. Здѣсь нѣтъ и помину ни о Кіевѣ, ни о князѣ Владимирѣ; все содержаніе ея основывается на столкновеніи рязанца Добрыни съ муромцемъ Ильей. Такъ какъ эта былина имѣла лишь мѣстный, рязанскій интересъ, то она не могла быть популярна: до сихъ поръ она встрѣтилась лишь въ записяхъ, сдѣланныхъ на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря [2]); замѣчательно, что еще одинъ, правда, крайне искаженный, варіантъ записанъ въ Коломнѣ [3]), которая нѣкогда входила въ составъ Муромо-Рязанской области. Содержаніе былины также указываетъ на то, что подъ Муромомъ нужно видѣть близкій къ Рязани городъ, т. е. теперешній городъ Владимирской губ. Слава о воинственныхъ подвигахъ юнаго Добрыни доходитъ до Мурома (конечно, не до далекаго черниговскаго города), и Илья Муромецъ, не стерпѣвъ, чтобы у него былъ молодой соперникъ, ѣдетъ въ Рязань; оказывается, что мать Добрыни близко знаетъ стараго казака: она не только бывала въ Муромѣ, но жила именно въ домѣ родителей Ильи; по одному пересказу (моя запись № 46), она – его двоюродная сестра и нянька. Изъ всего вышесказаннаго ясно, что въ этой былинѣ разсказывается о столкновеніи, оканчивающемся братаньемъ, двухъ мѣстныхъ богатырей Муромо-Рязанскаго княжества, и что въ эпоху сложенія былины Илью, какъ Муромца, производили изъ теперешняго Мурома, а можетъ быть, даже и изъ села Карачарова [4]).

Относительно того, какое пріуроченіе Муромца болѣе древнее, не можетъ быть сомнѣнія. Онъ извѣстенъ преимущественно какъ южно-русскій, кіевскій богатырь; это пріуроченіе имѣло смыслъ не позже XIII вѣка, когда политическій центръ окончательно перешелъ отъ кіевской Руси на сѣверо-востокъ и когда южно-русскій богатырь могъ быть перенесенъ въ другую обстановку, сообразно съ интересами населенія, окрѣпшаго въ новомъ мѣстѣ жительства, на берегахъ средней Оки.

А. Марковъ.

---

[1]) См., напр., Введеніе въ Ист. русск. слов., *Владимірова*, 221, прим.

[2]) *Тихонр.* и *Милл.* II, 60; Извѣстія Отдѣленія русск. языка и словесности И. Академіи Наукъ, т. IV, кн. 2, стр. 664; двѣ мои записи будутъ напечатаны.

[3]) Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, кн. III, 1877 г., отд. II, стр. 17: Илья убиваетъ Добрыню, выѣхавшаго на Русь изъ Царьграда; упомянуты Кіевъ и кн. Владимиръ.

[4]) „Извѣстія": Карачеево; моя запись № 46: Качарово. Такое же пріуроченіе является въ былинѣ о ссорѣ Ильи съ княземъ, гдѣ Муромецъ называетъ себя Никитой-*залѣшаниномъ*: *Кир.* IV, 47; моя запись № 44. Ср. Этногр. Обозр. кн. XLIII, 91.

Толки народа въ 1899 году.

Французскій журналъ Revue des Revues et Revue d'Europe et d'Amérique (1894, № 23, стр. 374—77), перепечатывая помѣщенныя мною въ «Этнографическомъ Обозрѣніи» толки народа по поводу голода и холеры, говоритъ: «Русское прошлое, столь полное страданій, его настоящее, столь исключительное, породили мысли о жизни, имѣющія характеръ странной грусти. Когда мы изслѣдуемъ русскія народныя вѣрованія, бросается въ глаза важная роль, какую здѣсь играетъ конецъ міра. Онъ появляется подъ всѣми формами и при всякомъ удобномъ случаѣ: эпидемія, уносящая тысячи жертвъ, плохой урожай, заставляющій трепетать за существованіе семьи, обычныя несчастія жизни—одинаково даютъ поводъ обратиться къ концу міра, какъ къ послѣднему убѣжищу, къ послѣдней панацеѣ противъ всѣхъ золъ. Русскій фольклоръ указываетъ намъ сокровища этихъ вѣрованій, то странныхъ, то трагическихъ, но всегда, насколько возможно, поэтическихъ».

Съ тѣхъ поръ, какъ были высказаны эти слова, при всей своей деликатности очень обидныя для россійскаго патріота, нисколько не измѣнились да и не могутъ измѣниться при настоящихъ условіяхъ ни «исключительное» положеніе русскаго народа, ни его «странное» пессимистическое міровоззрѣніе, и страшный судъ поэтому для нашего народа еще долгое время будетъ разрѣшителемъ самыхъ сложныхъ и важныхъ жизненныхъ вопросовъ. Доказательствомъ этого положенія могутъ служить слѣдующія далѣе сообщенія.

1. Одинъ изъ моихъ корреспондентовъ, сообщая данныя по народному календарю, подъ 23 апрѣля пишетъ слѣдующее:

— Та це на Юрья нашойи Царыци мынынныкъ. Гарна-то, гарна Царыця... Кажуть, щои у нашого Царя на одынъ золотныкъ менчъ мудрощи противъ Салымона. А ужы уродыться хлопыць, такъ такый буды.

Це уже прыйшлы годы Салымоновы: Богъ напысавъ безъ двохъ сотъ дви тысячи та й прыбывъ на таблыци; Салымонъ узявъ прыпысавъ та й кажы: «Що жъ нысполна друга тысяча; ныхай сполна!» Богъ кажы: «Такъ-то гарно сполна, та мудро буды жыть на цыхъ годахъ, що ты прыпысавъ. Ну, та ко-якъ прожывуть, хочъ мудрощамы». Такъ оце стало мудро жыть.

Я уже казавъ самъ соби: на що його, цього Салымона, чорты вытяглы ызъ моря, якъ його ракъ пырырубавъ чепъ, якъ винъ дознававъ у мори дна? Винъ бы пропавъ, и годивъ бы ны напысавъ. Та воно, мабуть, чорты зналы, що йимъ буды полза: ци люды, що на Салымоновыхъ годахъ уродят(ь)ся, такъ уси пидуть у вадъ, того що воны ны думають, що есть ыще и Богъ, а тилько сама прырода.

(1899. Слоб. Попасная Богучарскаго уѣзда. Сообщ. крест. А. А. Субботинъ).

2.—А це забувъ росказать, що трынацятого ноября буды яка-то оказія на неби, похожы на страшный судъ. Уже йесть пророкы у Москви,

попрысылали кныгы, що буды страшный судъ. Такъ напысано, що якъ прóйды той день, ны буды ничóго, то ныпрыминно буды всемырна война, и вырубають усихъ людей. У насъ теперъ пожурылысь, получылы кныгу ызъ Москвы; прыславъ салдатъ, тамъ служы. Кныга здорова, тилко ще не позволыно чытать до време(ны) у церкви. Послалы розогришенія (!) до Царя, то будуть чытать. У насъ ы гарни хлибá, та ны радуйе, чы довыдет(ь)ся йисты, чы ни. Ужы ходылы двичи за хрыстамы, кажный двиръ правывъ молебинь у хати. Кажынъ ставъ якъ вялый: полякалысь. Йесть такъ, що днивъ по тры поснычать. Багато пошло у Кыйивъ, у Юрусалымъ. Стала церква полна людей—це ны шутка! Кныга зацынзурына, то треба ждать, якъ смерты. (Ib. Id.)

3.—Учора прыйшлось мини пидслухать розмову двохъ мужыкивъ, де воны балакалы ось про шо:

— А шо, Грыцько, ты ны чувъ ничóго?—А шо таке?

— Та шо, братъ, штука ныкрасыва: я чувъ, шо скоро прыйде кинець свиту.—Якъ?

— Та такъ: я бувъ у вивторокъ у свата, и тамъ балакалы, шо осиньню, у ноябри мѣсяци, 13 числа, намъ прыйдыцьця всимъ погыбать.

— Одъ чого жъ це такъ?

— Та, кажуть, буде йты якась тамъ комета, котра и побушкайицьця зъ зымлею и зачéпе собою вси постройкы, поваля йихъ и всихъ подуше, и все одъ нейи погорыть; а яки жытыльства будуть дуже далеко одъ нейи, то самы по соби розвалюцьця и провалюцьця у пропасть, бо колы ця комета побушкайицьця зъ зымлею, то зымля вся затрусыцьця и порéпайицьця, и въ ти щели попровалюються хатъ̀ы.

Грыцько повисывъ голову, трохы подумавъ, а дали й пытá:

— А шо жъ ты, Пытро, ны брешышъ?

— Отъ, чудакъ!.. Чого жъ я буду брыхать? Це и въ кнызи напысано, шо буде йты комета; у Билгороди, на вакзали, продаюцьця кныжычкы по 15 коп.

— А яка вона йесть комета?

— Та хиба жъ ты й ны знайишъ, шо це за комета? Це, бачъ, по нашому вона называйицьця оказія. Ты жъ ранишъ бачывъ оказію, колы пырыдъ турецькою войною выхóдыла? И ця зъ такого жъ самого матыръялу, тико ця, кажуть, буде вылыка, якъ бе ны побильше зымли.

— А ця оказія шó буде прыдвищать?

— Кинець вику буде прыдвищать, бо яки люды хочъ и останућьця, то тежъ довго ны пожывуть, а все жъ такы воны бачытымуть, у знакъ чого вона пройшла.

— Отъ шо, братъ Пытро, цьому ище вирыть опасно: хто бувъ у Бога? По чимъ винъ зна, шо вона буде йты? Це ище на води вылами пысано, бо винъ же, той шо пыше, зъ Богомъ ны совитувався.

— Е, Грыцько, ты жъ ище ничóго ны знайишъ: теперъ люды и

чорта пырыхытрылы, че й скоро до Бога добыруцьця. Ты жъ бачывъ колы ныбудь, якъ міныцьця мисяць або сонце?

— Бачывъ!

— Ну, вотъ, якъ же цьому ны вирыть? Въ яки часы пышыцьця у кныгахъ, такъ и збувайицьця: значыть, воны дознають.

— Та якъ же це можно узнать?

— А отъ же узнають; це все, кажуть, розглядають якымысь трубамы, пидзорными чи-що. У пидзорну трубу якъ подывыся, такъ все розглядышъ до самого неба. И въ ци сами трубы гострономы дывлюцьця и дознають, колы яка оказія явыцьця.

— Отъ, Боже мій, до чого люды дойшлы, выдумалы якись тамъ трубы. Ны такъ дывни трубы, а треба голову поморочыть, зъ чого здилать стекла, котри вставляюцьця въ ти трубы. Ты ны чувъ, Пытро?

— Цього вже я тыби ны докажу, а тико чувъ, шо воны убильшують усяку вещь въ багацько разивъ, такъ шо направыть трубу на жука, то винъ покажыцьця якъ добрый вилъ, и хочъ якъ буде одъ тебе далеко, то буде здавацьця, шо винъ лазе коло ногъ.

— Ну, та це все ничого; а тутъ, Пытро, треба подумать, якъ пырыдъ Богомъ одвичать: нагришылы-то мы багато, а одмолыть ны управымся, смерть недалеко.

— Ну, та шо Богъ дасть; ны журысь, Грыцько, люды всього набалакають, а вирыть ище хто-йи-зна-якъ, че правда, че ни. Балакають на всяки манеры, а шо буде, одынъ Богъ зна; по крайни мири, я такъ чувъ.

Грыцько почухавъ, почухавъ потылыцю та й каже:

— Я, братъ, чувъ и самъ про це саме, тико зовсимъ ны такъ, якъ ты росказуйишъ.

— А якъ же ты чувъ?

— Та мини росказувалы красняньськи мужыкы, шо бутто осыньню буде по воздуси лытить огненный клубокъ, а за нымъ другый, и ци клубкы будуть ось яки: це тико буде намъ казацьця, шо огненни клубкы, а це будуть йихать на воздуси архангылъ Гаврыйилъ и чортъ. Архангылъ Гаврыйилъ буде йихать на билому коневи, и гнатымыцьця за чортомъ, а чортъ попереду буде йихать на дракони и удалятымыцьця одъ архангола. Колы архангол догоне чорта, то у йихъ закыпыть бытва, и хто кого побидыть, на того сторони буде и воля надъ всыю землею; якъ-шо архангол Гаврыйилъ побидыть чорта, то люды ище поживуть на свити; а якъ побидыть чортъ архангола, то тоди на зымли буде царствовать чортъ, а хочъ Анцыхрыстъ; бо винъ сыдыть закований у пекли, а у ноябри, кажуть, йому срокъ зирвацьця зъ чепу, и винъ зорвыцьця, а архангол Гаврыйилъ буде за нымъ гнацьця, шобъ його побидыть и упъйеть закувать.

— Ни, Грыцько, цього нихто ны зна, вирыть тежъ ны можно.

— То ты, Пытро, здорово ны завиряй, бо якъ того, такъ и другого нихто ны зна, а отъ же балакають. А вже шо ныбудь та буде, по народу выдно, шо погыбыли ны мынувать: уже збувайицьця, шо каже от-

кровенійе Боже святому Ыванови. У ивангелійи пышыцьця, шо пырыдъ кинцемъ вику буде йты братъ на брата, батько на сына, сынъ на батька, буде розвратъ, и пиднымыцьця царство на царство,—и все це у насъ уже йе.

— Та це правда, Грыцько, у насъ и то уже йе нымало такыхъ, шо зъ нывисткамы сплять, а якъ у касапузыхъ, такъ тамъ пошты вси снахачи; ридко якого найдышъ, шо ны спыть зъ нывисткою.

— Да, справыдлыво, теперъ чого доброго, а цього повылось по всьому свиту; а шо батькы зъ сынамы, такъ це у кожному двори що-дня можно бачыть, якъ за бороды тягаюцьця. Кажынъ день бизъ того ны обійдыцьця, шобъ сынъ батька ны побывъ, або матиръ. И часто злучайиться, шо сынъ зариже батька або матиръ, и батькы сынивъ рижуть, жинокъ свойихъ рижуть, и такъ бува—до смерты убываютъ.

— А все, я думаю, выходе кавырза изъ-за жинокъ: сынъ батька рывнуйе, а батько сына.

— Теперъ по всьому выдно, шо кинець вика ныдалеко. Спасытыль сказавъ: «Якъ шо будыте робыть по правди, то вику прыбавлю, а якъ будыте робыть пагано, такъ убавлю». Отъ тутъ и гадай, якъ хочышъ. Скорій всього убаве, чымъ прыбаве. А якъ убаве, то прыходыцьця буть страшному судови въ цьому году, бо винъ убаве сто литъ отъ двохъ тысячъ и ще одну сотню годивъ накыне. Похоже—убаве, бо люды сталы хуже скотыны, прежде дужче боялысь Бога, а тыперъ уже ко-яки кажуть, шо Бога зовсимъ ныма; то жъ теперъ буде добро?

— Нашъ братъ розсобачывся здорово, а все жъ такы ны такъ, якъ паны. Мужычкы тымъ гришать, шо воны часто и здорово пъянствуютъ, матюкаюцьця, ны почытають родытыливъ, уже пошты на половыну такыхъ йе; ну, ынши тамъ ворують и ко-яки бувають ласи до молодыхъ чужыхъ жинокъ и дивчатъ; а якъ у панивъ шо робыцьця, такъ ны дай Богъ: пошты вси паны йидятъ що-дня чырызъ увесь годъ скоромне, николы поетивъ ны чтять, ны молюцьця Богу; ридко яки молюцьця, а то бильше забулы про Бога, ынши кажуть, шо Бога зовсимъ ныма; и воны щытають нашого брата за собаку, на всякому слиду все мужыка надувають, и часто напрасно його наказують.

— Ни, це ище ны такъ вылыкый грихъ—скоромне: теперъ и нашъ братъ жре, колы попадя, такыхъ и у насъ багато найдыцьця; а шо паны обижають насъ, то усе тымъ, шо паны надъ намы начальныкы. Ничого ны поробышъ, вси воны въ начали: то членамы, то судьдямы, то земськымы, то ище чымъ, и вси воны надъ намы старшіи. А тутъ отъ чымъ воны здорово гришать: багато йе такыхъ панивъ, шо зроду ны жынылысь; жывуть зъ молодыми дивыцямы: одна прыстарійе, винъ найде другу и жеве зъ нею упъйеть, покы схоче. И такъ винъ увесь викъ скалата, а жыныцьця ны хоче; хочъ и йесть багато грошый, то все одно, бо йэму ны наравыцьля жыть багатому зъ винчаною жинкою, а винъ гате всэ свойе багатство на дивчатъ. Винъ уже прывыкъ бигать по чужыхъ жинкахъ або дивчатахъ, такъ шо його ни за яки благы и калачемъ ны заманышъ жыныцьця; бига, якъ кабель за тичкою—и годи.

— Да, да, це и я тыби хотивъ тико сказать. Та отъ, напрымиръ, нашъ барынъ: у його ыкономія здорова, и винъ жеве дуже багато, а отъ же ны жёныцьця, держе у себе содыржанку, корме, одива, обува по саме первыхъ модахъ и саме зъ луччойи матерыйи одежа на йійи, та й гришмы нагража йійи ны мало. Та ище й йизде зъ нею по гостяхъ и ны трохы ны стыдаицьця, якъ бутто такъ и треба. Його знакоми прыймають, якъ бутто винъ и справди зъ законною жинкою и прыйихавъ, и йимъ ны канхвузно, шо до йихъ б..дь прыйихала. Оце у його уже третя, ныдавно була друга, я теперъ упъйеть нова, выпысавъ изъ Харькива, бутто гыныральска дочка.

— Та теперъ, Пытро, .и гыныральски дочкы розсобачылысь хуже простыхъ: воны даже поступають и въ б....къ, ны то шо въ содыржанкы. Трудомъ кормыцьця ны хочуть, а пустылысь на лыгкый хлибъ.

— Та це правда. А якый рощотъ йому дыржать йихъ? Воны росточають все його именійе то на наряды, то ище тамъ на разни прыхотни, а якъ бе винъ жынывся, такъ жинка бъ йому такого росходу ны робыла, и кроме того ище бъ прыданого бъ узявъ тысячъ пъять—десять, и все бъ такы бувъ барышъ.

— Та знайишъ, братъ, воны, оци вылыки паны, на гроши ны гонюцьця, а живуть, якъ йимъ хочыцьця: прывыкне собака за возомъ, то вона и за саньмы ны втерпе, то такъ и це: винъ прывыкне зъ малыхъ литъ бигать за дивчатамы и такъ, покы здохне, а теперъ уже йому жыныцьця и ны мảныцьця. И отъ прымить: теперъ багато йе такыхъ панивъ.

— Ну, та це ище ничого: винъ хочъ жеве нывинчаный, та хочъ чужыхъ жинокъ ны зманюйе, а то теперъ багато йе такыхъ, котри и жынати, а жывуть зъ чужымы жинкамы, або зъ барышнямы, и жинкы жывуть зъ чужымы мужыкамы и хлопцямы. Значыть, воны тико для блызиру винчаюцьця, а живуть, якъ йимъ хочыцьця. Выходють замижъ воны изъ-за того, шобъ смилишъ можно було волочыцьця за молодыми людьмы; а то будуче барышньою волоцюжыть ны ловко: гляды, та ище назвуть у вичи б...ью; а то вона майе оправданьня, шо вона законна, чесна. Из-за такойи чесносты выходе рывнуваньня, чырызъ шо паны стриляюцьця, травляцьця, душуцьця и всяки штуки бувають. За це саме йимъ дуже вылыкый грихъ, и такихъ грихивъ у панивъ дуже багато.

— Ты подывысь, шо робыцьця у Харькови,—такъ тамъ чыстый адъ крымишный, такъ шо йому ны довго осталось и провалыцьця, якъ Содому и Гомори.

— Та годи вже и балакать про грихы! Тутъ по всьому выдно, шо страшный судъ ныдалеко, бо вже давно бъ треба було бъ усихъ людей повныстожыть. Богъ держе свитъ тико изъ-за якыхъ-ныбудь сотни або, може, й дысяты правдывыхъ, а то бъ давно мы погыблы.

— Ну, та шо було—бачылы, а шо буде—побачымъ. Будымъ ждать кары Божойи, умирать разъ: двомъ смыртямъ не бывать, а одныйи ны мынувать; умирать усимъ треба, тико ны въ одно времъя. Треба тико молыцьця Богу.

— А я чувъ ище такъ: бутто чырызъ симъ годивъ буде всесвитна война, пиде царство на царство, истрывожыцьця вся зымля. И бутто ця оказія прыдвищатыме на щотъ будущойи войны и разныхъ бизпорядкивъ.

— Усе у рукахъ Божыхъ!

— Боже мій! Ны такъ рóбыцьця, якъ намъ хочыцьця, все збувайицьця, якъ назначыно Богомъ.

— Протывъ Бога не попрéшъ.

— Ну годи балакать, пора додому йты, а то мы добалакайимся, шо й скоро десять часивъ буде.

— Ничóго, теперъ празныкъ.

— Та воно-то такъ, та вже и спать захотилось, а тутъ ище я ны вечерявъ; жинка и диты будуть дожыдать вечерять.

— Та я и самъ ны вычерявъ.

— А ны вычерявъ, такъ ходимъ же по домахъ.

— А шо въ тебе грывнымкъ йе?

— Ныма, полтынныкъ йе; учора писокъ возывъ на шосу, такъ заробывъ.

— Ну вотъ ходимъ, пырыдъ вечерыю выпъйимъ; у мене йе 15 коп.: отъ мій грывныкъ та твій грывныкъ—и купымъ сороковку.

— Та ны хотилось полтынныка миняять: жинка тоди й голову прогрызе.

— Ничого. Вона почимъ буде знать? Ты ище заробышъ.

— Ну, ходимъ!

И пишлы у бухветъ. Я послидкувавъ за ныmы, и колы воны увійшлы у бухветъ, я сивъ коло бухвету, на ослинчыку. Сыжу сыби прыгорюнывшись, якъ бутто ничóго ны знаю, а все на усъ мотаю. Отъ воны уходять у бухветъ. Грыцько ставъ требувать горилкы.

— Господынъ, подай лышынь намъ сороковку сывухы.

— За 20?—пыта бухветчыкъ.

— За 20!

— Извольте!

— Та дайте жъ намъ и чарку.

— Добре. А де вы будыте пыть?

— Та тутъ же у васъ.

— А за посуду вы ны оставляйите?

— Ни. На шо жъ оставлять? Мы ны втычымо, тутъ же, пры вашыхъ очахъ, выпъйимъ.

Бухветчыкъ давъ йимъ рюмку. Грыцько налыва и пидносе Пытрови:

— Пый, братъ!

— Ни, поперыду самъ выпый, тоди я.

— Ну, жылаю добра!

— Пый на здоровъя!

Грыцько выпывъ, утерся, покрыктавъ, и налыва Пытрови.

— А я знайишъ чого тыби пожылаю? Сына, бо дви дочки у тебе вже йе.

— Спасыби, це ты добре сказавъ. Та що ище буде, Богъ Святый зна. Жинка кажи, що съ пидъ праваго боку взяло на трети ступни, якъ на хлопця. Спасыби Богови, якъ бе хлопыць.

Пытро такымъ же манирожъ выпывъ. Потимъ налывають сыби по други. Выпылы по други, тоди уже трохы повысылилы, речей у йихъ прыбавылось.

— А шо тыби, Пытро, ны прыходылось чуть таку штуку!

— Шо таке?

— Та шо у кого ныма сынивъ, а родюцьця все дочкы, то ти за-для того, шобъ у йихъ бувъ сынъ, роблять таку штуку. Оце колы лягають спать, то чоловикъ, якъ скыда на ничь штаны, кладе йихъ ны на лавку, або тамъ ище куды, а запыха йихъ пидъ подушку, на яки спыть його жинка, и тамъ воны лыжать до ранку, а у-ранци вытяга и надива, колы треба вставать йому. И такъ винъ робе цилыхъ тры або чотыри мисяци, однымъ словомъ до тыхъ пиръ, покы його баба запузатійе порядошно, а тоди можно и куды хочышъ штаны класты. Одынъ чоловикъ даже мини божывся, шо винъ ны разъ такъ пробувавъ, и завсигды родылысь сыны, а то, бувало, родюцьця у його дочкы та й дочкы; а якъ ставъ класты пидъ головы штаны, такъ уже третій сынъ у його.

— Та це, може, такъ прыйшлось.

— Ни, ны такъ прыйшлось, а похоже на правду.

— Ну, мало чого, шо тамъ стари бабы балакають, все це пустѐ.

Пытро быре бутылку, налыва по трети.

— Ны спишы, Пытро, а то зразу у голову вдаре, заканубе, шо и дорогы ны найдышъ; пырыгоды трохы, часто ны поганяй: посыдымо трохы, тоди допъйемъ.

— Чого тамъ возыцьця надъ нею, скорише допъйемъ, та й по домахъ.

— Та воно-то такъ, та зразу опъянійишъ; до-дому прыйдышъ, жинка узна, буде лаяцьця

— Ехъ, ты, чолочикъ! Жинкы бойицьця: вовка якъ бояцьця, такъ и въ лисъ ныльзя ходыть.

— Та я знаю, я-то ны боюсь, шо вона мене буде быть або лаять, а тико ныпрыятно слухать, якъ вона росхарапоныцьця; якъ кажуть, вовкъ собакы ны бойицьця, та тико звягы ны любе слухать.

— Е, братъ, братъ, тико й нашого, тико теперъ и погулять: помрецьця—все менецьця. Попъйимось до всыпы, а тоди хочъ ныхай и кинець вику прыходе.

— Зъ гуляньня доброго ничого ны выйде, а лучче бъ було, якъ бы мы Богу молылысь, а за гуляньня мы попадемъ, знайишъ, куды?

— Та теперъ, братъ, все равно туды попадать, мабуть, намъ свойихъ грыхивъ ны одмолыть; напрасно тико будышъ трудыцьця, а все равно въ рай ны попадешъ.

А то хочъ, по крайни мири, згадайимъ на тимъ свити, шо добре попылысь: ны такъ досадно буде мучыцьця.

— Та ты вже думайишъ, шо зовсимъ прыйде кинець вику? Здорово ны вныва́й, може це ище людськи росказни.

— Та хто-йи-зна, че росказни, че, може, й правда. Якъ стануть балакать, такъ до чого-ныбудь и добалакаюцьця,— це завсегды такъ бува. Ждать зъ часа на часъ треба страшного суда и бизъ балачкы. У ивангылійи сказано, шо про це нихто ны зна: ны анголи, ны Сынъ, а зна тико одынъ Богъ Отець,—значыть, мы кожну мынуту довжни буть готови.

— Та це такъ, ну тико люды ны стараюцьця готовыцьця, а жывуть сыби, якъ йимъ наравыцьця.

— Такъ це жъ, братъ, обстоятылства дозволяють; у мыри трудно спастысь. Якъ одни роблють, той другому треба такъ же робыть; а якъ затійе повысты жысть свою по закону, то зъ того стануть глузувать и робыть разни пидшкылы на щотъ божыства. Чоловикъ баче, шо зъ його сміюцьця, соблазныцьця, и сыби стане жыть абы-якъ, глядя на другыхъ. А це я думаю врагъ скуша: якъ чоловикъ про святе задума, то вже винъ старайицьця повырнуть по свойому.

— Та бутто Антыхрыстъ уже на зымли, отъ того и развратъ пишовъ.

— Почомъ же можно узнать, шо винъ на зымли? Колы винъ буде на зымли, то, кажуть, будуть разни мукы, болизни, и голодни годы настануть.

— Такъ це буде на послидку; винъ же на зымли пробуде трыдцять тры годы такъ, якъ и Спасытель ходывъ.

— А, може, й такъ.

— Та я чувъ одь Ивана Мыхайловыча, шо бутто того, хто пустывъ молву про комету, заперлы у острогъ и закувалы до тыхъ пиръ, покы пройде комета, ажъ до 13 чысла ноября, и тоди вже, якъ шо правда, шо пройде комета, його одпустють, а якъ кометы ны буде, то винъ и гопрійе у острози. Такъ отъ и догадуюцьця, шо це самый и йе Антыхрыстъ.

— Ны правда, братъ, його на чепи ны вдержышъ, винъ зъ дысяты чыповъ зирвецьця. Та ище хто його може закувать?

— Ны знаю, я чувъ такъ.

— Ну, ныхай буде такъ, а мы ходимъ до-дому; давай поскорій допъемъ горилку.

— Давай!

Ото воны допылы и заразъ же пишлы до дому. Дорогою вже мовчалы. Я тежъ пишовъ спать.

(С. Прохоровка, Курской губерніи. Сообщилъ П. К. Тарасевскій).

Митроф. Дикаревъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Dr. J. Kohler. Zur Urgeschichte der Ehe.—Totemismus, Gruppenehe, Mutterrecht. *Stuttgart. Verlag von Ferdinand Enke. 1897.*

Небольшая книжка Колера (отдѣльный оттискъ статей напечатанныхъ въ «Zeitschrift für vergleich. Rechstwissenschaft») не представляетъ цѣлостнаго изслѣдованія по исторіи брака, но, тѣмъ не менѣе, не лишена извѣстнаго интереса. Авторъ ея уже неоднократно писалъ по данному вопросу и всегда былъ опредѣленнымъ защитникомъ «матріархальной теоріи» именно въ томъ ея видѣ, главнымъ представителемъ котораго является Морганъ. Взгляды послѣдняго ученаго все чаще и чаще начинаютъ вызывать противъ себя возраженія критики, оспаривающей существованіе группового брака, краеугольнаго камня теоріи Моргана, и считающей невозможнымъ строить на основаніи системъ родства какіе-нибудь точные выводы о формахъ семьи. Какъ отвѣтъ на эту критику и интересна книга Колера, но надо признаться, что онъ очень слабо ведетъ защиту мнѣній своего учителя.

Первая глава разбираемой нами книги посвящена критикѣ. Здѣсь авторъ очень удачно, по нашему мнѣнію, оспариваетъ взгляды тѣхъ ученыхъ, которые считаютъ возможнымъ смотрѣть, какъ на наиболѣе раннюю форму семьи, на семью тѣхъ отдѣльныхъ народовъ, которые стоятъ ниже всего прочаго человѣчества по своей матеріальной культурѣ. Вполнѣ вѣрно онъ указываетъ, что полнаго параллелизма въ развитіи семьи и матеріальной культуры нѣтъ, и что сосуществованіе сравнительно высоко развитой семьи съ очень низкой матеріальной культурой такъ же не представляетъ изъ себя ничего невозможнаго, какъ соединеніе у китайцевъ очень высокой культуры и крайне низко развитого языка. Изъ отдѣльныхъ авторовъ Колеръ останавливается на взглядахъ Sarasin'овъ, Westermarck'а и Mucke. Къ сожалѣнію, наиболѣе интересному изъ этихъ авторовъ, Вестермарку, удѣлено меньше всего мѣста; зато на Муке потрачено 10 страницъ; это называется стрѣлять изъ пушекъ по воробьямъ. Вторая глава книги говоритъ о тотемизмѣ и материнскомъ правѣ. Колеръ связываетъ послѣднее явленіе съ первымъ. Тотемизмъ не допускаетъ, чтобы у человѣка сразу было два тотема, а экзогамія требуетъ, чтобы тотемы отца и матери ребенка были различны. Слѣдовательно, ребенокъ долженъ принадлежать или къ тотему отца или къ тотему матери;

соединить ихъ воедино невозможно. Отсюда и получается, по мнѣнію Моргана, материнское право, такъ какъ разъ необходимо дѣлать выборъ между тотемомъ отца и тотемомъ матери, то послѣднему отдается предпочтеніе въ силу большей связи ребенка съ матерью. Съ тотемизмомъ же, по мнѣнію Колера, связана и замѣна материнскаго права отцовскимъ. Онъ думаетъ, что разъ явилась необходимость выдѣлить изъ тотема новыя подраздѣленія, то эти подраздѣленія должны были получать названія отъ имени отца ихъ членовъ. Членъ такого подраздѣленія долженъ былъ естественно (?) желать передать своему ребенку тѣ свойства, которыя онъ получилъ съ тотемомъ отца, и самый этотъ тотемъ (стр. 54). Не говоря уже про то, что является необъяснимымъ, почему именно теперь у отца получилось подобное желаніе, которое одинаково легко могло возникнуть и раньше, объясненіе Колера несостоятельно и въ другихъ отношеніяхъ. Въ особую группу должно было во всякомъ случаѣ выдѣляться довольно значительное число лицъ, дѣти не одного, а нѣсколькихъ лицъ. Поэтому, если бы все подраздѣленіе и получило названіе отъ *личнаго* имени одного изъ отцовъ, то для большинства членовъ новаго тотема это названіе значило бы не больше, чѣмъ ихъ прежнее имя; они не получили бы его по наслѣдству отъ отцовъ, и слѣдовательно утрачивается и послѣднее основаніе для внезапнаго появленія желанія передать это имя своимъ дѣтямъ. *Родовымъ* же именемъ всѣхъ отцовъ новый тотемъ не могъ быть названъ, такъ какъ это привело бы къ существованію двухъ одноименныхъ тотемовъ въ племени, да и кромѣ того, нѣтъ никакихъ указаній, чтобы тотемы всѣхъ отцовъ членовъ новой группы были непремѣнно одинаковы. Гораздо серьезнѣе добавочныя причины, приводящія къ отцовскому праву, на которыя указываетъ Колеръ, а именно разселеніе и обособленіе матери отъ ея родственниковъ, но эти причины уже указывались въ литературѣ (напр. М. М. Ковалевскимъ).

Групповому браку посвящена третья, самая большая глава, занимающая около $^3/_5$ всей книги. По существу новаго здѣсь Колеръ говоритъ очень мало и повторяетъ на разные лады выкладки Моргана. Попрежнему вся теорія группового брака остается построенной на истолкованіи системъ родства. Чтобы объяснить нѣкоторыя системы американскихъ индѣйцевъ, Колеръ придумываетъ двѣ новыхъ формы группового брака: при одной мужъ женится, кромѣ жены, еще на ея теткѣ и племянницѣ, а при другой женщина, кромѣ дѣйствительнаго мужа, имѣетъ мужьями также его дядю и племянника. Генезисъ такихъ странныхъ формъ, особенно второй, которой чего-нибудь подобнаго фактически никогда не наблюдалось, и ихъ отношеніе къ другимъ формамъ—совершенно необслѣдованы авторомъ. А кромѣ того, вѣдь тутъ будетъ въ сущности не групповой бракъ, а просто полигамія и поліандрія, а распространять такъ широко терминъ «групповой бракъ»—это только запутывать дѣло. Шагомъ впередъ въ сравненіи съ Морганомъ является только то, что Колеръ не говоритъ уже о пуналуальной семьѣ, а рисуетъ форму брака, приведшую къ туранской или ганованской семьѣ, въ томъ видѣ, что группа братьевъ женится сообща на группѣ сестеръ. Менѣе удачна попытка справиться какъ-ни-

будь съ тѣмъ затрудненіемъ, которое представляетъ для моргановской теоріи распространеніе названія «мать» на сестеръ матери. Колеръ думаетъ, что названіе «отецъ» переходитъ на братьевъ отца не въ силу недостовѣрности отцовства, а просто потому, что ребенокъ считается ребенкомъ всей группы, аналогичная же причина заставляетъ называть матерью и ея сестеръ. Разъ дѣйствительное происхожденіе играло здѣсь такъ мало роли, то нѣтъ основаній предполагать, чтобы соотвѣтственная группа была именно брачной группой; иными словами, Колеръ вступаетъ на путь, который легко можетъ привести къ отказу отъ теоріи группового брака.

А. Максимовъ.

Естествознаніе и Географія. *(Научно-педагогическій и популярный журналъ, подъ ред.* **М. П. Вараввы.** *Москва)* *). **1898. 1.** *Кащенко, Н. Ѳ.*, проф. Развитіе человѣческаго господства надъ организованной природой.—**1, 2, 3, 4** и **5.** *Бородовскій. Л. И.* На восточныхъ окраинахъ Азіи (изъ путевыхъ впечатлѣній, съ рис.).—**3.** *Житковъ, Б.* Капканный промыселъ въ Симбирской губерніи.—**3, 4.** *Маршаль, Вилльямъ.* О людскихъ нарядахъ съ точки зрѣнія естествоиспытателя. Зоолого-культурно-историческая шутка. Перев. Е. С—а. —**5.** *Ш—въ, П.* Памяти Миклухи-Маклая.— **6.** Смѣсь: Манчжурская экспедиція Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.—Хроника: Колонизація Кавказа. Музей антропологіи и этнографіи (Имп. Ак. Наукъ: новый порядокъ избранія старшаго и младшаго этнографа).—Новое изданіе (журн. «Деревня»).—Охотско-камчатская экспедиція. Переименованіе мыса Восточнаго (въ увѣковѣченіе памяти казака Дежнева—мысъ Дежнева).—Приамурскій отдѣлъ Имп. Р. Г. Об-ва (по отчету за 1896 г.).– **7, 8, 9** и **1899, 3.** *М. С.* Чернь. Очерки сѣверо-восточнаго Алтая.—**7.** Критика: Обзоръ промысловыхъ охотъ въ Россіи, соч. А. А. Силантьева.—**8, 9.** *Ивановъ, А. Б.* Изъ поѣздокъ по Россіи. Сухумъ и его окрестности. **8.** Критика: Ляодунъ и его порты: Портъ-Артуръ и Да-Лянь-вань (Истор.-геогр. очеркъ), соч. Вл. Котовича и Л. Бородовскаго.— **9.** Смѣсь: Три года среди чукчей (по лекціи Н. Л. Гондатти). **10.** Смѣсь: Туруханскій край (изъ лекціи И. В. Передольскаго: По Енисею до Ледовитаго океана).—**1899. 1.** *Подвысоцкій, Н.* Кайваны. Этнографическій очеркъ. (Кайваны—въ Тихвин. у., Новгор. губ.; по мнѣнію автора, они—остатки финск. племени чудь). **2.** *Его же.* Изъ поѣздки на дальній Востокъ. Портъ Аянъ.—*Его же.* Смѣсь: Арбузный праздникъ (въ Китаѣ). **3, 4** и **1900, 1.** *Таліевъ, В.* Очерки Крыма. **3.** Смѣсь: Вымирающее племя (карагасы, въ Нижнеуд. у. Иркутск. губ.).—Жемчужный промыселъ (исторія его въ Россіи).—**4.** Смѣсь: Изображенія у эскимосовъ (по статьѣ Фредерици изъ журн. „Globus", LXXIV, № 8). **5, 7** и **8.** *В. Харузина.* Страна великихъ озеръ (съ рис.): природа, жители, занятія и проч. въ этой части Африки.—**6.** Критика: разборъ книги: «Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества. Подъ ред. В. П. Семенова. Т. I. Московская промышленная

*) См. „Этн. Обозр.", кн. XXXVII.

область и Верхнее Поволжье».—**7.** Путешествіе Ландора по юго-западному Тибету (много свѣдѣній о жизни и нравахъ жителей, между прочимъ, тибетскаго племени Шока. Существуетъ отдѣльная книга: Auf verbotenen Wegen. Reisen und Abentener in Tibet. Von Henry S. Landor. 202 рис., 8 раскр. табл. и карта. Лейпцигъ. 1898).—**8.** Смѣсь: *С. Пащенко.* Мѣстныя названія нѣкоторыхъ птицъ Ярославской губерніи.—**9.** Критика: отзывъ на книгу: «Душа и мозгъ. Лекція проф. Эдуарда Альберта».—**10.** Отзывъ на книгу В. Овчинской: Какъ живутъ японцы (182 стр. Ц. 40 к.). **1900: 1 и 2.** *Бебберъ-ванъ, В. 1., проф.* Климаты земли и ихъ вліяніе на человѣка (перев. Е. С.).—**1.** Смѣсь: Змѣй-великанъ (съ острова Хортицы въ Екатеринославской губ. — Музей антропологіи и этнографіи при Имп. Ак. Наукъ (по отчету за 1899 г.).—**2.** Хроника: Юбилей проф. Миллера (между прочимъ, приведенъ полный текстъ адреса отъ членовъ Этнографическаго Отдѣла Имп. Общ. Люб. Ест., Антропол. и Этнографіи).

Землевѣдѣніе. *Періодическое изданіе Географич. Отдѣленія И. О. Л. Е., А. и Э. Подъ ред. проф.* **Д. Н. Анучина. 1898. I—II.** *Луценко, Е. И.*, Поѣздка къ алтайскимъ теленгетамъ (съ 4 рис.).—*Синицкій, Л. Д.* Политическая географія по Ратцелю.—*Свенъ-Гединъ*, Черезъ центральную Азію. Перев. А. С. Круберъ. - *Анучинъ Д.* Десятилѣтіе со дня кончины Н. Н. Миклухи-Маклая.—**III-IV.** Статья Л. Д. Синицкаго (прод.).—*Геккеръ, Н. Л.* Умирающая народность (по работѣ И. И. Майкова: Нѣкоторыя данныя о тунгусахъ Якутскаго края).—*К-ръ, А.* Семенъ Дежневъ и 250-лѣтіе со времени открытія пролива, именуемаго Беринговымъ.—Седьмой международный географическій конгрессъ въ Берлинѣ.—Мелкія извѣстія: Германскія колоніи въ Африкѣ—**1899. I-II.** *Альбовъ.* Въ заброшенныхъ углахъ Кавказа.—*Его же.* Природа Огненной земли.—*Халатьянцъ, Г. А.* Армянскій памятникъ XVII вѣка съ данными о географіи Абиссиніи и сѣверной Африки вообще (Itinerarium Аветика Богдасаріана).—**III.** *Котляревскій, С.* Что можетъ дать антропогеографія для исторіи.—*Синицкій, Л.* Политич. географія по Ратцелю (оконч.).—Отзывъ на книгу д-ра Д. П. Никольскаго: Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое изслѣдованіе. С-Пб. 1899. 377 стр.—**IV.** *Богоразъ, В. Г.* Русское населеніе на Колымѣ.—*Анучинъ, Д. Н.* VII-ой международный географической конгрессъ въ Берлинѣ.—Некрологи: А. А. Тилло, Э. Ю. Петри, А. Д. Потулова.—*Котляревскій, С.* Гэклюйтовское общество. Замѣтка. (Англійское ученое учрежденіе, посвященное землевѣдѣнію, выпустившее въ свѣтъ много цѣнныхъ изданій. Приводится ихъ списокъ, напр.: Исторія завоеванія татарами Китая, Пьера д Орлеана, 1688 г.; Россія въ концѣ XVI вѣка, Флетчера и „Путешествія“, Горсея; Индія въ XV столѣтіи (изъ латинскихъ, персидскихъ, русскихъ и италіанскихъ источниковъ); Раннія путешествія въ Россію и Персію Антонія Дженкинзона и другихъ англичанъ и отчетъ о первыхъ сношеніяхъ англичанъ съ центральной Азіей черезъ Каспійское море, и многое другое, всего 99 изданій.

Записки Приамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, т. IV, в. IV. Хабаровскъ. 1898 г.

Кромѣ отчета о дѣятельности отдѣла за 1897 г., въ настоящемъ выпускѣ „Записокъ" напечатаны три статьи. Наиболѣе интересной изъ нихъ является первая (*Б. Пильсудскій*, Нужды и потребности сахалинскихъ гиляковъ). Авторъ указываетъ на вызванное русской колонизаціей ухудшеніе положенія гиляковъ, которые быстрыми шагами идутъ къ полному разоренію и слѣдовательно гибели. Единственнымъ спасеніемъ для нихъ будетъ поднятіе ихъ общекультурнаго уровня и переходъ отъ рыболовства и охоты къ земледѣлію и скотоводству. Такой переходъ возможенъ только при широкомъ содѣйствіи администраціи, и г. Пильсудскій довольно подробно останавливается на необходимыхъ для этого мѣрахъ. Между прочимъ, онъ особенно подчеркиваетъ важность любовнаго и гуманнаго отношенія къ гилякамъ, которое одно только и можетъ придать значеніе всѣмъ попыткамъ поднять современное положеніе этого народа. Въ общемъ статья написана очень горячо и, несомнѣнно, наводитъ на очень важныя мысли объ отвѣтственности русскихъ передъ инородцами.

Статья г. *Ив. Надарова* (Переселеніе крестьянъ моремъ въ Южно-Уссурійскій край) не имѣетъ самостоятельнаго значенія и представляетъ подробную рецензію извѣстной книги Ѳ. Ѳ. Буссе. Наконецъ, статья *С. Н. Шестина*. „Тунгусы, обитающіе въ верховьяхъ р. Иро и ея притоковъ", слишкомъ коротка и сообщаемыя ею свѣдѣнія слишкомъ отрывочны. А это жаль, такъ какъ тунгусы р. Иро (впадаетъ справа въ р. Орхонъ, притокъ Селенги) очень мало извѣстны и въ то же время представляютъ большой интересъ, т. к. на нихъ оказали очень сильное вліяніе монголы. Нѣсколько подробнѣе сравнительно описаны г. Шестинымъ свадебные обряды; приведенные имъ охотничьи разсказы, занимающіе чуть не четверть статьи, лишены всякаго интереса.

А. Максимовъ

Ежегодникъ Тобольскаго Губернскаго Музея. Вып. IX. *(Тобольскъ. 1898).*

Изданія Тобольскаго губернскаго музея неоднократно служили предметомъ обсужденія на страницахъ «Этнографическаго Обозрѣнія». Въ свое время было указано на полезную дѣятельность музея, хранящаго великолѣпныя коллекціи, иллюстрирующія бытъ и производства населенія, на энергію, съ которой музей стремится обогатить свои собранія и на просвѣтительную роль, которую играетъ музей въ дѣлѣ разносторонняго изученія Тобольской губ. Издаваемые «Ежегодники» всегда даютъ обширный матеріалъ въ этомъ отношеніи и заслуживаютъ полнаго вниманія этнографовъ. Выпускъ IX «Ежегодника» доказываетъ, что начатая нѣсколько лѣтъ тому назадъ работа по изслѣдованію Тобольской губ. не была мимолетной вспышкой научныхъ стремленій небольшого кружка лицъ; онъ свидѣтельствуетъ, что работа продолжается; и дѣйствительно, накопившіяся трудами отдѣльныхъ лицъ статьи, изслѣдованія и замѣтки, дѣлаютъ «Ежегодники» уже въ настоящій моментъ необходимымъ под-

спорьемъ не только для лицъ, сосредоточивающихъ свои занятія на населеніи Тобольской губ., но и для тѣхъ, кто интересуется вопросами общей этнографіи и пользуется въ этихъ цѣляхъ этнографическимъ матеріаломъ Россіи. Въ IX выпускѣ «Ежегодника» болѣе спеціальный этнографическій интересъ представляютъ слѣдующія статьи: *Н. Ѳ. Катановъ:* Погребальные обряды тобольскихъ татаръ, *и его же:* Преданіе тобольскихъ татаръ о грозномъ царѣ Тамерланѣ. Обѣ статьи представляютъ переводъ изъ труда В. Радлова: «Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ» (С.-Пб. 1872). Какъ извѣстно, чрезвычайно богатый по содержанію трудъ акад. Радлова изданъ безъ перевода, вслѣдствіе чего онъ недоступенъ лицамъ, не владѣющимъ тюркскими нарѣчіями. Н. Ѳ. Катановъ, сообщая время отъ времени переводы изъ богатаго собранія акад. Радлова, тѣмъ болѣе приноситъ пользы, что его переводы внушаютъ къ себѣ полное довѣріе, такъ какъ они выходятъ изъ-подъ пера одного изъ лучшихъ тюркологовъ нашего времени. Статья *В. М. Крутовскаго*: «Очерки Туруханскаго края. Попытки хлѣбопашества въ Туруханскомъ краѣ», посвящена вопросу, возможно ли хлѣбопашество въ Туруханскомъ краѣ. Послѣдній нуждается въ хлѣбѣ, но всѣ попытки развить хлѣбопашество, начиная еще съ XVII в., оставались безуспѣшными. Авторъ видитъ главную причину въ суровости климата и въ возможности получать хлѣбъ по Енисею съ юга. Онъ разсматриваетъ естественныя богатства Туруханскаго края, допускаетъ его будущее развитіе, но только въ качествѣ промышленнаго центра, а не земледѣльческаго. *П. Л. Скалозубовымъ* помѣщены интересные матеріалы о народномъ календарѣ: «Повѣрья, примѣты о погодѣ и сроки сельско-хозяйственныхъ работъ у крестьянъ Тобольской губ.»; матеріалъ расположенъ по мѣсяцамъ и днямъ. *М. Н. Костюрина* сообщаетъ обстоятельно записанный свадебный ритуалъ съ присоединеніемъ свадебныхъ пѣсенъ въ статьѣ «Крестьянская свадьба въ подгородныхъ деревняхъ г. Тобольска». Близость города привела къ исчезновенію нѣкоторыхъ древнихъ чертъ ритуала, которыя еще встрѣчаются въ другихъ мѣстностяхъ Сибири. Интересно сообщеніе о существованіи обычая «умыканья» невѣсты; но оно совершается исключительно изъ соображеній сократить расходы по свадьбѣ. Въ объясненіи свадебныхъ обрядовъ у г-жи Костюриной встрѣчаются нѣкоторыя неточности, которыя могли бы быть выпущены безъ ущерба для статьи. Напримѣръ: «названіе новобрачныхъ «князь и княгиня», пишетъ авторъ, произошло оттого, что мужчины, вступая въ бракъ, дѣлались начальниками рода, старшій же въ родѣ назывался «княземъ» во времена родового быта». Къ счастью, подобныхъ поясненій немного, и матеріалъ, даваемый статьей, не теряетъ интереса. *А. И. Якобію,* давно уже посвятившему свои труды изученію быта остяковъ, принадлежитъ статья по вопросу о вымираніи представителей этой народности: «Остяки сѣверной части Тобольской губ. (Формы угасанія, причины, мѣры помощи)». Наконецъ, небольшая замѣтка *Л. Корикова* сообщаетъ свѣдѣнія о народномъ творчествѣ у вогуловъ. Авторъ «Пѣсней вогуловъ» указываетъ на исчезновеніе прежнихъ вогульскихъ пѣсенъ и преданій о богатыряхъ и на развитіе у нихъ лирики. Первое положеніе

безусловно справедливо; что же касается второго, то вогульская лирика едвали появилась и развивается только за послѣднее время; но на нее прежде мало было обращено вниманія. Лирическія народныя произведенія менѣе долговѣчны, чѣмъ эпическія. Излишне распространяться объ интересѣ собиранія вогульской лирики; авторъ, къ сожалѣнію, даетъ только два образца вогульскихъ лирическихъ пѣсенъ, которыя въ настоящее время сдѣлались такъ сказать уже «народнымъ» достояніемъ, хотя недавніе творцы ихъ и поводы, послужившіе къ ихъ сложенію, извѣстны и въ настоящій моментъ. Г. Кориковъ приводитъ и образецъ вогульской былины, къ сожалѣнію, лишь въ пересказѣ, повидимому, не особенно близкомъ къ подлиннику. Было бы крайне желательно, чтобы починъ въ дѣлѣ собиранія вогульской лирики, сдѣланный г. Кориковымъ, нашелъ себѣ продолженіе въ дальнѣйшихъ трудахъ лицъ, объединенныхъ Тобольскимъ музеемъ.

Н. Х.

Къ древней исторіи Восточнаго Кавказа. Тарихи Дербендъ-Намэ. *Переводъ съ языковъ: тюркскаго, арабскаго, персидскаго и французскаго, подъ ред.* **М. Алиханова-Аварскаго.** *Тифлисъ. 1898 г.*

Дербендъ-Намэ—историческое сочиненіе, обнимающее политическую жизнь Восточнаго Кавказа въ бурный періодъ ожесточенной борьбы изъ-за господства въ этой странѣ между персами, хозарами и арабами, начиная съ конца V и до начала X вѣка по Р. Хр. Сочиненіе Дербендъ-Намэ является сводомъ главнѣйшихъ арабскихъ и персидскихъ извѣстій, касающихся вопросовъ о построеніи „Кавказской стѣны“, о борьбѣ Персіи съ Хозаріей, о появленіи арабовъ въ этихъ странахъ и водвореніи ислама въ Дагестанѣ. Въ мусульманскомъ мірѣ „Дербендъ-Намэ“ циркулируетъ только въ рукописяхъ. Оно извѣстно на языкахъ джагатайскомъ, адербейджанскомъ, персидскомъ и арабскомъ. Еще въ началѣ XVIII в. оно проникало въ публичныя библіотеки Парижа, Берлина и Петербурга, и изъ него разновременно были сдѣланы извлеченія оріенталистами Байерномъ, Клапротомъ и Дорномъ на языкахъ латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ. Въ цѣломъ тюркскій текстъ этого сочиненія параллельно съ англійскимъ переводомъ изданъ только въ Петербургѣ (1851) проф. Каземъ-Бекомъ. Авторъ, Дербендъ-Намэ время его появленія и языкъ, на которомъ первоначально оно было написано, въ точности не извѣстны. Байернъ и Клапротъ считали его авторомъ Мухаммеда-Аваби изъ Акшата или Эндери, хотя и не указываютъ источника, изъ котораго они дѣлаютъ этотъ выводъ. Издатель русскаго перевода „Дербендъ-Намэ“ относитъ его появленіе къ XVI в. по времени водворенія крымцевъ въ Эндери. Ханъ Кази-Гирей, вѣроятно, пожелалъ имѣть историческую компиляцію о Дагестанѣ, гдѣ онъ пробылъ нѣсколько лѣтъ по возвращеніи изъ города на Адербейджанъ. Мухаммедъ-Аваби, ученый мужъ въ Дагестанѣ, исполнилъ его желаніе и написалъ Дербендъ-Намэ на джагатайскомъ нарѣчіи тюркскаго языка, весьма близкомъ къ говору крымцевъ. Впрочемъ, г. Алихановъ-Аварскій оставляетъ открытымъ вопросъ о первоначальномъ языкѣ Дербендъ-Намэ, т. к. есть мнѣніе,

что Мухаммедъ-Аваби составилъ свое сочиненіе на арабскомъ языкѣ. Какъ бы то ни было, изданіе этого памятника является весьма существеннымъ пріобрѣтеніемъ для нашей восточной литературы. Издателю пришлось бороться съ крупными затрудненіями чтенія восточныхъ манускриптовъ, писанныхъ безъ гласныхъ, безъ заглавныхъ буквъ, безъ знаковъ препинанія и красныхъ строкъ. Онъ сопровождаетъ текстъ историко-географическими примѣчаніями и дополняетъ Дербендъ-Намэ, состоящее изъ двадцати главъ, начиная съ появленія хозаръ и персовъ въ V—VII ст. и основанія городовъ въ Дагестанѣ Анаширваномъ-Справедливымъ до водворенія арабовъ и изгнанія ихъ изъ Дербента, девятью приложеніями, извлеченными изъ различныхъ восточныхъ авторовъ. Приложенія касаются: покоренія Арменіи (изъ соч. Бани-Азами), Искандра (изъ соч. Деде - Абренда), исторіи Дагестана Зіяэддина съ редакціонной къ ней замѣткой.

А. Хахановъ.

ЖУРНАЛЫ и ГАЗЕТЫ.

Вокругъ Свѣта 1899. 38. „Новости подъ рукой". Гробница Будды. **49—50.** *Л. Черскій.* Горный духъ, легенда сѣвернаго Кавказа. (Разсказалъ старикъ изъ племени адиге). **1900. 2.** Парсы (небольшая замѣтка и рисунокъ женщины изъ этого племени).

Вѣстникъ Европы 1899. 11. *Т.* Литературное обозрѣніе. Извѣстія XI Археологич. Съѣзда въ Кіевѣ. Кіевъ 1899. *Михальчукъ,* Что такое малорусская (южнорусская) рѣчь? Оттискъ изъ „Кіевской Старины". Кіевъ, 1899. (Недоумѣнія по поводу воспрещенія чтенія докладовъ на галицко-русскомъ языкѣ). **1899. 12.** *В. Ивицкій.* Царица Балтійскаго моря, литовское преданіе (стихотвореніе). **1900. 1.** Еще о Кіевскомъ Археологич. Съѣздѣ. Письмо въ редакцію проф. *Флоринскаго,* и отвѣтъ г. *Т.* **2.** Литерат. обозрѣніе. *Т.* П. А Кулишъ. Біографическій очеркъ, Гринченко. Черниговъ. 1899.

Жизнь. 1899. 6. В. *I. Богоразъ.* Русскіе на рѣкѣ Колымѣ. [Исторія поселеній, отношеніе къ инородцамъ, администрація, промыслы, болѣзни; суевѣрія: шалоникъ (ю.-з. вѣтеръ), мѣдвѣдь, водяной, водяница, лѣшій, горный, сусѣдко, пужанка, чудинка; шаманство, языкъ (окающ.), пѣсни (съ 2 примѣрами)].—Библіографія: *Берлинъ.* Энгельсъ. Происхожденіе семьи, частной собственности и государства. Кіевъ—Харьковъ, 1899—**3.** Библіографія. *П. Левашовъ.* Д-ръ Плоссъ. Женщина въ естествовѣдѣніи и народовѣдѣніи. С.-Пб. 1899. *П. Инфантьевъ.* А. Крымскій. Мусульманство и его будущность. М. 1899.—Матеріалы по этнографіи киргизъ тургайской области. Оренбургъ 1898.—**8.** *А. Хахановъ.* Бытъ грузинскаго народа по произведеніямъ Екатерины Габашвили. **10.** Біографія: *А. Прѣсняковъ.* М. Я. Дьяконовъ. Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ. **11.** Очерки *N. N. N.* Опять „конецъ свѣта" (народныя легенды).—Библіографія: *П. Берлинъ.* Н. И. Зиберъ. Очерки первобытной экономической культуры. Изд. 2 С.-Пб. 1899. — *Мертваго.* Какъ у насъ въ деревнѣ женятся (приведена 1 свад. пѣсня).

Міръ Божій. 1899. IV. *Н. Демидовъ.* Отраженіе семейнаго быта и нравовъ въ народной поэзіи великоруссовъ. (Замѣтка публицистич. характера на основаніи книги Шейна; „Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ", и пр.).—За границей. Будущій конгрессъ исторіи религій (на Парижской выставкѣ 1900 г.).—**1900. I.** Библіографическій отдѣлъ: *П. Милюковъ.* Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемыя гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Вып. шестой. Памятники Владиміра, Новгорода и Пскова. С.-Пб. 1899. *Его же.* Старая Сербія и Македонія. Историко-этнографическое изслѣдованіе С. Гопчевича. Перев. съ нѣм. Миланъ Г. Петровичъ. С.-Пб. 1899. Новости иностранной литературы. Nouvelles études de Mythologie, par Max Muller. traduit de l'anglais par Léon Lob.—Unter den Papuas, von B Hagen, Wiesbaden.

Московскія Вѣдомости 1900. 33. Библіографія: *А.* Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, Тифлисъ. Вып. XXIV и XXV.—**42.** Вымирающій народецъ (чудь-кайвана, въ Тихв. у. Новгор. губ. Изъ „Естеств. и Географіи", № 1). **41.** Библіографія: *В. П.* Юбилейное изданіе.

Юбилейный сборникъ въ честь В. Ѳ. Миллера. Подъ ред. Янчука [1]).—**54.** Библіографія: *С. Кр—въ.* Толкованіе поговорокъ. „Крылатыя слова по толкованію С. Максимова". Изданіе II, С.-Пб. 1899. Ц. 3 р. **56.** Библіографія: Прошлое Арменіи. „А. Аннинскій: Древніе армянскіе историки, какъ историческіе источники". Одесса 1899. Ц. 1 р. 50 к.—Раскопки въ Ай-Тодорѣ (о рефератѣ Ростовцева въ петерургскомъ Археологическомъ обществѣ). **58.** Открытіе эскимосскаго племени („открыто никому до сихъ поръ неизвѣстное племя на Соутгамптонъ-Исландъ, уединенномъ островѣ въ с. части Гудзонова залива").—Смѣсь. Японцы у себя дома. **66, 67, 69.** *Д. Михайловъ.* Русская этнографія въ музеѣ И. Александра III. (Памяти Э. Ю. Петри). **70.** Сахалинскіе гиляки (ихъ некультурность, по статьѣ *Миролюбова* въ „Историч. Вѣстникѣ" 1900 г., № 3). **71.** *М.* Древняя географія и этнографія средней и южной Россіи. (По брошюрѣ проф. Кулаковскаго: Карта Европейской Сарматіи по Птолемею. Привѣтствіе XI Археолог. съѣзду. Кіевъ 1899). **72.** *А. Т.* П. А. Гильтебрандтъ (издатель Онежскихъ былинъ, Трудовъ этнограф.-стат. экспед. въ Ю.-З. край и др. 25-лѣтіе литературной дѣятельности). **73.** Смѣсь. Хожденіе по раскаленнымъ камнямъ (въ Полинезіи: „The Journal of the Polynesian Society"). **82.** Изъ научн. міра. Находка, древнихъ кораблей (близъ г. Адріи, въ равнинѣ р. По). **84.** Тоже. Алжирская Помпея (отчетъ о раскопкахъ въ Тимгадѣ, представленный Баллю французскому министерству изящныхъ искусствъ). **86.** Университ. извѣстія † Н. Н. Харузинъ. **89.** Похороны Н. Н. Харузина. **90.** Успѣхи мусульманства среди киргизовъ („Туркестанскія Вѣдомости", № 23).—Чествованіе профессора Д. Н. Анучина. **93.** Остатки древне-римской живописи въ Bosco Reale, близъ Неаполя. **93.** Екатеринославъ. Археологическая находка. (Близъ села Ново-Ивановки найденъ каменный гробъ, испещренный неизвѣстными письменами; находка хранится въ м. Никополѣ, при становой квартирѣ. „Приднѣпровскій Край").—*Я—цъ.* Нѣсколько словъ о нашихъ исчезнувшихъ родственникахъ. (По статьѣ Тецнера о ганноверскихъ полабахъ въ послѣднемъ № Globus'а). **102.** Дворецъ Одиссея (итоги раскопокъ Дэрпфельда). **103.** Смѣсь. Населеніе дельты Нигера (докладъ де-Карди въ Лондонскомъ Антропологическомъ Обществѣ). **105—106.** *Анатолій Половцовъ.* Русская Помпея. Историко-археологическія картинки Керчи. **109.** Смѣсь. Свадьба мертвецовъ (въ ю. Китаѣ нельзя хоронить холостяковъ, изъ „Il Messagero"). **110.** Могила Софокла (открыта около Колонскаго холма, близъ Аѳинъ, по сообщенію въ „Vossische Zeitung"), **112.** Смѣсь. Индусская легенда о сотвореніи женщины. **113.** Археологическая находка (найденъ мавзолей на о. Косѣ, изъ „Weser Zeitung"). **116.** Библіографія: *Л. Т.* В. Л. Дѣдловъ. Панорама Сибири, путевыя замѣтки. С.-пб. 1900. Ц. 1 р. **126.** Раскопки древней библіотеки на о. Критѣ (глиняныя дощечки съ надписями).

Олонецкія Губ. Вѣд. 1900. 6, 29, 30, 36, 37, 40, 44 (продолженіе). Городъ Каргополь и его окрестности въ 1612—5 гг. **1—2.** Празднованіе Новаго года на Руси (изъ „Хар. Вѣд."), **3.** *N.* Корреспонденціи изъ с. Колодозера, Пудожскаго уѣзда (лѣсникъ-колдунъ). **5.** Памяти Н. А. Иваницкаго (статья *А. В. Круглова* въ „Рус. Вѣд.). **3—5.** *Учитель Н. Кофыринъ.* Свадебные обряды и обычаи въ селѣ Песчаномъ, Пудожскаго уѣзда (съ пѣснями), окончаніе. **20, 22.** *М. Д. Георгіевскій.* Ловля рыбы сѣтями лѣтомъ и зимой въ Олонецкой губ. **9—11, 13, 15, 17, 19, 21, 23.** *А. А. Моисеевъ.* Статистическій очеркъ Архангельской волости Каргопольскаго у. **30.** Корреспонденція изъ села Паданъ, Повѣнецкаго уѣзда (кое-что о русскихъ и корельскихъ свадьбахъ). **34.** Кор. изъ г. Вытегры,—повѣрье о кладахъ.

Православный Благовѣстникъ 1900 г. 1. *М. I. П.* Типы бурятъ. Промышленникъ. **1—2.** *Iерод. Виссаріонъ.* Зависимость Корана отъ природы Аравіи

---

[1]) Рецензія этого изданія помѣщена также въ „Русскихъ Вѣдом". № 58.

1. *С. К.* Библіографическая замѣтка. Лупповъ, Христіанство у вотяковъ со времени первыхъ истор. извѣстій о нихъ до 19 в. С.-Пб. 1899. (Восторженный отзывъ). Изв. и зам. Празднованіе Новаго года въ Японіи. Пляска тибетскаго жреца (Изъ „Berliner Börsen Courier"), 2. *М. I. П.* Типы бурятъ. Тѣни (о флегматичности бурятъ). 4—6. *Iер. Виссаріонъ.* Зависимость Корана отъ обстоятельствъ жизни Мухамеда. *Свящ. А. Ивановъ.* Характеръ чувашскихъ языческихъ молитвословій и наговоровъ (Кереметь, Пулухси, Пигамбаръ, Хурбанъ, Хитръ-сортъ, Вупкынъ, Іе, Вубыръ (Упырь?) Албаста, Эзрель, Убтэ, Тюль-киль, Хирлесвыръ, Ирихъ, Кармалъ, Темень, духи, упоминающіеся въ чув. молитвахъ. 5—6. Индусы и ихъ религія. 5. Изв. и Зам. Бѣдственное положеніе инородцевъ на сѣверѣ Сибири (статья Носилова въ „Н. Времени").—Отчетъ Камчатской духовной миссіи за 1898 г. (Нѣчто о бытѣ тунгусовъ и корейцевъ: рыбные промыслы, болѣзни, свадьбы и пр.

НОВОСТИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Андерсонъ. Исторія вымершихъ цивилизацій Востока. (Рец. въ „Русской Мысли" 1899. I, 7).

Гальковскій. Сербскій народный эпосъ. (Рец. въ „Русск. Мысли" 1899. V, 180).

Кулаковскій. Аланы по свѣдѣніямъ классическихъ и византійскихъ писателей. (Рец. въ „Русск. Мысли" 1899. XI, 421).

Мензисъ. Исторія религіи. (Рец. въ „Русск. Мысли" 1899. III, 87).

Созоновичъ. Къ вопросу о западномъ вліяніи на славянскую и русскую поэзію. (Рец. въ „Русск. Мысли" 1899. V, 181).

Труды X Археологическаго съѣзда въ Ригѣ 1896 г. (Рец. въ „Русск. Мысли" 1899. VII, 251).

Алтайскій Сборникъ, т. III. (Рец. въ „Русск. Мысли" 1899. III, 92).

Воробьевъ. Матеріалы къ антропологіи великорусскаго населенія Ряз. губ. (Рец. въ „Русск. Мысли" 1899. IV, 135).

Гетчинсонъ. Очерки первобытнаго міра. (Рец. въ „Русск. Мысли" 1899. X, 381).

Конъ, А. Я. Физіологическія и біологическія данныя о якутахъ. (Антропологическій очеркъ). Былое и настоящее сибирскихъ иногородцевъ. Матеріалы для ихъ изученія. Минусинскъ. 1899. 89 стр. Ц. 1 р.

Майковъ. Нѣкоторыя данныя о тунгузахъ Якутскаго края. (Рец. въ „Русск. Мысли" 1899. III, 92).

Бычковъ, Александръ. Очерки Якутской области. Путевыя замѣтки. Томскъ. 1899. Ц. 50 к.

Агринскій, К. Ѳ. Русскія народныя примѣты о погодѣ и ихъ значеніе для сельскаго хозяйства. Изд. кн. магазина Мудрявцева. Саратовъ. 1899. Ц. 1 р. 50 к.

Талько-Грынцевичъ. Къ антропологіи великороссовъ. (Рец. въ „Русск. Мысли" 1899. III, 92).

Рожковъ. Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI вѣкѣ. М. 1900.

Глинкинъ. Къ вопросу о происхожденіи права.

Франко. Цыгане, пер. съ малорусскаго. Изд. кн. магазина „Знаніе".

Саккетти, Л. Краткая историческая музыкальная хрестоматія съ древнѣйшихъ временъ до XVII в. Второе дополн. изд. С-ПБ. 1900. Ц. 3 р. 50 к. 488 стр.

Кольбъ, Г. Фр. Исторія человѣческой культуры. Пер. съ 3 нѣм. изд. подъ ред. Рейнгольдта. 2 т. Кіевъ—Харьковъ. 1897—9 гг.

Энгельсъ, Фр: Происхожденіе семьи, частной собственности и государства. Пер. съ 6 нѣм. изд. Бошнякъ, подъ ред. Спиридонова. Кіевъ — Харьковъ. 1899.

P. D. Chantepie de la Saussaye. Geschiedenis van den godsdienst der Germanen vóór hun overgang tot het christendom. Haarlem. 1900. 8⁰. 8, 302 pp.

Sb. Euringer. Die Auffassung des Hohenliedes bei den Abessiniern. Ein historisch-exegetischer Versuch. Leipzig. 1900, 8⁰. VI, 47 pp.

G. Finke. Wer hat die fünf Bücher Moses verfasst? Eine historisch-kritische Studie. Leipzig. 1900. 8⁰. V, 154 pp.

D. Folkmar. Lecons d'anthropologie philosophique. Ses applications à la morale positive. Paris 1900. 8⁰. XIV, 336 pp.

Th. Maass. Der Urzustand der Menschheit. Religions-und naturwissenschaftliche Studie über die biblischen und kirchlichen Lehren vom Urstande. Berlin 1900. 8⁰. IV 89 pp.

Adf. Bastian. Die mikronesischen Colonien aus ethnologischen Gesichtspunkten. Hauptwerk und Ergänzung I. Berlin 1899 и 1900. 8⁰ VII. 370, IV. 112 pp.

Forschungen zur deutschen Landes—und Volkskunde, herausgegeben von A. Kirchhoff. XII. Bd. 4 u 5 Heft. Stuttgart 1900. 8⁰.

A. de Gubernatis. I popoli del mondo. Usi e costumi. Vol. I. Fasc. 1. Milano. 1900. 8⁰.

Fr. X. Kugler. Die babylonische Mondrechnung. Zwei Systeme der Chaldäer über den Lauf des Mondes und der Sonne. Auf Grund mehrerer von J. N. Strassmaier copirten Keilinschriften des britischen Museums. Mit einem Anhang über chaldäische Planetentafeln. Freiburg in Br. 1900. 8⁰. XV, 215 pp. Mit 13 Taf.

A. H. Sayce. Babylonians and Assyrians. Life and Customs. Edinburgh. 1900. 8⁰. X, 273 pp.

A. W. Schleicher's Somali - Texte. Herausgegeben von Leo Reinisch. Wien, 1900. 8⁰. XX, 159 pp.

A. Lyceps. Codes congolais et lois usuelles en vigueur au Congo, collationnés d'après les textes officiels et annotés. Bruxelles 1900. 12⁰. 604 pp.

I. Deniker. The races of man. An outline of anthropologie and ethnographie.

P. Topinard. L'anthropologie et la sciense sociale. Sciense et foi.

ХРОНИКА.

Отчетъ о дѣятельности Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э. за 1898—99 годъ.

Бюро Этнографическаго Отдѣла составляли: предсѣдатель поч. чл. *Вс. Ѳ. Миллеръ*, товарищъ предсѣдателя поч. чл. *В. М. Михайловскій*, секретарь непр. чл. *В. В. Богдановъ*.

Въ отчетномъ году Отдѣлъ имѣлъ 11 засѣданій, изъ нихъ девять закрытыхъ и два публичныхъ; одно изъ публичныхъ засѣданій было соединеннымъ съ засѣданіемъ Антропологическаго Отдѣла. Послѣднее было посвящено памяти столѣтней годовщины дня рожденія А. С. Пушкина, было обставлено торжественно и занято рефератами проф. Д. Н. Анучина и проф. В. Ѳ. Миллера. Остальныя засѣданія были посвящены выслушанію докладовъ по вѣрованіямъ, творчеству, обычному праву и внѣшнему быту различныхъ народностей, живущихъ въ Россіи и внѣ ея.

Съ докладами на засѣданіяхъ Отдѣла выступили слѣдующія лица:

1. **Вс. Ѳ. Миллеръ:** а) Олонецкая старинка о мѣстномъ силачѣ Рахтѣ.
   б) О новой записи стиха о Егоріи Храбромъ.
   в) Пушкинъ какъ поэтъ-этнографъ.

2. **В. М. Михайловскій:** Характеристика французскаго народа.

4. **И. Я. Антуфьевъ:** О личномъ наймѣ вообще и о наймѣ пастуха въ частности въ Томской губерніи.

5. **А. А. Аппасовъ:** Замѣтки о киргизскихъ вѣрованіяхъ.

6. **А. Э. Ворисъ:** Къ вопросу о собираніи свѣдѣній по обычному праву.

7. **А. Д. Григорьевъ:** а) Къ литературной исторіи сказанія объ Акирѣ Премудромъ. б) Объ этнографической поѣздкѣ въ Онежскій уѣздъ.

8. **С. И. Киселевъ:** Имущественныя отношенія между членами семьи Иркутскаго и Балаганскаго округовъ.

9. **Г. И. Куликовскій:** Изъ матеріаловъ по этнографіи Московской губерніи.

10. **Т. А. Лебединскій:** Къ вопросу о религіозныхъ вѣрованіяхъ черемисъ.

11. **А. В. Марковъ:** а) Изъ наблюденій въ Каргопольскомъ уѣздѣ. б) О поѣздкѣ въ Архангельскую губернію лѣтомъ 1899 года.

12. **Н. Д. Маслюковъ:** Бракъ и свадьба у крестьянъ Томской губерніи.

13. **Н. М. Мендельсонъ:** Демонологическое сказаніе XVIII вѣка.

14. **Б. В. Миллеръ:** Карачаевская семейная община.

15. Ѳ. Г. Мищенко: Геродотовскіе вшеѣды.

16. В. А. Мошковъ: Труба въ народныхъ вѣрованіяхъ и представленіяхъ о ней. (Доложилъ секретарь).

17. С. П. Олферьевъ: Слѣды шаманства у современной мордвы.

18. С. С. Саббатаевъ: О судопроизводствѣ у киргизовъ.

19. А. А. Семеновъ: Отношенія къ дѣтямъ у горныхъ таджиковъ.

20. А. С. Хахановъ: Новая версія сказанія о царицѣ Тамарѣ.

21. С. И. Чистяковъ: Къ вопросу о земельныхъ отношеніяхъ въ Томской и Енисейской губерніяхъ.

22. Н. А. Янчукъ: Нѣсколько словъ о „шопкахъ-вертепахъ" въ Сѣдлецкой губерніи. (По поводу „шопки", присланной В. А. Мошковымъ).

Всего было доложено на означенныхъ засѣданіяхъ 25 сообщеній.

Кромѣ того, на засѣданіяхъ обсуждались поступавшія въ Отдѣлъ заявленія, статьи, матеріалы; давались отзывы о вновь вышедшихъ трудахъ по этнографіи, рѣшались вопросы по изданію журнала.

По приглашенію состоящей при Учебномъ Отдѣлѣ Об-ва Распр. Техн. Знаній „Комиссіи по организаціи домашняго чтенія", Отдѣлу предстояло выработать программу чтенія по этнографіи (главнымъ образомъ славянъ) на 4-й годъ, что и было исполнено Н. А. Янчукомъ.

Въ числѣ изданій Этнографическаго Отдѣла продолжалъ выходить журналъ „Этнографическое Обозрѣніе", подъ ред. Н. А. Янчука (11-й годъ изданія). Кромѣ того, готовился новый томъ „Трудовъ Этнографическаго Отдѣла", „Сборникъ историческихъ народныхъ пѣсенъ", новое изданіе программы для собиранія свѣдѣній по этнографіи и сборникъ „Бѣломорскихъ былинъ".

Послѣднее изданіе имѣетъ особенный интересъ. Благодаря лѣтнимъ занятіямъ членовъ Отдѣла А. В. Маркова и А. Д. Григорьева, русская этнографическая литература обогатилась собраніемъ свыше 130-ти былинъ, частью совершенно новыхъ, частью прежнихъ, но въ иной, болѣе свѣжей редакціи. Наконецъ, изученіе означенными лицами на мѣстѣ условій былиннаго творчества говоритъ, съ одной стороны, о невѣдомыхъ еще сокровищахъ русскаго поэтическаго вдохновенія, а съ другой—значительно расширяетъ горизонты научныхъ взглядовъ на вопросы о географическомъ распространеніи былинъ, количествѣ и характерѣ былинныхъ сюжетовъ и о поэтической школѣ былинныхъ сказителей.

Если бы средства дали возможность соединить музыкально-этнографическія цѣли Отдѣла съ изслѣдованіемъ новаго района былинъ и организовать солидную этнографическую экспедицію,—для науки были бы спасены очень многія и цѣнныя данныя изъ духовной жизни русскаго народа, силою культурнаго хода событій обреченныя на угасаніе.

Какъ и прежде, Этнографическій Отдѣлъ продолжалъ обогащаться этнографическими коллекціями, пополнять свою библіотеку новыми изданіями, а свой архивъ—новыми документами, рукописями и другими матеріалами.

Въ нынѣшнемъ отчетномъ году за Этнографическомъ Отдѣломъ была очередь присужденія преміи Имени Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича, учрежденной при Обществѣ въ па-

мять международныхъ конгрессовъ 1892 года въ Москвѣ. Такъ какъ на соисканіе преміи не было представлено ни одного труда къ установленнымъ срокамъ, то присужденіе ея, согласно правиламъ преміи, отнесено на будущій неочередной годъ.

Весною и лѣтомъ 1899 года слѣдующія лица находились въ экскурсіяхъ для собиранія и изслѣдованія научныхъ данныхъ по этнографіи.

1. **И. Я. Антуфьевъ** ѣздилъ въ Томскую губернію, гдѣ въ волостяхъ Покровской и Усть-Тартасской собиралъ свѣдѣнія по обязательственному праву русскихъ крестьянъ, при чемъ имъ добыто 156 рѣшеній.

2. **В. В. Богдановъ** ѣздилъ для предварительныхъ этнографическихъ и географическихъ наблюденій и изслѣдованій въ Архангельскъ, на Соловецкіе острова и на Мурманскій берегъ Ледовитаго океана. Въ Архангельскѣ онъ посвятилъ время изученію географическихъ, историческихъ, этнографическихъ и экономическо-статистическихъ свѣдѣній по сѣверу Россіи, обращаясь за этимъ къ различнымъ ученымъ и административнымъ учрежденіямъ и къ частнымъ лицамъ. На Соловецкихъ островахъ имъ собраны свѣдѣнія географическія, а таже свѣдѣнія объ условіяхъ исторической организаціи и современнаго существованія религіозно-экономической общины.

Изъ своей поѣздки В. В. Богдановъ вывезъ нѣкоторыя коллекціи почвъ, горныхъ породъ, предметы, относящіеся къ антропологіи, а также коллекцію фотографій русскаго сѣвера отъ береговъ Норвегіи до Карскаго моря включительно.

3. **А. Д. Григорьевъ** провелъ мѣсяцъ на сѣверѣ Архангельской губерніи, главнымъ образомъ, въ Онежскомъ уѣздѣ. Имъ записаны 35 былинъ (старинъ), 30 духовныхъ стиховъ и раскольничьихъ пѣсенъ, 6 сказокъ, различныя пѣсни, причитанія и прочее,—всего около 180 №№.

4. **Г. И. Куликовскій** ѣздилъ въ Тверскую губернію, гдѣ занимался собираніемъ свѣдѣній по быту, вѣрованіямъ и творчеству мѣстнаго населенія. Имъ привезена коллекція фотографій, снятыхъ имъ лично.

5. **Н. Д. Маслюковъ** въ Томской губерніи, въ Колыванской волости, снималъ копіи съ рѣшеній волостного суда, а также занимался собираніемъ другихъ свѣдѣній, главнымъ образомъ, по вопросу о раздѣлѣ семейнаго имущества.

6. **А. В. Марковъ** провелъ около мѣсяца въ двухъ селахъ Зимней Золотицы на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря. Здѣсь имъ записано болѣе ста былинъ, о достоинствѣ и значеніи которыхъ уже было сказано раньше. Попутно записаны имъ и духовные стихи, пѣсни, причитанія, сказки, а также собраны матеріалы по быту и діалектологіи русскихъ крестьянъ. Кромѣ того, г. Марковымъ было пріобрѣтено у мѣстныхъ крестьянъ свыше 100 орудій каменнаго вѣка, найденныхъ близъ устья р. Золотицы; вся коллекція орудій передана въ распоряженіе Московскаго Историческаго музея.

7. **А. А. Семеновъ** ѣздилъ въ Тамбовскую губернію, гдѣ въ сѣверной части Шацкаго уѣзда и отчасти въ Спасскомъ уѣздѣ изучалъ смѣшанное населеніе русскихъ, мордвы и татаръ. Здѣсь имъ собраны матеріалы по вѣрованіямъ о колдунахъ и знахаряхъ (у мордвы и татаръ), о „коловершахъ“ и „дикинькихъ мужичкахъ“ (у русскихъ), по свадебнымъ обрядамъ со всѣ-

ми причитаньями и пѣснями (у русскихъ и мордвы); собраны раскольничьи „псальмы“. Изъ вещей пріобрѣтены: коллекція глиняныхъ дѣтскихъ игрушекъ села Демидова и полный русскій женскій костюмъ села Агишева.

8. **А. С. Хахановъ** ѣздилъ въ Кутаисскую и Тифлисскую губерніи. Въ послѣдней имъ записаны народныя пѣсни грузинъ-горцевъ, извѣстныхъ подъ именемъ „мтіуловъ“. Кромѣ того, А. С. Хахановъ приступилъ къ печатанію этнографической программы въ грузинскомъ журналѣ „Кребули“ и перевелъ на русскій языкъ нѣсколько легендъ о ветхозавѣтныхъ лицахъ.

9. **С. И. Чистяковъ** былъ въ Томской губерніи, гдѣ въ Томскомъ округѣ изучалъ обычное право крестьянъ. Въ Елгайской волости и Малошегорской инородной управѣ онъ собралъ свѣдѣнія по семейнымъ и земельнымъ отношеніямъ.

10. **Н. А. Янчукъ**, пользуясь двухмѣсячнымъ пребываніемъ въ центрѣ Малороссіи—Полтавской губ., наблюдалъ современный малороссійскій бытъ съ точки зрѣнія измѣненія этого быта подъ вліяніемъ измѣняющихся условій какъ въ матеріальной, такъ и въ духовной жизни, при чемъ замѣчено, что въ то время, какъ матеріальная сторона жизни, напр. костюмъ, обстановка, значительно измѣняются,—въ области творчества, языка, обрядности старина сохраняется болѣе твердо. Имъ пріобрѣтены для Этнографическаго музея нѣкоторыя характерныя части костюма и обстановки, а по части народнаго творчества сдѣланы записи съ голоса около 3-хъ десятковъ пѣсенъ съ мотивами. Кромѣ обычнаго способа записыванія, были сдѣланы опыты фонографированія пѣсенъ. Также было снято до 30 фотографическихъ снимковъ, видовъ и типовъ въ Лубенскомъ уѣздѣ. Особенно много вниманія было обращено г. Янчукомъ на ознакомленіе съ Лубенскимъ музеемъ г-жи Е. Н. Скаржинской, представляющимъ значительный научный интересъ своими коллекціями по археологіи, церковнымъ древностямъ, естественной исторіи и особенно этнографіи. Изъ дублетныхъ коллекцій этого музея часть передана владѣлицей г. Янчуку для Московскаго Этнографическаго музея, въ томъ числѣ прекрасный альбомъ фотографій мѣстныхъ видовъ и типовъ, снятыхъ мѣстнымъ фотографомъ-любителемъ А. К. Завадскимъ.

О преміи по этнографіи.

Въ виду того, что въ прошломъ году не было представлено сочиненій на премію по этнографіи имени В. Кн. Сергія Александровича, присуждаемую Имп. Обществомъ любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи (см. предыдущій отчетъ), присужденіе означенной преміи можетъ состояться въ текущемъ году, въ годичномъ собраніи Общества 15 октября. Срокъ для представленія рукописныхъ или печатныхъ трудовъ на премію—1 сентября, а для представленія коллекцій—15 сентября. Независимо отъ этого и въ будущемъ году предстоитъ присужденіе очередной преміи по этнографіи.

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

I.

Изъ Якутскаго Округа.

(О нечистой силѣ, вселившейся въ дѣвочку).

Въ Западно-Кангаласкомъ улусѣ, Немюгинскомъ наслегѣ, распространился слухъ, что въ юртѣ Якута Кучарай поселился чортъ, который выжилъ его, и онъ перекочевалъ къ своему сосѣду Дмитрію Эся. На третій день послѣ этого нечистая сила выжила всѣхъ ихъ и побила полѣньями 8 якутовъ, которые пришли удостовѣриться въ этомъ. Слухъ этотъ имѣлъ нѣкоторый этнографическій интересъ, и въ виду того, что не задолго предъ этимъ, будто бы, одинъ шаманъ въ экстазѣ прозорливости сказалъ, что онъ видитъ спускающихся съ неба на Немюгинскій наслегъ чортовыхъ сына и дочь, мы рѣшили лично провѣрить это невѣроятную новость. Когда мы подъѣзжали къ юртѣ Эся, зимній короткій день кончился, и уже наступили сумерки; хозяинъ самъ встрѣтилъ насъ у коновязнаго столба и на вопросъ нашъ, какъ онъ живетъ, сказалъ: „Абасы булан кыэйда — свирѣпствующій демонъ одолѣлъ!“ Въ юртѣ былъ полумракъ; тамъ застали, кромѣ хозяина, старика Кучарай, нѣсколько маленькихъ голыхъ дѣтей, а женскій полъ—хозяйка, слѣпая старуха Кучарая и его внучка—были въ хотонѣ, доили коровъ. Разсказывали они намъ, что въ юртѣ Кучарая нечистая сила появилась недавно, дней 10 тому назадъ; свое присутствіе проявляетъ тѣмъ, что неизвѣстная сила полѣньями разбиваетъ посуду, опрокидываетъ берестяныя кринки съ молокомъ и бьетъ слѣпую старуху Кучарая. Тѣ же явленія повторились вечеромъ, 21 сего декабря; вслѣдствіе этого всѣ они принуждены были бѣжать изъ своего дома, ночевали у сосѣдей, дали знать своимъ родоначальникамъ, которые послали за священникомъ, а въ ожиданіи его староста, родовые старшины и собравшійся народъ сидѣли у сосѣдей не рѣшаясь зайти къ нимъ. Относительно битья полѣньями 8 якутовъ выяснилось то, что дѣйствительно толпа эта приходила, но они въ юрту не входили, стояли въ сѣняхъ, только одинъ изъ нихъ, силачъ Курьтяля, отворивъ двери, сталъ разспрашивать Кучарая; въ это время изъ-за камелька полетѣло къ нему одно полѣно; это такъ испугало силача, что онъ поднялъ крикъ и пустился бѣжать, и остальные товарищи послѣдовали его примѣру. Пока намъ сообщали эти подробности, вдругъ одно полѣно упало на середину пола юрты; по направленію полета его мы заключили, что оно было брошено изъ темной части юрты, гдѣ бабы продолжали доить коровъ. Я приказалъ убрать оттуда все, что могло служить орудіемъ бросанія, но товарищъ мой положилъ туда 2 полѣна, считая неприличнымъ оставлять нечистую силу безъ орудія, а самъ сталъ зорко слѣдить за темной частью юрты, откуда всѣ женщины вышли окончивъ доеніе коровъ. Черезъ $^1/_4$ часа полетѣло къ намъ одно полѣно, и товарищъ мой бросился посмотрѣть за камелькомъ и поймалъ тамъ внучку Кучарая. Она, конечно, не созналась, а объяснила такъ, что когда она пошла за каминъ пить воды, то полѣно само полетѣло. Въ это время пріѣхалъ священникъ, вошли староста, старшина съ толпой народа. Хотя мы, при содѣйствіи священника, убѣждали якутовъ, что это—шалость дѣвочки, но они остались при своемъ увѣреніи, что въ дѣвку поселился демонъ, который заставляетъ ее пугать людей, и навѣрное изъ нея впослѣдствіи выйдетъ шаманка, такъ какъ дѣдъ ея Кучарай немного шаманитъ—ждалбыржитъ, а потому родоначальники постановили: отдать Кучарая на церковное покаяніе, чтобы онъ тамъ пріобщился Св. Таинъ, и въ домѣ его отслужить молебенъ, а внучку его отдать подъ надзоръ благонадежнаго лица. Съ того времени шалости демона прекратились, но силачъ Куртяля сдѣлался большимъ эмюряхомъ: онъ теперь при всякомъ внезапномъ стукѣ и крикѣ приходитъ въ нервное состояніе.

Н. Припузовъ.

Селеніе Улахъ-Анское.
31 дек. 1899 г.

II.

Изъ Тверской губ.

(*Обряды относительно скота*).

Въ здѣшнихъ мѣстахъ мнѣ приходилось наблюдать нѣкоторые до сихъ поръ сохранившіеся отъ глубокой старины обычаи относительно скота.

Прежде чѣмъ начать доить отелившуюся корову, ее „*окуриваютъ*". Дѣлается это такъ: сперва корову обмываютъ, а затѣмъ кладутъ на черепокъ горящихъ угольевъ, прибавляютъ туда ладану и обносятъ вокругъ коровы, подъ шеей, подъ выменемъ и подъ хвостомъ; начинаютъ обносить черепокъ съ угольями спереди, т.-е. отъ морды, и обыкновенно эту операцію выполняютъ вдвоемъ. Потомъ такимъ же образомъ окуриваютъ и теленка, тоже предварительно обмытаго. Употреблять молоко отъ неокуренной коровы нельзя, такъ какъ такая корова считается нечистой.

Передъ выгономъ скота 23 апрѣля его „*обсѣкаютъ*". На дворъ, гдѣ стоитъ скотъ, входятъ двое мужчинъ, у одного въ рукахъ топоръ, у другого косарь, большой ножъ, или еще что-нибудь въ этомъ родѣ. Отъ воротъ обсѣкающіе расходятся въ разныя стороны и обходятъ дворъ въ противоположныхъ направленіяхъ. На другой сторонѣ двора они, конечно, встрѣчаются и при этомъ ударяютъ косаремъ о топоръ; то же повторяется у воротъ и такимъ образомъ дворъ обходятъ три раза. Объяснить значеніе этого обряда мнѣ не могли, равно какъ отрицали, чтобы въ это время читались какія-нибудь молитвы или заговоры.

Самый выгонъ скота совершается съ большой торжественностью. Всегда обязательно приглашается священникъ служить молебенъ; скотъ кропятъ святой водой. Раньше 23 апр. никто скота не выгоняетъ. Послѣ молебна бабы идутъ на свои озимыя полосы и втыкаютъ въ нихъ вербы, освященныя въ вербное воскресенье. При этомъ онѣ очень усердно молятся и кладутъ поклоны.

(*Трауръ по дѣвичеству*).

Старины въ нашихъ мѣстахъ немного, мало что можно собрать. Народъ въ большинствѣ случаевъ грамотный, притомъ побывавшій въ Петербургѣ и Москвѣ. Зато вотъ интересное нововведеніе: дѣвушки просватанныя надѣваютъ трауръ, т.-е. черный платокъ и темный сарафанъ, и такъ сами объясняютъ, что онѣ носятъ „трауръ по дѣвичеству". Носится трауръ до самый свадьбы и не снимается на всѣхъ предсвадебныхъ торжествахъ. Пошла эта мода только за самые послѣдніе годы, да и вообще трауръ по покойникамъ и то стали носить очень недавно.

А. Максимовъ.

Прямухинская вол.
Новоторжск. у.

НОВОЕ ИЗДАНІЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА.

ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ ТОМЪ

„Трудовъ Этнографическаго Отдѣла“,

содержащій въ себѣ

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИКЪ

въ честь **Вс. Ѳед. Миллера,**

изданный его учениками и почитателями, съ портретомъ,

подъ ред. ***Н. А. Янчука.***

(Москва, 1900 г. Около 50 печ. листовъ. 4°. Цѣна 3 руб.).

СОДЕРЖАНІЕ:

От ъ редакціи.—**В. М. Михайловскій.** Краткій очеркъ научной дѣятельности В. Ѳ. Миллера. (Съ портретомъ). Библіографическій перечень печатныхъ трудовъ В. Ѳ. Миллера.—**Т. И. Ланге и Ф. Л. Триллингъ.** Богатырь перегоняетъ солнце. Болгарская колядская пѣсня въ датскомъ и нѣмецкомъ переводѣ.—**А. Е. Грузинскій.** Приходъ кобзаря въ село. Изъ поэмы Шевченка: „Черныця Марьяна“.—**А. А. Шахматовъ.** Начальный Кіевскій лѣтописный сводъ и его источники.—**Ѳ. Г. Мищенко.** Къ вопросу о бытѣ Геродотовскихъ будиновъ.—**А. С. Хахановъ.** Нѣкоторыя черты строя и культуры древней Грузіи, по даннымъ археологіи и этнографіи.—Бар. **Р. Р. Штакельбергъ.** Главныя черты въ народной религіи осетинъ.—**Л. З. Мсеріанцъ.** Къ Боспорской ономастикѣ. (Собственное имя Σωρακος).—**В. К. Поржезинскій.** Нѣсколько страницъ изъ исторіи сравнительнаго языковѣдѣнія. — **М. Н. Сперанскій.** Одно изъ примѣненій закона переживанія старины въ исторіи русской литературы.— **Е. Ѳ. Будде.** Нѣкоторые выводы изъ позднѣйшихъ трудовъ по великорусской діалектологіи.—**Б. М. Халатьянцъ.** Общій очеркъ армянскаго богатырскаго эпоса.—**Н. Н. Харузинъ.** „Знамена“ у мордвы въ XVI и XVII в. (Съ 168 снимками).— **М. А. Дикаревъ.** Апокрифы, собранные въ Кубанской области.—

А. Н. Малинка. Апокрифы, записанные въ Волынской губерніи.— **А. И. Кирпичниковъ.** Богородица въ народной поэзіи. (Отрывки и замѣтки.—**Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ**. Армянскій апокрифъ: Посланіе судьи Пилата къ Тиверію Кесарю. (По рукописи XVII вѣка).— **Г. А. Халатьянцъ**. Объ Авгарѣ, царѣ Эдесскомъ, по Моисею Хоренскому.— **А. Д. Григорьевъ**. Къ вопросу о происхожденіи и редакціяхъ повѣсти объ Акирѣ Премудромъ.—**М. О. Аттая**. Повѣсть о мудромъ Хикарѣ и племянникѣ его Наданѣ. (Переводъ съ арабскаго).—**С. О. Долговъ**. Стихъ о Чудной Царицѣ.—**С. К. Шамбинаго**. Древне-русское жилище по былинамъ.—**А. В. Марковъ**. Бѣломорская былина о походѣ новгородцевъ въ Югру въ XIV вѣкѣ.— **Ю. И. Поливка**. Одинъ русскій анекдотъ и его западный источникъ.— **Н. Ѳ. Сумцовъ**. Повѣсть о томъ, какъ чортъ рассорилъ супруговъ. (Литературная родня разсказа А. П. Стороженка: „Се така баба, що чортъ їй чоботы на маховыхъ вылахъ оддававъ").—**А. И. Маркевичъ**. Очеркъ сказокъ, обращающихся среди одесскаго простонародія. **В—А. Гордлевскій**. Обзоръ турецкихъ сказокъ по сборнику Куноша.—**А. Е. Крымскій**. По поводу сюжета сказки Куноша № 94, послужившаго темою перваго ученаго труда В. Ѳ. Миллера.—**А. К. Горстеръ**. Къ литературной исторіи „Тысячи и одной ночи". Съ дополненіями и приложеніемъ указателя литературы, **А. Е. Крымскаго**.— **Г. А. Муркосъ**. О рѣчахъ, приписываемыхъ халифу Али.—**Г. В. Чирковъ**. Два любопытныхъ арабскихъ документа. (Къ исторіи внутренняго быта восточныхъ христіанъ).—**С. П. Олферьевъ**. Изъ области древнеарабской лирической поэзіи.—**С. Н. Тэръ-Саргсянцъ**. Хачатуръ Абовянъ, какъ этнографъ. (Къ исторіи армянской этнографіи.)—**В. Н. Добровольскій**. О нѣкоторыхъ архаическихъ обычаяхъ, переживаемыхъ народомъ въ Смоленской губерніи.—**М. В. Довнаръ-Запольскій**. Ритуальное значеніе коровайнаго обряда у бѣлоруссовъ.—**П. В. Ивановъ**. Вовкулаки. (Матеріалы для характеристики міровоззрѣнія крестьянъ-малоруссовъ). — **А. Е. Крымскій.** О малорусскихъ отглагольныхъ существительныхъ на Енне и Інне. **Р. Ѳ. Брандтъ**. Нѣсколько мелочей. (1. Перецъ.—2. Всь, всe, вьса.—3. Человѣкъ).—**Мирза-Джафаръ**. Объ искусственномъ образованіи парныхъ словъ (Reimwörter). — **П. Н. Милюковъ**. Что такое „море Вирянское" и „городъ Леденецъ"? (Справка къ вопросу о времени и мѣстѣ происхожденія былины о Соловьѣ Будимировичѣ).— **В. В. Каллашъ**. Нѣсколько догадокъ и соображеній по поводу „Слова о Полку Игоревѣ".—**Н. А. Янчукъ**. Къ исторіи и характеристикѣ женскихъ типовъ въ героическомъ эпосѣ.

